

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

Секретаря Отдѣленія Ф. И. Щербатскаго и помощника редактора
члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ II

Годъ XV

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

ОТДЕЛЪ I.

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

28 Декабря 1905 г. въ Петербургѣ было отпраздновано 40 лѣтіе научной дѣятельности одного изъ выдающихся представителей лингвистики въ Россіи—Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. По лингвистическимъ своимъ взглядамъ и по направлению своихъ занятій, И. А. занимаетъ совершенно своеобразное и выдающееся мѣсто не только среди представителей славянского языкознанія, но и среди изслѣдователей общей лингвистики. Долгъ обязанного ему ученика, поэтому, — указать и подчеркнуть научные заслуги этого выдающегося ученаго: Бодуэнъ¹⁾ родился въ 1845 г., образование получивъ въ Варшавѣ, сначала въ реальномъ училищѣ, а затѣмъ (1862—66 гг.), въ Главной Школѣ. По преимуществу естественно-математическое образованіе обратило вниманіе И. А. на отношеніе языка, какъ явленія соціально-психического къ естественнымъ наукамъ (мысль, нашедшая прекрасное выраженіе въ университетскихъ лекціяхъ И. А. и, главнымъ образомъ, въ его статьѣ: „Объ одной изъ сторонъ постепенного человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“ СПБ. 1904). Вмѣстѣ съ живымъ интересомъ къ естественнымъ наукамъ, который можно объяснить только вліяніемъ этого „реального“ образованія, въ трудахъ И. А., вѣроятно подъ вліяніемъ занятій математикой въ реальномъ училищѣ, рано уже обнаруживается стремленіе къ математической точ-

¹⁾ Біографіческія данные объ И. А. нами черпаются отчасти изъ статьи: И. Лосъ, И. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, т. VII, стр. 222. См. также автобіографическую записку И. А. въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, С. А. Венгерова. СПБ. 1897, т. V, стр. 18—50.

ности при изслѣдованіи разныхъ фонетическихъ явлений. Эта точность въ формулировкѣ замѣтна прежде всего въ „Лекціяхъ по латинской фонетикѣ“, въ университетскихъ лекціяхъ по общимъ вопросамъ языкоznанія (въ сожалѣнію, еще не напечатанныхъ) и въ введеніи ко II тому „Матеріаловъ по южнославянской діалектологіи и этнографії“ СПБ. 1904 стр. V—XXVII.—Такимъ образомъ Бодуэнъ прекрасно воспользовался своимъ „реальнымъ“ образованіемъ для научныхъ цѣлей. Недостатки же этого образованія имъ скоро были заполнены въ Главной Школѣ.

Первый научный трудъ И. А. появился 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1865 г. Это былъ переводъ сочиненія чешскаго ученаго Dr. J. Ew. Purkyně, *O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich.* Przełożył s czeskiego I. I. Niecisław. Baudouin. Рядомъ съ переводомъ отдѣльной книжкой вышли любопытныя замѣтки переводчика: *Kilka słów s powodu wzmianki Tygodnika illustrowanego o rozprawie D-ra I. Ew. Purkyniego, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie językow słowiańskich.*—Въ томъ же году появился и другой переводный трудъ И. А.:—*Frańiszka Bolesława Kwieta „Popularna nauka wychowania“.*—Всѣ эти работы свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ молодого ученаго въ вопросамъ лингвистики. Любопытно, что въ указанныхъ примѣчаніяхъ Бодуэна по поводу труда Purkyně, уже затрагивается вопросъ о графически-фонетическихъ ассоціаціяхъ, на который И. А. впослѣдствіи постоянно обращалъ вниманіе своихъ слушателей. Тому же вопросу посвящена статья И. А.: *Několik poznámeňání o polském pravopisu* 1868 (въ журналѣ *Sborník vědecký musea království českého*), написанная уже по окончаніи Главной Школы въ Варшавѣ.

Выдающейся работой Бодуэна, составившей эпоху въ исторіи языкоznанія была лейпцигская его диссертациі: „Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination“ (въ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, keltischen und slawischen Sprachen.“ Unter Mitwirkung von A. Leskien und J. Schmidt herausgegeben von A. Kuhn, VI Band, Berlin 1870, стр. 19—88). Трудъ этотъ замѣчательенъ по двумъ причинамъ: 1) здѣсь, вопреки обычаямъ тогдашнихъ лингвистовъ, особенное вниманіе обращено на *съвременное состояніе* польского языка; 2) опять-таки вопреки обычаямъ тогдашнихъ языковѣдовъ, отмѣчавшихъ только фонети-

ческія измѣненія въ языке, здѣсь впервые подчеркивается значительное *влияние аналогіи* на языковые измѣненія, т. е. впервые обращается внимание на *психологическое измѣнение* въ языке.

Такимъ образомъ Бодуэнъ въ своей диссертациі положилъ начало новому, психологическому или младограмматическому направлению въ области языкознанія.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтѣ этого первого крупного своего научного труда Бодуэнъ уже выпускаетъ новый капитальный лингвистический трудъ, — свою магистерскую диссертацию, подъ заглавиемъ: „О древне-польскомъ языке до XIV столѣтія“, Лейпцигъ 1870. Здѣсь съ удивительнымъ приложениемъ собраны всѣ древнѣйшія польскія слова, разбросанные въ многочисленныхъ латинскихъ актахъ, и изъ нихъ, путемъ научного анализа, сдѣланы выводы относительно польского языка (главнымъ образомъ фонетики) той эпохи, о языке которой до тѣхъ порь, за неимѣніемъ памятниковъ, имѣлись весьма скучныя свѣдѣнія. Если въ лейпцигской диссертациі Бодуэнъ проявилъ точное пониманіе психологической стороны языка, то въ этомъ труде въ немъ обнаружился замѣчательно подготовленный лингвистъ-фонетикъ, умѣющій, на основѣ фактовъ современного языка, изучать съ лингвистической точки зрѣнія и древніе памятники.

По защитѣ этой диссертациі молодой ученый, въ качествѣ приватъ-доцента, началъ читать лингвистическая лекціи при СПБ. Университетѣ, одновременно состоя преподавателемъ русскаго языка при 1-ой частной мужской гимназіи. Въ основу уроковъ и лекцій И. А. было положено изученіе живой природы языка, какъ со стороны произношенія, такъ и со стороны языкового мышленія, (подробности см. въ докладѣ Л. В. Щербы, „*О служебномъ и самостоятельномъ значеніи грамматики, какъ учебного предмета*“ и въ примѣчаніяхъ къ нему Бодуэна въ „*Трудахъ первого съѣзда преподавателей русского языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ*“ стр. 14 — 32). Подъ вліяніемъ этихъ занятий появился рядъ статей И. А. по общей лингвистикѣ: *Einige Beobachtungen an Kindern*, (Beitr. z. vergl. Sprachwissenschaft 1870. VI, 215—220); „*Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языке*“. Ж. М. Н. Пр. 1871, февраль. СПБ. 1871 „*Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологии русского языка*“. Филол. Записки 1881, 1882 и проч.— Въ то же время нашъ ученый рядомъ съ вопросами общаго языковѣдѣнія продолжалъ заниматься и славянскимъ языкознаніемъ.

Объ основательномъ его знакомствѣ со славянскими языками и сравнительной славянской грамматикой, между прочимъ, свидѣтельствуетъ рядъ „Критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ“ по поводу: „Изслѣдованія языка древне-славянского перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Имп. Публ. Библ. XI в.“ Будиловича (Жури. Мин. Нар. Просв. 1872, Августъ, стр. 342—363; Ноібрь, стр. 166—189), „Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache“ von August Schleicher (Ж. М. Н. Пр. 1873), по поводу трудовъ Новаковича, Ягича и Калужнинцкаго (Ж. М. Н. Пр. 1874, Ноібрь, стр. 182—195) и пр. Не менѣе интересенъ рядъ „Anzeigen“ сочиненій Крынскаго, Будиловича, Малиновскаго, Новаковича, Иречка и др. въ „Beiträge zur vergl. Sprachforschung“. Band VIII, стр. 174—244 и т. п. Наконецъ: „Rozbiór gramatyki polskiej ksiêdza Malinowskiego“ въ „Niwa“ 1875 г. Uebergang der tonlosen Consonanten in die ihnen entsprechenden tönenden in der historischen Entwicklung der polnischen Sprache.— „Doppelung des Suffixes—ti in der polnischen und russischen Sprache“.— „Zetaçismus in den Denkmälern und Mundarten der polnischen Sprache“.— „Wechsel von s (š, š) mit ch in der polnischen Sprache“ въ „Beiträge von Kuhn und Schleicher“, Band VI и проч.

1872—73 гг. И. А. провелъ въ путешествіяхъ по южнославянскимъ областямъ Австріи и Италіи, гдѣ прекрасно подготовленный лингвистъ могъ проявить свои способности діалектолога-наблюдателя, при изученіи діалектическихъ особенностей мѣстныхъ словинскихъ и резьянскихъ говоровъ. Результатомъ двухлѣтняго пребыванія Бодуэна за границей былъ рядъ замѣчательныхъ работъ по южно-славянской, преимущественно резьянской діалектології: И. Бодуэнъ де Куртенэ. Отчетъ о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872—73 гг.—Глоттологическая (лингвистическая) замѣтка. I: Кое-что по поводу резьянской гармоніи гласныхъ („Филологическая Записки“. Воронежъ, 1876, вып. V, стр. 1—16);— „Note glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia ario-europea (Atti del IV Congresso internazionale degli orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878, Vol. II, Firenze 1881, стр. 3—21);— Резья и резьянє (въ „Славянскомъ Сборнику“ III, 1876, стр. 223—371);— „О Славянахъ въ Италии“. Дерптъ 1892 г. (отл. отт. изъ „Русской Мысли“ 1893, іюнь). Сюда же относится докторская диссертација И. А.: „Опыт фонетики резьянскихъ говоровъ“ СПБ. 1875, съ приложеніемъ „Резянскій катехизисъ“ Варшава—СПБ. 1875. Такжѳ по

итальянски: J. Baudouin de Courtenay, *Il catechismo Resiano*, Pietroburgo 1891.

Съ переъзда Бодуэна въ Казань, куда онъ былъ назначенъ профессоромъ сравнительного языковознанія (1875—1883 гг.), начинается новый, наиболѣе замѣчательный періодъ его научной дѣятельности. Дialectологическая занятія въ разныхъ славянскихъ земляхъ укрѣпили въ немъ мысль, давно уже приходившую ему въ голову¹⁾), — что для полнаго пониманія прошлаго языка прежде всего необходимо тщательное изученіе его настоящаго; и вотъ неутомимый ученый основалъ въ Казани лингвистическую школу, въ которой прежде всего было обращено вниманіе на всестороннее изученіе психологической и физиологической сторонъ языка, при чёмъ наблюденія производились, главнымъ образомъ, надъ родной рѣчью. Такимъ образомъ въ этомъ казанскомъ кружкѣ въ весьма опредѣленной формѣ сказывалось то психологическое направлениe лингвистики, которому Бодуэнъ положилъ начало въ лейпцигской своей диссертациі. Любопытно, что первая школа младограмматического направлениa была основана на восточной окраинѣ Россіи, въ Казани, задолго до основанія подобныхъ же школъ на западѣ. Иностранные ученые и теперь не забыли этой заслуги основателя младограмматического направлениa въ языковознаніи: на адресѣ преподнесенному И. А. въ день юбилея его учениками и друзьями, между прочимъ имѣлись подписи: Brugmann'a, Hirt'a, Leskien'a, Mikkola, Jagić'a, Rešetar'a, Štrekelj'a и др. Гельсинфоргскіе лингвисты прислали особый адресъ. —

Въ Казани Бодуэнъ сумѣлъ заинтересовать общими вопросами лингвистики цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ (Крущевскій, Богородицкій, Буличъ, Александровъ и проч.). Подъ его вліяніемъ появилась замѣчательная книга Крущевскаго, *Очеркъ науки о языке*, Казань 1883 (N. Krušewski, *Principien der Sprachentwickelung*, Intern. Zeitschr., f. allgem. Sprachwiss. II, III. Leipzig 1885, 1886; V, Heilbronn, 1889, 1890) и др. Въ то же время нашъ ученый и самъ продолжалъ заниматься вопросами того же характера: появились въ печати его „Подробная программа лекцій за 1876—77 гг.“, и „Подробная программа лекцій за 1877—78 гг., представляющая собой обширные курсы языковѣдѣнія. Подробныя библіографическія указанія въ

1) Впервые эта мысль обнаруживается уже въ указанныхъ выше примѣзахъ нашего ученаго по поводу труда Purkyně, затѣмъ въ статьяхъ: „Einige Fälle der Wirkung der Analogie“, „Einige Beobachtungen an Kindern“, Kahn „Beiträge“, Band VI и проч.

этихъ программахъ сохраняютъ свое значеніе и въ настоящее время. Помимо тѣго, что здѣсь впервые подчеркивается необходимость обстоятельного изученія современного состоянія языка, эти „программы“ интересны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ впервые обращено вниманіе и на патологическое состояніе языка. Важность подобныхъ наблюденій въ настоящее время сознается всѣми лингвистами: именно подобнымъ патологическимъ состояніямъ цѣлой языковой группы, и только имъ, можетъ быть объяснено, напр., измѣненіе согласного І въ цца почвѣ белорусского языка, словинскихъ говоровъ и др., прекращеніе работоспособности передней части языка, при артикуляціи звука І ведеть къ измѣненію І въ согласный ц и т. п. Безъ сомнѣнія въ указаніи на эту мало разработанную область лингвистики слѣдуетъ видѣть громадную заслугу нашего ученаго.—

Рядомъ съ указанными программами, Бодуэнъ въ это время выпустилъ въ свѣтъ и другія работы: „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. V, Варшава 1881);— „Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русского языка“ („Филологическая Записка“ 1882);— „Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ“ („Журн. Мин. Нар. Просв. ССХVIII, 1881, декабрь);— „Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ славянъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. 1870 отд. отт.).

Въ 1883 г. И. А. на время пришлось разстаться со своими казанскими учениками: въ этомъ году онъ былъ назначенъ профессоромъ славянского языкознанія при Дерптскомъ (Юрьевскомъ) Университетѣ. Въ Дерптѣ онъ оставался до 1893 г., когда переселился въ Краковъ, въ качествѣ, прежде всего, академика Краковской Академіи Наукъ. Объ усердной научной дѣятельности въ это время свидѣтельствуютъ его труды: „Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropaischen Sprachen“, Лейпцигъ 1884 и другія работы обнаруживающія глубокое пониманіе психологіи языка: „Z patologji i embrjologji jêzyka“ (Prace filologiczne I, Warszawa 1885);— „O ogólnych przyczynach zmian językowych (Prace filologiczne III, Warszawa 1890);— „Vermenschlichung der Sprache“ Hamburg 1893 (Sammlung gemeinverstndlicher wissenschaftlicher Vortrge, Neue Folge, Achte Serie, Heft 173);— „O pewnym stalym kierunku zmian językowych w zwizku z antropologj“. (Отд. отт. изъ „Kosmos“ a, zeszyt IV—V 1899).— Самой глубокой работой Бодуэна слѣдуетъ признать трудъ:

Próba teorji alternacyi fonetycznych" (отд. отт. изъ „Bograv Wydž. filol. Akad. Umiej. W Krakowie XX, 1894) и классическую нѣмецкую его переработку: „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Ein Capitel aus der Psychophonetik, Strassburg 1895.—Уже въ прежнихъ своихъ трудахъ Бодуэнъ обнаружилъ глубокое пониманіе психологіи языка съ одной,— и фонетическихъ явлений— съ другой стороны. Въ этомъ же трудѣ онъ показалъ, что его специальность именно психофонетика, и въ этой области ему нѣть равнаго не только среди русскихъ, но и среди западноевропейскихъ лингвистовъ.

Изъ другихъ статей И. А., относящихся къ наиболѣе замѣтной эпохѣ его научной дѣятельности, упомянемъ: „Два вопроса изъ ученія о смягченіи или палатализациѣ въ славянскихъ языкахъ“ Ученые записки Юрьевскаго универ. 1893, № 2; „Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)“, Indoger- manische Forschungen IV, 1894;— „O psychicznych podstawach zjawisk językowych (Przegląd filologiczny 1903);— Z logiki tłumów („Krytyka“ 1904);— „Próba uzasadnienia samoistności zjawisk psychicznych na podstawie faktów językowych“ (въ Sprawozdan. Akademii Umiejetności Wydziału filologicznego z dnia 11 lipca 1903);— статьи „Fonema“, „Fonologja“, „Fonologja arjo-europejska“, „Fonologja słowiańska“. „Fonologja polska“, „Język i języki“, „Językoznanstwo“ и др. (въ „Encyklopedja powszechna ilustrowana“). „W sprawie polskiego słownictwa chemicznego“ Kraków 1900;— „Versuch einer Begründung der Unabhängigkeit psychischer Vorgänge auf Grund sprachlicher Thatsachen“ („Bulletin de l' Académie des sciences de Crakovie“);— „Лингвистические замѣтки и афоризмы“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903);— „Языкъ и языки“, „Языкоzнание“ и др. статьи и въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефона.— „Объ одной изъ сторонъ постепенного человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“ и проч.

Въ то же время Бодуэнъ продолжалъ свои занятія славянскимъ языкоzнаниемъ. Въ трудахъ: „Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и кашубскій вопросъ“ СПБ. 1897 (Журн. Мин. Нар. Просв. Апрѣль—Май 1897); и „Kurzes Resumé der kaschubischen Frage“ („Archiv für slavische Philologie“ Band XXVI, стр. 366—406), онъ обнаруживаетъ хорошее знакомство со славянами въ Западной Пруссіи и восточной Помераніи. Какъ продолженіе указанныхъ выше вислѣдований по южно-славянской діалектологіи И. А. вышли въ свѣтъ: „Ma-

terialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie“ I, СПБ. 1893.—Вторичная поездка къ славянамъ Италии доставила ему материалы для продолженія этого труда: „Матеріали по южнославянской діалектології и єтнографії“ II, СПБ. 1904.—„Нѣсколько случаевъ психически-морфологического уподобленія или уоднообразіенія въ терско-славянскихъ говорахъ съверо-восточной Италии“ (Ізвѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ X, кн. 3 стр. 266—283).—Словинскій говорамъ уже раньше были посвящены статьи: Der Dialekt von Cirkno (Archiv fur slav. Philol. Band VII, 386—404; 575—590; VIII стр. 102—119; 274—290; 432—462);—Celovec-Klagenfurt (Archiv f. slav. Phil. Band XXVI) и др.

Діалектологическая поездка И. А. въ Австрію и Италию дали ему возможность въ точности опредѣлить отношеніе другъ къ другу юго-западно славянскихъ говоровъ: резьянскіе говоры Бодуэнъ отдѣляютъ отъ славянскихъ и разсматриваются ихъ какъ разновидности особаго нарѣчія. Кромѣ того въ съверо-восточной Италии имъ отмѣченъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ словинской языковой области къ сербо-хорватской; говоры въ окрестностяхъ Cividale ближе всего подходятъ къ словинскому нарѣчію. Болѣе съверные говоры терскихъ славянъ болѣе близки къ сербо-хорватскимъ. Родственные терскимъ говорамъ идіомы въ окрестностяхъ С.-Піетро обнаруживаютъ весьма сильное словинское вліяніе.—

Въ діалектологическихъ своихъ работахъ Бодуэнъ обнаружилъ замѣчательныя способности отмѣщать фонетическія особенности и оттѣнки изучаемыхъ имъ говоровъ, въ диссертациі „О польскомъ языке до XIV столѣтія“ онъ доказалъ, что прекрасно умѣть использовать для лингвистическихъ цѣлей памятники, въ замѣткахъ, въ родѣ „Celovec-Klagenfurt“ проявилъ замѣчательныя этимологическія способности, въ разсужденіи „Einige Fälle der Wirkung der Analogie etc“, а еще болѣе въ „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen“ обнаружилъ тонкое пониманіе психологической стороны языка, въ „Лекціяхъ по латинской фонетикѣ“ проявилъ поразительную точность при опредѣлениі отдельныхъ звукопроизводныхъ работъ,— все же наиболѣе тщательно изслѣдованной имъ областью (особенно за послѣднее время его научной дѣятельности) слѣдуетъ признать именно *психологію языка*. Труды Бодуэна въ этой области такъ глубоко обдуманы, что каждый изъ нихъ для полнаго пониманія требуетъ многолѣтняго внимательного изученія.

Достоинствомъ этихъ работъ слѣдуетъ признать глубину мысли и выдержанность взглядовъ,—обстоятельства, на которыхъ слишкомъ мало обращалось вниманія при оцѣнкѣ трудовъ нашего психофонетика.

Считаю не излишнимъ указать здѣсь нѣкоторыя изъ общихъ положеній, къ которымъ привели Б.—а его наблюденія и изслѣдованія явлений языка (см. его автобіографическую записку въ „Критико-біографич. словарѣ“ Венгерова V, 33—35): 1) Нѣть никакихъ звуковыхъ законовъ. 2) Причислать языкъ къ организмамъ, языковѣдѣніе же къ естественнымъ наукамъ—абсурдъ. 3) Сущность человѣческаго языка исключительно психическая. Существованіе и развитіе языка обусловлено чисто психическими законами. Нѣть и не можетъ быть въ рѣчи человѣческой или въ языкахъ ни одного явленія, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ психическимъ. 4) Кроме психической стороны языка слѣдуетъ отмѣтить и сторону соціальную. 5) Законы жизни и развитія языка еще не открыты, и они могутъ быть добыты только путемъ тщательныхъ индуктивныхъ изслѣдований. 6) Причиной всѣхъ измѣненій языка является стремленіе къ удобству, стремленіе къ облегченію въ трехъ областяхъ языковой дѣятельности: въ области произношенія (*фонаціи*), въ области слушанія и восприниманія (*аудиціи*) и, наконецъ, въ области языкового мышленія (*церебраціи*). 7) Всѣ языки произошли путемъ смыкшенія. 8) Въ исторіи языковъ замѣчается фактъ постепенного человѣченія рѣчи человѣческой. 9) Историческая эволюція морфологической стороны языка состоять въ поочередномъ перемѣщеніи языкового вниманія съ конца слова или предложенія къ его началу и наоборотъ. Жизнь словъ и предложеній языка—результатъ *mobile*, состоящее изъ вѣсовъ, безпрестанно колеблющихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно передвигающихся въ извѣстномъ направленіи. 10) Нѣть неподвижности въ языкахъ. 11) Въ языкахъ происходитъ вѣчное перемѣщеніе мѣсть сцѣпленія дальше недѣлимыхъ языковыхъ единицъ. То извѣстная единица языка увеличивается на счетъ другой, то, наоборотъ, извѣстная единица лишается извѣстной части своего состава въ пользу другой. 12) Изреченіе „ex nihilo nil fit“ находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ языковѣдѣніи. Происходящія какъ-будто изъ ничего языковыя единицы (фонемы, морфемы и пр.) создаются изъ готоваго уже материала и только получаютъ новую форму. 13) Слѣдуетъ брать предметъ изслѣдованія такимъ, каковъ онъ есть, не называя ему чуждыхъ ему категорій. 14) Въ языковѣдѣніи, еще болѣе, чѣмъ въ исторіи, слѣдуетъ

держаться требований географии и хронологии. 15) Односложность корней арио-европейских языковъ ничѣмъ не доказана. 16) Корни существуютъ въ языкахъ всегда. 17) Для языковъдѣнія, какъ науки всесторонне обобщающей, изслѣдованіе существующихъ теперь, живыхъ языковъ гораздо важнѣе изученія исчезнувшихъ языковъ, воспроизведеніи по письменнымъ памятникамъ. 18) Ребенокъ особенностями своей рѣчи предсказываетъ будущее состояніе племенного языка, и только впослѣдствіи пытится, такъ сказать, назадъ, все болѣе и болѣе принаравливаться къ нормальному языку окружающихъ. 19) Толчки къ существеннымъ измѣненіямъ племенного языка даются, главнымъ образомъ въ языкахъ дѣтей. 20) Начало языка не моногенетическое, а полигенетическое. 21) Строго слѣдуетъ различать *развитіе языка*, отъ его *исторіи*. Исторія состоитъ въ простой послѣдовательности явленій однородныхъ, но различныхъ. Развитіе же состоитъ въ безпрерывности измѣненій не феноменальныхъ (басающихся только *явленія*), но существенныхъ. Развитіе свойственно языку индивидуальному, исторія же — языку *племенному* (см. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ „Критико-біографич. словарѣ“ Венгерова V, стр. 33—35).

За послѣднее время неутомимый ученый предпринялъ цѣлый рядъ крупныхъ изданій: онъ издаетъ отдѣльный сборникъ своихъ статей, напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. О цѣнности подобнаго собранія статей нашего ученаго въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, послѣ сказаннаго, нѣть надобности распространяться. Въ настоящее время изданъ первый томъ этого собранія подъ заглавиемъ: I. Baudouin de Courtenay, *Szkieje jazykoznaawcze*, I, Warszawa 1904. (особенно интересны здѣсь статьи: „Jazykoznaawstwo czyli lingwistyka w wieku XIX-m“, стр. 1—23; O zadaniach jazykoznaawstwa стр. 24—49; O ogólnych przyczynach zmian jazykowych стр. 50—95; Kilka wypadkow dzialania analogii w deklinacji polskiej стр. 176—248; Z fonetyki miedzywyugowej (ausser Sandhi) sanskritu i jazyka polskiego стр. 413—423; Интересная этимологія стр. 260—263, 431—434 и проч.).

Съ 1903 г. Бодуэнъ редактируетъ 3-е изданіе „Толковаго словаря живого великорусского языка“ В. И Даля; пока вышло 2 тома, до буквы П. Кромѣ того, нашъ ученый слѣдить за этимологической частью и полнотой материаловъ въ издаваемомъ въ Варшавѣ, обширномъ „Słownik jazyka polakiego“.

Я постарался вкратцѣ охарактеризовать научную дѣятель-

ность И. А. за 40 лѣтъ. Теперь скажу нѣсколько словъ объ университетскомъ преподаваніи профессора: рѣдко мнѣ въ университѣтѣ приходилось видѣть ученыхъ, такъ любящихъ свой предметъ, такъ глубоко его понимающихъ, такъ страстно имъ увлекающихся, и увлекающихъ другихъ. Достоинство его лекцій прежде всего слѣдуетъ видѣть въ ихъ самостоятельности: И. А. не придерживается ни одного руководства, ни одного готоваго ученія, онъ вполнѣ независимъ отъ современныхъ ученій другихъ изслѣдователей. Этимъ онъ открываетъ своимъ ученикамъ совершенно новыя области лингвистики, пріучаетъ ихъ къ такому же свободному, непредубѣжденному взгляду на предметы и цѣли изслѣдованія и воспитываетъ въ нихъ своимъ примѣромъ уваженіе и стремленіе къ такой же самостоятельности. Такая наука, какъ языковѣданіе, особенно нуждается въ столь опытномъ руководителѣ, не только исправляющемъ недостатки гимназического образованія, но и направляющемъ своихъ учениковъ въ области лингвистики. Изъ года въ годъ Бодуэнъ въ университѣтѣ читаетъ одинъ и тотъ же курсъ: „Введеніе въ языковѣданіе“¹⁾, но какъ серьезно и добросовѣстно онъ относится къ университетскому преподаванію, явствуетъ изъ того, что ежегодно курсъ этотъ читается въ совершенно измѣненномъ и переработанномъ видѣ²⁾. Желательно было бы видѣть изданіе этого курса: безъ сомнѣнія для русской науки онъ имѣлъ бы такое значеніе, какъ для нѣмецкой лингвистики извѣстные „Grundzüge der Phonetik“ Sievers'a. Интересно было бы и изданіе университетскихъ лекцій Бодуэна по „Сравнительной грамматикѣ славянскихъ народовъ“³⁾. Онъ были бы полезнымъ дополненіемъ къ общимъ трудамъ по славянскому языкознанію Миклошича и Флоринскаго.—

Въ отвѣтъ на рѣчь своего ученика проф. С. К. Булича, Бодуэнъ въ день своего юбилея, высказалъ мысль, что онъ и послѣ юбилея, на который часто смотрятъ, какъ на предѣль научныхъ занятій, надѣется продолжать свою научную дѣя-

¹⁾ Не по своей волѣ, какъ я узналъ отъ него лично.

²⁾ См. Н. Крушевскій. Отчетъ о занятіяхъ сравнительными языкознаніемъ за время отъ 15 декабря 1878 г. до 1^о октября 1879 г. въ „Извѣстіяхъ Казанского Университета“ 1882 г.

³⁾ Въ настоящее время имѣющихся лишь въ литографированномъ курсѣ: „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ въ связи съ другими индоевропейскими языками“ проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. Лекціи 1901—1902 гг. Составилъ студ. А. Шиловъ.

тельность, но онъ желаетъ своимъ товарищамъ, если имъ когда-нибудь придется праздновать подобный же юбилей, праздновать его въ болѣе счастливую пору.—Мнѣ кажется къ этимъ двумъ желаніямъ неутомимаго труженика безъ колебанія присоединится всякий; въ настоящее смутное время Россія особенно нуждается въ честныхъ, благородныхъ людяхъ, такъ смѣло ратующихъ за правду и за свободу.

М. Фасмеръ.

2 февраля 1906 г.

Къ изученію русскихъ народныхъ пѣсень.

I.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ— „А мы просо сѣяли“—представляетъ въ своемъ содержаніи значительную неясность. Она постоянно сопровождается „игрою“, следовательно, мы въ ней имѣемъ небольшую сцену изъ старого быта. Но связь между дѣйствіями двухъ являющихся передъ нами сторонъ почти отсутствуетъ.

Обратимся въ пѣснѣ и возьмемъ тотъ ея варіантъ, который находится въ пѣсенникахъ XVIII вѣка и между прочимъ у нѣкогда широкого распространенного Прача¹⁾.

1. А мы просу сѣли.—
2. А мы просу вытопчемъ.—
1. Да чѣмъ-то вамъ вытоптать?—
2. А мы коней выпустимъ.—
1. А мы коней переймемъ.—
2. Да чѣмъ-то вамъ перенять?—
1. Ахъ, шелковымъ неводомъ.—
2. А мы коней выкупимъ. И т. д.

Первая сторона сообщаетъ второй, что она на данной землѣ посѣла просо. Вторая отвѣчаетъ угрозой вытоптать это просо конями. Первая въ свою очередь заявляетъ, что она не останется въ долгу и захватить коней. Вторая сторона смиряется и предлагаетъ выкупъ. Передъ нами вражда и угрозы. Изъ за чего? Что непріятного для второй стороны въ сѣяніи проса первою стороною? Какое основаніе имѣть она грозить насилиемъ? Почему, наконецъ, она за одну угрозу, не приведенную въ исполненіе, платится выкупомъ? Текстъ этого варіанта не

¹⁾ Мы пользуемся нашимъ изданіемъ: „Великорусскія народныя пѣсни“, т. VII, Спб. 1902 г., № 696.

даєть отвѣта. Очевидно, варіантъ принадлежить къ числу иска-
женныхъ. Очевидно, играющіе подъ этотъ варіантъ не отдаютъ
себѣ отчета въ томъ, что поютъ.

Возьмемъ другой варіантъ ¹⁾.

1. Ужъ мы пашню пахали.—
2. А мы просо сѣяли.—
1. А мы просо вытопчимъ. И т. д.

Здѣсь сцена имѣеть уже иной характеръ. Первая сторона
заявляетъ второй, что она на данной землѣ вспахала пашню.
Вторая отвѣчаетъ, что она на этой же землѣ посѣяла просо.
Передъ нами споръ о правѣ пользованія землею. Угроза вы-
топтать просо изъ усть первой стороны— вполнѣ естественна;
это—мѣсть за нарушеніе ея права. Но за что именно эта
сторона платится выкупомъ? Вѣдь *jus primi occupantis* на ей
сторонѣ? Вѣдь вторая сторона не имѣеть на землю никакихъ
правъ? Очевидно, и этотъ варіантъ принадлежить къ числу
пострадавшихъ отъ времени.

Возьмемъ еще варіантъ ²⁾.

1. А мы сѣчу сѣвали.—
2. А мы пашню пахали.—
1. А мы просо сѣяли.—
2. А мы коней... И т. д.

Споръ идетъ о томъ, кому снимать просо. Первая сторона
расчистила землю изъ подъ лѣса. Вторая эту расчищенную
землю распахала. Право на пользованіе землею принадлежитъ,
несомнѣнно, первой сторонѣ. Вторая несетъ, за попытку за-
хватить землю, наказаніе—платить штрафъ. Лишь этотъ варі-
антъ можетъ считаться полнымъ и сохраняющимъ основныя
подробности пѣсни-прототипа.

Выжиганіе лѣса подъ пашню на нашемъ сѣверѣ и особенно
въ Сибири—всѣмъ извѣстно. О томъ, что оно всего полсто-
лѣтія назадъ практиковалось въ средней Россіи ³⁾, можно ви-
дѣть изъ книги Есимонтовскаго, Описаніе Суражскаго уѣзда
Черниговской губерніи, Спб. 1846.

¹⁾ См. тамъ же № 702. Съ нимъ до извѣстной степени сходенъ № 704.

²⁾ Тамъ же № 701. Съ нимъ сходенъ въ главномъ № 700.

³⁾ Первый посѣвъ былъ всегда—просо.

II.

Всѣмъ извѣстна пѣсня „Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни“. Всѣ наличные записи ея (ихъ немного) даютъ очень близкіе тексты. Въ нихъ ясно выдѣляются четыре части.

Первая¹⁾ вездѣ почти буквально одна и та же:

Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!
Ужъ знать что мнѣ по сѣничкамъ не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рученьку не важивати!

Ясно, что рѣчь ведетъ дѣвушка, просватанная не за милаго дружка, передъ тѣмъ, какъ ей оставить отеческій кровь.

Вторая часть также вездѣ одна и та же:

Выходила молода за новыя ворота.
За новыя, дубовыя, за рѣшетчатыя;
Выпускала сокола изъ правого рукава:
Полети ты, мой соколь, высоко и далеко,
И высоко, и далеко на родиму сторону!
На родимой на сторонѣ грозень батюшка живетъ...

Здѣсь говорить уже замужняя, находящаяся на чужой сторонѣ, для которой родимая сторона—далеко.

Третья часть въ разныхъ варіантахъ поется разно. Въ однихъ²⁾ рѣчь идетъ о прошломъ:

Онъ грозень, сударь, грозень, онъ немилостивый:
Не пускаеть молоду поздно вечеромъ одну!
Я не слушала отца, потѣшила молодца!

И далѣе^{3):}

А затѣмъ его забавила, что одинъ сынъ у отца,
Зовутъ Ванюшкою, пивоварушкою...

Въ другихъ^{4):}

Я не слушаю отца, а потѣшу молодца!
Я за то его потѣшу, что одинъ сынъ у отца...

¹⁾ Пользуемся таmъ же № 72.

²⁾ Тамъ же № 74.

³⁾ № 76.

⁴⁾ № 72.

Четвертая часть для насъ наименѣе интересна. Она даетъ характеристику героя пивовара:

Пивоваръ ливо *варитъ*, зелено вино *курить*,
Зелено вино курить, красныхъ дѣвушекъ манить...

Или:

Пивоваръ пиво *варилъ*, зелено вино *курило...*

Первая и вторая части настолько разногласять между собою, что необходимо одну изъ этихъ частей признать искаженной. Нельзя сомнѣваться, что это—вторая часть. Дѣвушка, просватанная не за милаго, должна посыпать вѣсть съ соколомъ не на родимую сторону, гдѣ она еще находится, а на чужую, гдѣ проживаетъ милый. Сравни пѣсню № 287 и сходныя:

Полети-ка, сизенький голубчикъ, въ саму дальнюю сторону;
Ты найди-ка, сизенький голубчикъ, мнѣ-ка милаго дружка,
Ты скажи про несчастье про мое,
Про такое про несчастье: Сашу замужъ отдаютъ,
Отдаютъ-то не за милаго дружка...

Очевидно, произошло смѣщеніе двухъ пѣсень, близкихъ по ритму и напѣву, и воздействиѳ одной (неизвѣстной) на другую, на нашу. Возстановить первоначальный видъ послѣдней мы уже не можемъ.

Третья часть представляетъ лишь незначительное затрудненіе. Выборъ изъ двухъ глагольныхъ формъ—прошедшаго времени и будущаго—не труденъ. Если милый—далеко, звѣчть, дѣвушка можетъ лишь вспоминать прошлое, а не мечтать о будущемъ.

Въ четвертой части также двѣ глагольные формы—настоящаго времени и прошедшаго. Изъ нихъ форма прошедшаго легко могла явиться подъ вліяніемъ однородной формы въ третьей части. Слѣдовательно, форма настоящаго времени заслуживаетъ предпочтенія, тѣмъ болѣе, что она вполнѣ подходяща для характеристики пивовара.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о постепенномъ „человѣчній“ языка.

Языковѣдѣніе вообще и сравнительно-историческое изученіе индо-европейскихъ языковъ въ особенности собрали уже значительное количество разнообразныхъ данныхъ и пришло къ ряду частныхъ выводовъ. Теперь очередь за общими выводами.

Професоръ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ недавно издалъ ¹⁾ свой рефератъ, читанный въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ и озаглавленный: „Объ одной изъ сторонъ постепенного человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“. Этотъ рефератъ посвященъ, какъ показывается уже заглавіе, вопросу о постепенномъ „человѣченіи“ языка.

Произносять, говорить авторъ, т. е. производить звуки не только человѣкъ, но и животныя: птицы и млекопитающія. Но у животныхъ главный фокусъ фонациі или звукопроизводства сосредоточивается въ нижнихъ и заднихъ органахъ рѣчи; если животныя и произносятъ ртомъ, то въ ихъ произношеніи существуетъ вся полость рта, безъ различенія ея отдѣльныхъ частей, безъ частной локализаціи. Въ человѣческомъ же произношеніи замѣчается большое разнообразіе работъ полости рта и локализація въ полости рта составляетъ его главный признакъ.

Если стать на эволюціонную точку зрѣнія, продолжаетъ авторъ, то необходимо будетъ предположить, что переходъ отъ языковаго состоянія животнаго и до-человѣка къ языковому состоянію человѣка состоялъ въ общемъ выходѣ звукопроизводительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта и въ появлѣніи настоящей членораздѣльности произношенія.

¹⁾ Ежегодникъ Русского Антропологического Общества при Имп. Спб. университѣтѣ, изд. подъ редакціей секретаря Общества Б. Ф. Адлеръ. Т. I, 1904 г., стр. 275—288.

Если первоначальное очеловечение языка, говорить далее авторъ, состояло въ выходѣ главной массы произносительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта, то спрашивается: нѣтъ ли продолженія того же исторического процесса въ доступный изслѣдованію и гипотетической реконструкціи періодъ жизни известныхъ намъ языковъ?

Какъ на самые существенные факты авторъ указываетъ на противоположности 1) полости гортани и полости рта и 2) въ полости рта—органовъ заднихъ и переднихъ, т. е. съ одной стороны—задней и средней части языка, съ другой же стороны—передней части языка и губъ.

Чтобъ получить отвѣтъ на поставленный вопросъ, авторъ приводитъ рядъ фактовъ изъ исторіи indo-европейскихъ языковъ и изъ нихъ заключаетъ, что продолженіе человѣченія языка происходитъ.

Заключеніе и интересно, и важно. Но дѣйствительно ли факты, на которые опирается авторъ, собраны полно и говорятъ убѣдительно?

Разсмотримъ изъ этихъ фактовъ четыре, одинъ за другимъ, въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются авторомъ.

1) „Одна изъ фонациональныхъ работъ гортани, такъ называемое *придыханіе* (аспирація) постепенно слабѣеть, или совершенно исчезает, или по крайней мѣрѣ уменьшается какъ со стороны частоты появленія, такъ и со стороны каждовременной исполняемости. Это можно замѣтить при переходѣ отъ состоянія языка латинскаго въ состоянію языковъ романскихъ (итальянскаго, французскаго и т. д.), въ исторіи языковъ германскихъ (раньше *h̄l*, *h̄r*, впослѣдствіи *l*, *r* и т. п.) и т. д.”

Мы очень мало знакомы съ романской и германской діалектологіей, и потому вѣримъ автору на слово въ томъ, что касается романской и германской группъ языковъ. Но славянская группа языковъ представляетъ нѣчто противоположное тому, что усматриваетъ авторъ въ группахъ романской и германской. Несомнѣнно, въ общеславянскомъ предкѣ этихъ языковъ не было придыхательного *h̄*, во на почвѣ отдѣльныхъ языковъ онъ появился, въ однихъ получившись изъ древняго задне-небнаго *g*, въ другихъ возникнувъ неорганически. Наши данные не даютъ намъ возможности отличать придыхательное *h̄* отъ фрикативнаго *γ* (наблюдатели ихъ постоянно смѣшиваютъ), но не подлежитъ сомнѣнію, что придыхательное *h̄* на мѣстѣ древняго *g* существуетъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ; возможно, что оно существуетъ также въ говорахъ чешско-сло-

вацкихъ. Что до неорганическаго придыханія, то оно известно какъ въ говорахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, такъ въ особенности въ говорахъ чешско-словацкихъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые имѣютъ его передъ каждымъ начальнымъ гласнымъ (B a g t o š, Dialektologie Moravská, II, 187). Сверхъ того, верхнелужицкій языкъ имѣть неорганическое *h* передъ каждымъ начальнымъ *o*.

2) „Въ древнѣйшемъ исторически возсоздаваемомъ состояніи индо-европейскихъ языковъ отличались, по дѣйствію гортаны, не только глухіе согласные отъ звонкихъ, но также придыхательные отъ непридыхательныхъ. Впослѣдствіи это второе различіе или исчезаетъ, или же замѣняется другого рода различеніемъ, фонациональный базисъ котораго — полость рта“. Авторъ ссылается на судьбы древнихъ придыхательныхъ согласныхъ въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ.

И здѣсь мы вѣримъ автору, что въ романскихъ и германскихъ говорахъ не возникло новыхъ придыхательныхъ согласныхъ. Но хотя придыхательные согласные не были известны обще-славянскому предку, тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ потомковъ — въ верхнелужицкомъ языке — одинъ такой согласный *kh* появился (на мѣстѣ древнаго *x*): *khudy*, *khory*, *khorič*. Т. Д. Флоринскій говоритъ: „*kh* проникло къ Верхнемъ Лужицанамъ подъ вліяніемъ итальянской языка лишь въ концѣ XVII ст.“ („Лекціи по славянскому языкознанію“, II, 621).

3) Исторія языковъ указываетъ на постепенное усиленіе звукопроизводной дѣятельности передней части языка и губъ за счетъ дѣятельности задней части. Въ этомъ направленіи замѣны работъ болѣе заднихъ работами болѣе передними совершилась замѣна прежнаго индо-европейскаго *j* согласными переднеязычными въ греческой звуковой области (*dz* и даже простое *d*), въ области романской (итальянское *dž*, французское *ʒ* и т. п.), въ области индійской (пракритское *dž*).

Несомнѣнно, что въ рядѣ языковъ въ известныхъ случаяхъ *j* перешелъ въ *dz*, *dž*; но мы видимъ и обратное явленіе — переходъ небнаго *d* въ *j*. Такъ, въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ вмѣсто ходять, глядять и т. п.— хоять, гляятъ и т. п. Такъ, хорватскіе и словинскіе говоры въ значительной древности замѣнили древнѣйшую группу *dj* (черезъ небное *d?*) простымъ *j*: *gosoja* изъ господja, ц.-сл. госпожда, шеji, ц.-сл. междою.

4) Изъ комбинаторныхъ измѣненій звуковъ языка, приводящихъ въ концѣ концовъ къ замѣнѣ заднихъ звукопроизвод-

ныхъ работъ болѣе передними, И. А. Бодуэнъ указываетъ на замѣну *к'* (*къ*), *г'* (*нъ*) въ разныхъ языкахъ или черезъ *ч*, *ж*, или черезъ *ц*, *ձ*, или черезъ *t'* (*тъ*), *d'* (*ձъ*). „Въ исторіи языковъ, прибавляетъ онъ, мы замѣчаемъ все новыя отложенія въ этомъ направленіи. Укажемъ, между прочимъ, на русское *ти*, *де* вмѣсто прежнихъ *ки*, *иे* (паутина, тистъ вмѣсто кисть, андель вм. анель и т. п.“).

И здѣсь мы встрѣчаемся съ обратнымъ явленіемъ. Нѣкоторые малорусские говоры (въ Покутьѣ, у Гуцоловъ) послѣдовательно замѣняютъ каждое *т'*, *ດ'* черезъ *к'*, *շ*: *кісто*—*տѣсто*, *гідъ*—*Ժѣдъ*. Говоры македонско-болгарскіе, хорватскіе, словинскіе прекрасно знакомы съ тѣмъ же явленіемъ: болг. свеки, бракя изъ свѣтja, братья, мезю, г'ете, визялъ, изъ медју, дѣте, видѣлъ. Вульгарный московскій говоръ рядомъ съ андель представляетъ намъ и орєнь—орденъ, кисемка—тесемка, Китъ (собств. имя)—Титъ.

Другіе факты, указанные И. А. Бодуэномъ въ доказательство постепенного „человѣченія“ языка, если не возбуждаютъ сомнѣнія въ самомъ своемъ существованіи,—также имѣютъ, почти всѣ, рядомъ съ собою факты прямо противоположные, т. е свидѣтельствующіе скорѣе о „звѣрѣніи“ языка, чѣмъ объ его „человѣченіи“.

Такимъ образомъ, уклонившись отъ односторонняго подбора материала и поставивъ передъ собою все разнообразіе звуковыхъ измѣненій въ индо-европейскихъ языкахъ,—мы должны признать, что о „человѣченіи“ языка въ доступный наукѣ периодъ жизни индо-европейскихъ народовъ мы не имѣемъ права говорить. Весьма возможно, что это „человѣченіе“ въ чёмъ-нибудь дѣйствительно выражается, но факты, приведенные И. А. Бодуэномъ, и имъ подобные не свидѣтельствуютъ о немъ.

А. Соболевскій.

По волынскимъ захолустьямъ.

(Эскизы изъ дорожного альбома).

I.

На развалинахъ Коростеня.

Начинало смеркаться, когда мы вступили въ березовую аллею, ведущую въ мѣстечко Искорость, расположившееся на полпути изъ Житомира въ Овручъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданию, находился иѣогда Коростень, столица древлянская, сожженная княгиней Ольгой.

Широкая аллея привела насъ прямо въ мѣстечко, раскинувшееся на берегу живописной рѣчки Уши. Скоротавъ ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ народной школы, на другой день мы съ товарищемъ принялись немедленно знакомиться съ достопримѣчательностями Искорости. Памятниковъ глубокой старинъ здѣсь чрезвычайно много; то и дѣло встрѣтишь или древнее городище, или курганъ, или развалины, къ которымъ пріурочена какая-нибудь красавая и наивная народная легенда.

Мы, первымъ дѣломъ, остановили свое вниманіе на знаменитыхъ „Ольгиныхъ вупальняхъ“ или „Ольгиныхъ банихъ“.

Рѣка Уши, на которой, какъ я уже сказалъ, стоить Искорость, пробивъ себѣ путь въ гранитныхъ скалахъ, отрогахъ Карпатскихъ горъ, образуетъ въ своемъ каменномъ ложѣ три воглообразныхъ углубленія, совершенно круглыхъ и довольно глубокихъ. Это и есть „Ольгины вупальни“, славящіяся среди крестьянъ своими цѣлебными свойствами.

Надъ вогловинами каменное ложе приподнялось уступами и вода, ниспадая съ уступовъ шумнымъ водопадомъ, весело пѣнится и крутился въ каменныхъ ямахъ. Вдоль по течению, ниже Ольгиныхъ купалень, вниманіе наблюдателя привлекаютъ къ себѣ высокіе отвесные и мрачные берега Уши. Здѣсь гигантскіе камни, громоздясь другъ на друга, образуютъ пещеру —

„Ольгинъ гrott“. Глубокая, таинственная и вмѣстѣ торжественная тишина вѣчно царитъ въ этомъ изломѣ рѣки. Каменные берега въ нѣсколько саженей высотой охраняютъ теченіе; самый сильный вѣтеръ не проявитъ сюда и никогда не замутить рыбью спокойную поверхность воды, которая представляется въ этомъ мѣстѣ черной, какъ чернила.

Это мѣсто называютъ въ народѣ „свѣтѣ“. Старинное народное преданіе гласитъ, что здѣсь на одномъ изъ уступовъ высокой скалы была выстроена княгиней Ольгой христіанская церковь во имя св. Елены, первая церковь въ древлянской землѣ. Но, разсказываемъ преданіе, однажды въ „великденѣ“, т. е. на Свѣтлое Христово Воскресеніе, случилось велико чудо,—христіанскій храмъ, вмѣстѣ со священникомъ и молящимися, вмѣстѣ съ иконами и хоругвами, провалился сквозь землю. Такое попущеніе Божеское случилось по винѣ самой матушки-поады, которая, будучи обуреваема жадностью, несмотря на праздникъ „великденъ“, вздумала было шить мѣшки для обильныхъ пасхальныхъ приношеній, которыхъ по обычью ожидались отъ православныхъ христіанъ.

Съ тѣхъ поръ, разсказываетъ наивная народная легенда, если приложить ухо къ каменной скалѣ, то можно услышать по большимъ праздникамъ колокольный перезвонъ.

Противъ „Свѣтѣ“, на противоположномъ (лѣвомъ) берегу рѣки, видны беспорядочно разбросанные округлennы глыбы гранита. Ихъ называютъ въ народѣ „чортовы плечи“. Объ этихъ окаменѣлыхъ чортовыхъ плечахъ пастухъ—проводникъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

— Изъ давнихъ-давенъ это было. Захотѣли, значитъ, черти затопить весь свѣтъ. Вотъ они и думаютъ себѣ: давай-ка мы загородимъ камнями русло рѣки, разольется тогда Ушь и затопить весь міръ. И стали черти ждать-поджидать, когда придется удобное время. Вотъ и пришла темная осенняя ночь. Собрались тогда черти всѣ вмѣстѣ и что было силы-мочи уперлись плечами въ скалу. Они, стало-быть, желали опрокинуть скалу поперекъ рѣчки. Но не успѣли они окончить злого дѣла; увидѣль все это Господь и приказалъ пѣтуху раньше положеннаго времени крикнуть свое ку-ку-реку. Только хлоннуль пѣтухъ крыльямъ и крикнулъ ку-ку-реку, — стали испуганные черти зарываться въ „багно“, но не успѣли они зарыться и вмигъ окаменѣли. Съ тѣхъ вотъ поръ и виднѣются каменные плечи окаменѣлыхъ чертей...

Идя дальше по теченію красавицы Уши, мы встрѣтились съ

самой наиглавнейшей достопримечательностью Искорости,—съ грандиознымъ древнимъ городищемъ, поражающимъ своими необыкновенными размѣрами и чудно сохранившимися гигантскими валами. Эти валы и глубокіе рвы окружаютъ городище съ 3-хъ сторонъ, съ 4-й — его прикрывала рѣка Ушь, въ настоящее время значительно отступившая отъ своего прежняго русла. Много воды утекло въ рѣкѣ Ушѣ съ тѣхъ поръ, какъ устроилось это могучее укрѣпленіе. Возлѣ главнаго городища расположились еще три укрѣпленія, значительно меньшихъ размѣровъ. Одно стоитъ на противоположномъ берегу Уши, другое въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ, третье въ помѣщичьей усадьбѣ. Главное городище занимаетъ довольно большое пространство, что то около 9 десятинъ, но эта земля никому не принадлежитъ,—ею пользуется тотъ, кто успѣеть захватить ее пораньше съ весны. При вспашкѣ, на городищѣ то и дѣло попадается битая посуда, шиферные пряслицы, старинное металлическое оружіе, ржавое желѣзо; встречаются также мѣдная складни, кресты-тѣльники и т. п. Особенно много находится шиферныхъ пряслицъ; на мъ приносили ихъ цѣлыми сотни, нанизанные на подобіе сушенихъ грибовъ на длинную бичеву.

Валъ остается нераспаханнымъ. Онъ заросъ бурьяномъ и кустарникомъ. Чудный видъ на рѣку и луга открывается съ этого вала. Сверкающей лентой извивается голубая рѣка, среди мягкихъ зеленыхъ луговыхъ береговъ, справа подѣленное на правильные четыреугольники озимое поле, слѣва — широкій луговой коверъ, усыпанный пестрыми цветами. Тихо, вездѣ безподобно. Кое-гдѣ на берегу замѣтны движущіяся темные точки,—это рыболовы тянуть свой „волокъ“. Все залито волнами золотого свѣта, только изрѣдка быстро скользнетъ по лугу легкая тѣнь отъ набѣжавшаго на солнце бѣлаго, какъ вата, облачка.

За лугами видно урочище „Малины“, усыпанное курганами, а еще дальше — темные пятна деревень, съ черными соломенными стрѣхами, съ зелеными маковками бѣлыхъ церквей.

Странная ощущенія вызываетъ это мертвое поле, со своими большими и малыми курганами. Что за витязь лежитъ вонъ подъ этимъ самымъ болѣшимъ бугромъ земли?

Какіе свершилъ онъ набѣги,
Какіе онъ жегъ города?

Мнѣ пришлось присутствовать при раскопкахъ этихъ нѣмѣхъ памятниковъ былого. Раскопки свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ типомъ обыкновенного древлянского погребе-

ніа. Покойниковъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, гробы ставили прамо на грунтъ, а сверху насыпали курганъ.

Осмотрѣвъ курганы, мы перебрались на противоположный берегъ рѣчки Уши и заглянули въ помѣщичью усадьбу. Здѣсь наше вниманіе невольно обратилось на 2 большихъ шиферныхъ креста, стоящихъ въ помѣщичьемъ саду. Надписей на нихъ мы не нашли, но своей формой, они очень напоминаютъ кресты—тѣльники великокняжеской эпохи.

Въ самомъ мѣстечкѣ настъ заинтересовала очень оригинальная постройка, сравнительно недавнаго происхожденія. Надъ заколоченной наглухо дверью прибита доска, на подобіе вывески, съ надписью:

„Домъ Стефана Любовидзкаго, генералъ-лейтенанта Россійскихъ Войскъ. Умеръ 12 апрѣля 1807 г.“

Домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ изъ краснаго шифера; фасадъ украшенъ деревянными колонками.

Само по себѣ мѣстечко Искорость имѣть обычный видъ бѣдныхъ мѣстечекъ юго-западнаго края; правда, въ немъ нѣть традиціонныхъ зловонныхъ лужъ, въ которыхъ обывательскія свиньи такъ любятъ наслаждаться лѣнивымъ кѣйфомъ. Широкій шляхъ на Овручъ, обсаженный вербами и березами, даетъ характеръ приволья и просторъ всему мѣстечку. Черезъ Искорость недавно проведена новая желѣзная дорога изъ Киева на Ковель. Съ облегченіемъ путей сообщенія, мы увѣрены, не замедлить обратить на себя всеобще вниманіе замѣчательные памятники старины бывшей древлянской столицы, отличающейся къ тому же удивительно живописнымъ мѣстоположеніемъ.

II.

Игорева могила.

Я снова побрелъ дальше по полѣскимъ шляхамъ и проселкамъ, по лѣсамъ, пескамъ и шаткимъ непрочнымъ настилкамъ черезъ топкія болотныя трясины.

Я минулъ села Немировку и Воронево и набрелъ на огромный разрытый курганъ, окопанный валомъ, который имѣлъ форму четыреугольника, длиной около 60 шаговъ. Присѣть отдохнуть на могилѣ.

Ко мнѣ подошелъ старикъ пастухъ, досматривавшій стадо коровъ. Пастухъ былъ очень старъ, лѣтъ 70, если не больше,

босой, съ щетинистой бородой и длинными усами. Одѣть онъ былъ, несмотря на жаркую погоду, въ черную свиту изъ толстаго домашнаго сукна.

— Не знаете-ли, что это за могила? спросилъ я у него.

— Это Ригорева могила, хлопче, богатыра Ригоря.

Пастухъ полагалъ, что передо мною была знаменитая Игорева могила, гдѣ по преданію былъ погребенъ сынъ Рюрика, убитый древлянами во время сбора дани въ 945 г.

— Какая огромная могила! вырвалось у меня.

— Э, хлопче,—отозвался старикъ,—она была огромная, а теперь она совсѣмъ небольшая, потому, — разорили ее паны. Вотъ оно что. Такая была высокая могила, что какъ былъ я именькимъ хлопчикомъ, то съ превеликимъ трудомъ на нее сбрасывался. Лѣзешь, бывало, лѣзешь *рачки*¹⁾ ажъ утомишься, ложа до вершины доберешься. А какъ глянешь оттуда съ верушки, такъ ажъ страшно тебѣ сдѣлается. И все тебѣ видать оттуда, безъ конца, безъ краю видать, молявъ, все равно, что на долони.. Геть-геть видно, якъ мріе впереди, якъ хресты на церквяхъ мигтять. Эге-же. И страшно, страшно бывало мнѣ сдѣлается, ей-же Богу. Отъ я назадъ, назадъ, такъ и скочусь помаленьку...

— Кто же это ее разорилъ?

— Паны розрываютъ, хлопче, паны... Э... давно это дѣло было, еще до воли это дѣло было, да и воля еще тогда не *утко*²⁾ пришла. Я стари-помню.

— Расскажите же, какъ это случилось.

— А такъ случилось. Понаѣзжали якись паны, кто? Откуда? Либа-же мы знаемъ—откуда? Ну добрѣ. Понаѣзжали паны... Нагнали народушка Божого—сила! Отовсюду сгонали народъ. Были тутъ и изъ нашего Воронева, и изъ Сингаевъ, изъ Беховъ, изъ Бардъ, изъ Татарновичей, изъ Васьковичей, изъ Немирова... да откентелева ихъ тутъ только и не было... Ну хорошо. И приказали паны народу Ригореву могилу заступами копать, а землю, стало быть, кругомъ валомъ ссыпать. Стали заступами землю копать, стали землю въ корзинахъ таскать, да на тачкахъ вывозить... Вотъ и работалъ такъ народушко, долго работалъ, доколѣ какъ кроты, всю могилу, какъ есть, развернули. Такъ вотъ съ тѣхъ поръ и не стало у насъ той деревни.

¹⁾ на четверенькахъ.

²⁾ не скоро.

— Что же нашли въ могилѣ?

— А ничего путного, хлопче, не знайшли. Кости знайшли, черепъ... кой-какое желизячче ржавое... А впрочемъ, поговариваютъ, что денегъ тоже знайшли великую силу, заграбастали паны скарбъ огромаднѣйшій...

Преданіе о томъ, что въ могилѣ Игоря скоронены огромныя сокровища („скарбъ“), заставляетъ крестьянъ рыться въ этомъ мѣстѣ еще и по настоящее время.

Я попробовалъ было поразспросить старичка о личности богатыря „Ригоря“, но оказалось, что онъ имѣеть о немъ самыя странныя понятія; его фантастический разсказъ о „Ригорѣ“ перепутывался съ легендой о какой-то царицѣ „изъ града Искры“, которую будто бы „дуже уподобавъ“ богатырь Ригоръ и т. п.

— Съ давныхъ давенъ се діялось! — прибавилъ старикъ, какъ бы въ оправданіе сбивчивости и фантастичности своего разсказа.

Въ это время вдали показалась маленькая дѣвочка въ красномъ платкѣ, несшая старину обѣдъ. Онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу; а я побрелъ своей дорогой, черезъ село Ходаки, на мѣревалясь остановиться на ночлегъ въ с. Татарновичахъ.

Въ Ходакахъ сохранился памятникъ церковнаго искусства, способный заинтересовать археологовъ. Памятникъ этотъ — ветхая деревянная церковь, перестроенная въ послѣдній разъ въ 17 вѣкѣ, всѣмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ краснорѣчиво говорящая о временахъ унії.

На колокольнѣ, на дверномъ косякѣ, сохранилась надпись, гласящая, что колокольня выстроена позже храма „дѣдичами“ села Ходаковъ въ 1770 году. Царскія врата Ходаковскаго храма изображаютъ царя Давида, изъ груди которого произрастаетъ виноградная лоза.

Ходаковскіе жители еще въ очень недавнее время славились своимъ чумакскимъ промысломъ. Любопытно, что чумачество сохранилось здѣсь даже до самаго послѣднаго времени, хотя, разумѣется, уже далеко не въ прежнемъ видѣ. Развитіе, рельсовыхъ путей сократило этотъ стародавній малороссійскій промыселъ, но не убило его совсѣмъ. И теперь еще нѣкоторые ходаковскіе крестьяне продолжаютъ возить въ степь смолу и деготь, забираясь даже въ Екатеринославскую губернію. Надо полагать, что ходаковскіе чумаки — послѣдніе чумаки; вскорѣ исчезнетъ чумачество и на Волыни, какъ исчезло оно уже въ лѣвобережной Украинѣ. Въ Ходакахъ единственнымъ памятни-

комъ чумачества, вѣроятно останется озеро Крымне. Объ этотъ озеръ Крымне, отстоящемъ оть села на полверсты не болѣе, существуетъ слѣдующее наимѣшливое преданіе.

Издавна отвозили чумаки въ Крымъ смолу и деготь, издавна привозили на возвратномъ пути изъ Крыма рыбу и соль. Далеко было возить чумакамъ соль изъ крымскихъ озеръ и ваду-мали они возить одну только рыбу, а соль порѣшили развести у себя дома, въ своемъ родномъ озерѣ. Задумано — сдѣлано. Привезли чумаки нѣсколько десятковъ возовъ соли изъ Крыма и *постыдили* ее въ своеемъ озерѣ, сказавши:

— Пусть разводится! Теперь у насъ будетъ свое кримне озеро! Но, увы! соль, потонула, растворилась, исчезла... А вода по прежнему осталась прѣсной. Почесали чумаки свои бритые затылки, вымочили въ дегтѣ свои холщевые рубахи и шаровары ширинкою въ черное море, и снова погнали сѣрыхъ воловъ круглогихъ въ „далеку дорогу“ за солью...

III.

Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.

Былъ вечеръ, наканунѣ Ивана Купала.

Я остановился въ Татарновичахъ, маленькомъ бѣдномъ во-лынскомъ селѣ, пріютившемся на рѣчкѣ Лозницѣ, притокѣ кра-савицы Уши.

Я сидѣлъ на крылечкѣ сельской школы и слѣдилъ вмѣстѣ съ учителемъ, какъ постепенно стихала дневная суeta.

Солнце заходило. Закатъ пылалъ пожаромъ. Это обѣщало на завтра ясный и жаркій день. Солнце закатилось, но алое сіяніе продолжало бороться съ сумерками, надвигавшимися довольно быстро. Прогнали стадо. Прошли косари, степенно и чинно, съ косами на плечахъ; пробѣжали дѣвулки, убиравшія ленъ и половиція свекловицу, громко смѣясь и переговариваясь.

Сумерки сгостились. Затеплились, замигали звѣзды, „какъ бережно несомыя свѣчи“.

Наступила купальная ночь, сказочная ночь, когда разъѣ году разцвѣтаетъ огненнымъ прѣтомъ папоротникъ, когда вѣдмы и безобразныя мохнатыя чудища стаями скакутъ по полямъ въ лѣсамъ, вылезаютъ изъ каждой щели.

Вдругъ стало видно съ крыльца, — тамъ и сямъ по селу засѣтились и задвигались слабые огоньки. Ужъ не папоротникъ

ли расцвѣль въ самомъ дѣлѣ? Свѣтащиа точки сошлись вмѣстѣ, и въ томъ же мигъ къ намъ донесся отголосокъ звонкихъ купальныхъ пѣсенъ.

Учитель мнѣ объяснилъ, что это дѣвушки и „молодицы“ идутъ на выгонъ „палить вѣдьму“. Толпа приближалась,—дорога на выгонъ проходила мимо школы.

Купала на Ивана!..

Купався Иванъ

Доведеться и нам...

Явственно донесся къ намъ обрывокъ купальной пѣсни.

Впереди шла стройная дѣвушка съ голубымъ вѣнкомъ на головѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и держала въ рукахъ „хвою“ или „сольце“,—сосновую вѣтку, облѣпленную желтыми восковыми свѣчами. Вечерній воздухъ былъ настолько тихъ, что свѣчи горѣли яснымъ, не мигающимъ пламенемъ. Сверху хвои ярко пылалъ факель изъ пеньки, пропитанной воскомъ. Процессія направлялась къ великану—дубу, одиноко стоявшему, посреди выгона. Пѣсни не прерывались ни на минуту, въ нихъ больше всего говорилось о вѣдьмахъ—чаровницахъ.

Ой которой дівки відьма мати,

Та не пускае погуляти,

Та не пускае погуляти.

„Не йди, дівко, на юлоньку,

А я пойду на всю ночку

Та по чужу коровочку“...

Я вмѣшался въ толпу, и вмѣстѣ съ другими пошелъ на выгонъ.

Толпа расположилась вокругъ дуба.

Дѣвушки взялись за руки и продолжали пѣть:

А сей ночи съ полуночи

Повиколю відьми очи,

Шобъ чужихъ коровъ не доїла,

Сиру масла не сбирала,

Шобъ чужихъ коровъ не чаровала!..

Пока дѣвушки распѣвали свои купальные пѣсни, какои-то проворный паренекъ притащилъ изъ клуни куль соломы, живо вскарабкался на самую верхушку великана—дуба, укрѣпилъ тамъ соломенный снопъ и, зажегши его, проворно слѣзъ съ дерева.

Куль сухой соломы, долженствовавшій изображать собою богомерзкую вѣдьму, тотчасъ-же затрещалъ, вспыхнулъ и ярко запылалъ, разгоняя кругомъ тьму и озаряя краснымъ трепетнымъ пламенемъ стоявшую подъ развесистымъ деревомъ толпу дѣвушекъ, продолжавшихъ пѣть:

Татарновичська відьма
Да на дуба лізла,
Да на дуба лізла
Кору гризла...
А съ дуба упала
Кориння копала,
Кориння копала
Коровъ чаровала!

А спонъ соломы продолжалъ пылать, то ярко вспыхивая, то ослабѣвая; и когда пламя слабѣло, черная ночь надвигалась снова и освѣщенный кругъ суживался; потомъ опять раздавался трескъ горѣвшей соломы, освѣщенный кругъ расширялся и рѣзко чернѣли на освѣщенномъ фонѣ широкіе дубовые листья и переплетъ корявыхъ вѣтвей. Вдругъ пламя вспыхнуло въ послѣдній разъ, горящій спонъ сорвался съ дерева и съ глухимъ стукомъ упалъ на землю. Милліоны искръ взвились къ небу и быстро погасли...

Ночная тьма, стоявшая вокругъ черной стѣной, дрогнула и плотно сомкнулась.

На необъятномъ небесномъ сводѣ, казалось, еще ярче преж资料 замигали звѣзды...

Побѣда надъ вѣдьмой, повидимому, ободрила и развеселила толпу. Дѣвушки запѣли шутливыя пѣсни:

Ой чия-жъ то голова
Загорілася була?
Ѳедорина голова
Загорілася була...
Стовпомъ дымъ,
Стовпомъ дымъ!..

А Ѳедора съ родошками
Носить воду пригоршами,
Ой носила—не втушила,
По волоссу голосила...

Въ слѣдующей пѣснѣ сильно доставалось „хлопцямъ“ отъ насмѣшливыхъ „дівчать“.

Покочу дойницю,
Всі хлопці въ світлицю.
Покочу долото,
Всі дівки въ болото.
Хоть хлопці въ світлиці,
За то вони паршивці,
Хоть дівки въ болоті,
Да всі въ золоті!..

До самой полуночи продолжался торжественный обряд сожжения татарновичской вѣдьми, на широкомъ лугу, подъ старымъ развесистымъ дубомъ. Видѣль этотъ могучай дубъ, думалось мнѣ, глядя на него, видѣль не мало на своеемъ вѣку, — видѣль и чубатыя запорожскія головы, и чалмы хищныхъ татаръ, которые подъ нимъ стояли,

Копитами землю грасовали,
Мечами гилье обтинали,
Ясненъкій огни раскладали,
Криничної води доставали,
Въ кришталеві пляшки наливали...

Все это видѣль старый дубъ, обо всемъ этомъ шумятъ его широкіе листья, но непонятна и загадочна его рѣчь.

Отъ временъ казацкихъ мысль переносилась во времена болѣе глубокія, когда жили, чувствовали и дѣйствовали тѣ покойники, истлѣвшія кости которыхъ мирно покоятся вонъ подъ тѣми безмолвными высокими курганами. И тогда, какъ теперь, тоже собирались парни и дѣвушки на широкій лугъ въ ночь наканунѣ Ивана Купала, зажигали яркіе костры, прыгали, кружились и пѣли радостныя, веселыя пѣсни могучему богу солнечного свѣта и тепла, выѣзжающему на небо на трехъ коняхъ: золотомъ, серебраномъ и брилліантовомъ и разсыпающему искры по всему необъятному миру...

Иванъ Абрамовъ.

Живая старина¹⁾.

Замѣтилъ нѣсколько разъ клейма на днищахъ горшковъ, выставленныхъ на рынке въ селѣ „Рогачево,” Дмитровскаго уѣзда Московской губ., клейма подобныя древнимъ, находимыи на горшкахъ въ курганахъ, я разыскалъ мастеровъ, изготавлившихъ интересующіе меня горшки, осмотрѣлъ ихъ производство, снялъ прилагаемыя фотографіи, взялъ образчики клеймъ, горшки и все это представилъ въ Имп. Арх. Ком. въ 1904 г.

Изъ того, что видѣлъ и узналъ на мѣстѣ, оказалось:

1) Горшки съ клеймами изготавливаются около села Куликова Дмитровскаго уѣзда, на ручныхъ гончарныхъ кругахъ самого примитивнаго устройства; станокъ — скамейка, въ которой вертикально укрепленъ деревянный колъ конической формы, на этотъ колъ надѣваются круглые куски дерева съ хорошо пригнаннымъ къ колу отверстиемъ. Несмотря на такую простую станку, горшки на немъ изготавливаются и быстро, и чисто. Обжигаются горшки въ печи слабо и не держать, какъ слѣдуетъ, воду.

2) Горшки *снимаются* съ круга прямо руками, а не срѣзываются, какъ это дѣлается теперь.

3) Клейма на дни горшковъ получаются потому, что имѣется клеймо на кругѣ (рис. 1 и 2).

4) Производство горшковъ въ такой формѣ сокращается; мы заняты въ настоящее время уже немногіе, преимущественно старки, и скоро, вѣроятно, прекратится въ указанной мѣстности.

Изъ подробныхъ распросовъ крестьянина Григорія Петрова

Рис. 1.

Рис. 2.

¹⁾ Статья эта была напечатана въ „Зап. Отд. р. и сх. арх. И. Р. А. О-ва”, т. VII, в. 1. Авторъ нѣсколько переработалъ ее для нашего журнала. За чинное редакцію приносить глубокую благодарность С. Ф. Платонову.

(см. рис. 3) и его семьи въ деревнѣ Глазачево близь села Кулакова и крестьянъ Быковыхъ въ дер. Клюшниковъ (тамъ же) выясняется назначение клеймъ, —по однимъ, какъ знакъ мастера, по другимъ есть результатъ „баловства“; встрѣчаются иногда у нихъ же и круги, а значить и горшки, безъ всякихъ клеймъ. Изготовление этого рода горшковъ, повидимому, весьма мало до-

Рис. 3.

ходно: для односельчанъ, по словамъ крестьянина Петрова, онъ работает даромъ, придетъ кто нибудь и говорить: „сдѣлай-ка миъ горшечекъ“. Видѣнное мною производить впечатлѣніе такое, что все производство идетъ чисто традиціонно, оставаясь на все той-же первобытной степени совершенства, мѣсто производства, не смотря на близость Москвы, есть истинно медвѣжій уголъ—достаточно взглянуть на выраженіе лицъ и позы участниковъ группы.

Н. Смирновъ.

Община у зырянъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Требование малоземельныхъ, выразившееся въ вышеприведенной фразѣ, не можетъ долго оставаться въ такой неопределенной формѣ. Все учащающіяся требования уравненій вызываютъ необходимость въ установлениі общаго принципа ограниченія бессрочнаго доселѣ владѣнія землею. Съ теченiemъ времени этотъ принципъ получаетъ слѣдующую формулировку, сохраняющуюся и въ настоящее время: *каждый можетъ разработать участокъ земли и пользоваться имъ, пока не окунутся расходы по обработкѣ; постъ же этого община имѣть право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли менѣе.* Въ дальнѣйшемъ общинѣ предстоитъ разрѣшить цѣлый рядъ второстепенныхъ, хотя не менѣе важныхъ въ практическомъ отношеніи вопросовъ. На первую очередь выдвигается вопросъ о томъ, какіе участки признавать окупившими произведенныя для ихъ расчистки затраты. Рѣшеніе этого вопроса далеко не сразу получаетъ ясную и опредѣленную формулировку. Земля грубо разбивается на двѣ части: *дѣдовскую* или *старинную* и *новочисти*, или *распашки*. Въ первую входятъ участки, разработанные много лѣтъ тому назадъ, „дѣдами“ современнаго пополѣнія; во вторую—участки новѣйшей разработки, расчищенные недавно, на глазахъ общинниковъ. Но такая неопределѣленность одинаково не выгодна, какъ для малоземельныхъ, такъ и для многоземельныхъ, какъ она ведетъ къ тому, что при уравненіяхъ, въ однихъ случаяхъ, болѣе старинные земли остаются нетронутыми, расчищенный же сравнительно недавно поступаютъ въ разрядъ земель, предназначаемыхъ для уравненія. Все основывается на памяти населенія и на совѣсти понятыхъ. И то, и другое не всегда можетъ правильно разрѣшить задачу. Дальнѣйшіе шаги общины направлены поэтому къ установлению опредѣленнаго срока, достаточнаго для возвращенія издержекъ по расчисткѣ. Большинство общинъ уста-

навливает сначала одинъ общий для всѣхъ угодій срокъ, но уже вскорѣ выясняется необходимость разнообразить сроки по отношенію къ различнымъ участкамъ, таъ какъ трудность разработки не вездѣ одинакова; въ однихъ случаяхъ она сводится лишь къ уничтоженію мелкаго кустарника, въ другихъ требуетъ значительной работы ио вырубкѣ, сжиганію лѣса, выкорчевыванію пней и т. д. Въ зависимости отъ этого устанавливается цѣлый рядъ сроковъ; такъ въ Устькуломской волости сѣнокосы, расчищенные изъ-подъ мелкаго ивняка, поступаютъ въ разверстку чрезъ 2 года, изъ-подъ болѣе крупнаго кустарника или мелкаго лѣса—чрезъ 5—10 лѣтъ и т. д. до 40 лѣтъ для участковъ пашни, разработанныхъ изъ-подъ крупнаго лѣса. Такое разнообразіе встрѣчается впрочемъ дѣлко не вездѣ, въ большинствѣ общинъ устанавливается одинъ—два срока; для болѣе легкихъ по разработкѣ участковъ опредѣленныхъ сроковъ совсѣмъ не устанавливается; все дѣло въ такихъ случаяхъ всесѣло представляется совѣсти понятыхъ, которые, обмѣривая участки, тутъ же опредѣляютъ, какие изъ нихъ должны быть изъяты изъ индивидуального пользованія. Огромное большинство общинъ установило максимальный срокъ въ 40 лѣтъ; иногда онъ спускается до 20 и только въ Устьнемской волости поднимается до 60 лѣтъ. Въ установлениі величины срока помимо трудности разработки участвуютъ многіе факторы; между ними степень доходности угодій и уѣсненіе въ земль играютъ немалую роль. Чѣмъ то и другое выше—тѣмъ сильнѣе сказывается склонность въ уменьшенію срока индивидуального пользованія и къ болѣе энергичному переводу участковъ земли въ общинное владѣніе.

Устанавливаемыми сроками вся земля разбивается на двѣ группы: передѣляемую и непередѣляемую. Первая фигурируетъ подъ самыми разнообразными наименованіями: дѣдовской, старинной, мѣрской, душевной, общественной и т. д.; вторая—подъ названіями: льготной, приговорной, распашекъ, расчистокъ, новочистей и т. д. Подраздѣленіе общей массы земель на двѣ группы не есть подраздѣленіе территоріальное и не носитъ постоянного характера; величина обѣихъ группъ постоянно менѣется; участки, отбывшіе срокъ индивидуального пользованія, переходить въ разрядъ передѣляемыхъ, замѣняясь въ свою очередь вновь расчищенными участками. По мѣрѣ того, какъ сокращается площадь, пригодная для дальнѣйшихъ расчистокъ, количество льготной земли сокращается, взамѣнъ этого растетъ площадь передѣляемыхъ земель. Мы имѣемъ данныя

по четыремъ волостямъ, позволяющія судить объ этомъ соотношениі; на 100 дес. мірской земли приходится льготной, въ среднемъ, по волостямъ:

въ Помоздинской	61,, дес.
„ Устькуломской	111,, „
„ Устьнемской	222,, „
„ Шиловской	208,, „

При разсмотрѣніи не поволостныхъ, а пообщинныхъ даныхъ колебанія усиливаются. Maximum'ы и minimum'ы колебаній будутъ для селеній:

Помоздинской волости	так. 129,4	min. 33,2	Количество мірской зем- ли=100.
Устькуломской „ „	201,0	86,7	
Устьнемской „ „	567,0	127,4	

Въ различныхъ общинахъ въ разрядъ передѣляемыхъ земель перешла далеко не вся земля; въ такихъ общинахъ, какъ Парчевская, едва лишь $\frac{1}{6}$ часть всей пахотной земли находится въ общинномъ владѣніи, вся остальная масса находится попрежнему въ рукахъ тѣхъ, кто ее разработалъ. Для обозначенія указанныхъ двухъ группъ земли мы не воспользуемся ни однимъ изъ мѣстныхъ названій; не желая увеличивать и безъ того достаточное въ нашей литературѣ число терминовъ, мы возьмемъ два изъ нихъ, уже пріобрѣвшіе до нѣкоторой степени право гражданства: подворные или льготные и общинные или мірскія земли. Скажемъ прежде нѣсколько словъ о первой группѣ.

Ограничивъ право владѣнія участками, вернувшими благодаря долгой эксплоатациі затраты по разчисткѣ, община вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не стѣсняетъ своихъ членовъ въ расчисткѣ новыхъ участковъ изъ-подъ лѣса. Основной принципъ выянского воззрѣнія на землю—каждый имѣть право трудиться на свободной и незанятой трудомъ другого землѣ—остается не троицтвимъ. Крестьянинъ попрежнему захватываетъ нужный ему участокъ и разрабатываетъ его, не спрашивая разрѣшенія общины. Послѣдняя не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться въ отношенія своихъ членовъ къ свободнымъ землямъ и этимъ лишний разъ подчеркиваетъ, что она не смотрѣть на прилежащія къ разработаннымъ участкамъ свободныя земли какъ на свою собственность. Они ничьи и никто не можетъ присваивать себѣ право распоряжаться ими, разрѣшать или запрещать ихъ разработку. Лишь когда положенный на разработку

трудъ выводить ихъ изъ положенія „ничыхъ“ и отдастъ, въ силу трудового права, во владѣніе членовъ общины, лишь тогда община считаетъ себя вправѣ въ интересахъ общинниковъ регулировать пользованіе участками. Такой взглядъ не можетъ долго держаться. По мѣрѣ того, какъ утѣсненіе въ землѣ усиливается, становится возможнымъ столкновеніе одновременныхъ притязаній на лучшіе и болѣе легкіе для разработки участки; во избѣженіе споровъ и пререканій община бываетъ вынуждена иногда взять въ свои руки районъ, который почему либо болѣе другихъ привлекаетъ взоры крестьянъ. Такъ Розь-динская община раздѣлила между домохозяевами прилегающія къ полямъ старыя подсѣки¹⁾, не заросшія лѣсомъ и не требующія почти никакой предварительной расчистки, бромъ удалей сгнившихъ уже пней²⁾). Такъ многія другія общины раздѣляютъ природные сѣнокосы, позволяющіе непосредственную эксплуатацию и составляющіе поэтому предметъ одновременного притязанія всѣхъ домохозяевъ. Зачастую выдѣленіемъ такого района и кончается вмѣшательство общины въ захватъ ея членами свободныхъ земель. По отношенію ко всей остальной территоріи, гдѣ нѣтъ мѣста для столкновеній, ссоръ и пререканій, община предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ и въ той же Розь-динской общинѣ происходитъ совершенно свободная расчистка участковъ въ выдѣленного района. Въ послѣдніе годы въ общинахъ замѣчается стремленіе установить регистрацію всѣхъ вновь расчищаемыхъ участковъ. Она сводится къ тому, что каждый домохозяинъ, расчистивъ участокъ, заявляетъ об этомъ сходу; сходъ выдаетъ приговоръ, въ которомъ обозначается: размѣръ, название и мѣстоположеніе участка, годъ расчистки, продолжительность срока подворного пользованія и годъ предстоящаго перехода участка въ общинное пользованіе. На языкѣ крестьянъ: „взять приговоръ“, „взять „разрѣшеніе“ на расчистку участка“ — употребляется одно вмѣсто другого; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ разрѣшеніемъ, а только съ заявкой. Какъ до введенія регистраціи, такъ и при ея существованіи никакого предварительного разрѣшенія на расчистку не бралось и не берется. Всего лучше это доказывается тѣмъ, что крестьянинъ дѣлаетъ заявку иногда спустя нѣсколько

1) Онѣ служили для выпаса скота, почему и не облѣсились.

2) „Означенные мѣста, нынѣ уже расчищенные до готовой пашни, оставить намъ самимъ, кто изъ насъ расчистилъ, а нерасчищенные мѣста — кому идти достанется изъ насъ.... согласно разверсткѣ, произведенной на томъ же сходѣ. (Изъ приговора Розь-динской общины отъ 19 авг. 1884 г.).

лѣтъ послѣ разработки. Приговоръ выдается общаннымъ сходомъ и представляетъ документъ, который въ случаѣ притязаній другихъ лицъ можетъ служить доказательствомъ при разборѣ спора. Регистрація вызвана желаніемъ общины имѣть возможность въ каждый данный моментъ произвести учетъ участковъ, находящихся въ подворномъ пользованіи, и тѣмъ избѣжать недоразумѣній, обыкновенно возникающихъ при уравненіяхъ, когда приходится опредѣлять возрастъ расчистки. Участокъ, на который не взять приговоръ, можетъ быть при первомъ передѣлѣ изъять изъ пользованія расчистившаго его лица и включенъ въ общую массу передѣляемыхъ земель, даже въ томъ случаѣ, если установленный срокъ подворного пользованія не окончился. Впрочемъ, установивъ эту конфискацію, община очень часто, руководясь „совѣтствомъ“, не отираетъ не заявленные участки, когда на ихъ разработку затраченъ значительный трудъ. Въ зависимости отъ предварительной выборки приговоровъ, и самые участки во многихъ общинахъ носятъ название „приговорныхъ“.

Въ теченіе всего времени, пока продолжается срокъ подворного пользованія, община гарантируетъ расчистившимъ участки домохозяевамъ неприкосновенность права пользованія. Въ приговорѣ Розь-динской общины по этому поводу говорится: „отнюдь никому изъ насть не вступаться въ чужія мѣста самовольно въ теченіе сорока лѣтъ и не допускать къ раздѣлу между собою по числу душъ, а въ случаѣ кто изъ насть самовольно вступится въ чужія расчистки, то съ нимъ можно будетъ поступать какъ за чужую собственность по закону“¹⁾. Община по прежнему продолжаетъ высоко цѣнить трудовое право и на все установленное время предоставляетъ своимъ членамъ право почти неограниченного владѣнія, граничащаго съ правомъ собственности. Подворный участокъ составляетъ предметъ полнаго распоряженія лица, расчистившаго его. Онъ можетъ быть проданъ, отданъ въ приданое за дочерью, вымѣненъ, сданъ въ аренду и т. д. Пріобрѣвшій его получаетъ всѣ права, которые принадлежали ранѣе прежнему хозяину участка. Вначалѣ община не обращаетъ вниманія на то, кому отчуждается участокъ, но затѣмъ она начинаетъ слѣдить, чтобы онъ не переходилъ къ членамъ другой общины. Въ этомъ и заключается единственное ограниченіе права отчужденія. Какъ сказано выше, въ подобныхъ случаяхъ отчуждается не участокъ,

¹⁾ Цитированный выше приговоръ.

а лишь приобретенное расчисткой право на дальнейшее приложение эксплуатационного труда.

Во все времена подворного пользования участки освобождаются отъ всякихъ податей и повинностей, почему и называются иногда „льготными“. Всѣ сборы, какъ-то: выкупные платежи, государственный земельный налогъ, земской и мірской сборы разверстываются соответственно количеству имѣющейся мірской земли. За неплатежъ повинностей крестьяне отвѣчаютъ также только мірской землею; подворная ни въ какомъ случаѣ не отбирается ни въ цѣломъ видѣ, ни по частямъ. Большее или меньшее количество ея не накладывается на крестьянина никакихъ правъ кромѣ тѣхъ, какія онъ несетъ какъ владѣлецъ доли мірской земли. Пока домохозяинъ продолжаетъ обрабатывать свой подворный участокъ, община держится полнаго невмѣшательства. Нѣкоторыя ограничения вызываются иногда характеромъ практикующейся системы земледѣлія; такъ, напр., хозяинъ подворного участка вынужденъ подчиняться обязательному съвообороту¹⁾, если участокъ лежить въ одномъ общемъ съ мірскими землями полѣ; главная масса подворныхъ земель находится обыкновенно виѣ полей съвооборота, по окраинамъ пахотнаго землепользованія, центръ котораго занимаютъ мірскія земли; поэтому въ большинствѣ случаевъ онѣ выдѣлены особою загородью въ самостоятельные участки. Такъ какъ подворные участки представляютъ не сплошную массу, а разбросанные отдельными расчистками по окружавшимъ селеніе выгонами землями, то въ видахъ предупрежденія отъ потравъ приходится почти каждую отдельную полосу огораживать особо; этимъ объясняется то огромное количество всевозможныхъ плетней и загородокъ, которое такъ поражаетъ наблюдателя. Если участокъ перестаетъ подвергаться эксплуатации на болѣе или менѣе определенное время въ силу какихъ либо причинъ хозяйственного характера (временное уменьшеніе рабочей силы, потеря части скота), то онъ попрежнему продолжаетъ числиться за домохозяиномъ и только, когда существуютъ очевидныя доказательства, что участокъ брошенъ совсѣмъ, община

¹⁾ Обязательный съвооборотъ распространенъ не по всему району: въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ устьольского уѣзда домохозяинъ совершилъ не стѣсненъ въ этомъ отношеніи, почему на поляхъ можно видѣть рожь рядомъ съ ячменемъ, или овсомъ, тутъ же посажены картофель, невдалекѣ ютится полоса клевера (посѣвъ травы—очень рѣдкое явленіе). О вылѣтѣ скота на поляхъ послѣ уборки хлѣбовъ—при такомъ пестрополыи не можетъ быть и рѣчи.

береть его въ свое вѣдѣніе и присоединять въ общей массѣ передѣляемыхъ земель.

По истеченіи срока льготнаго пользованія, участокъ по общему правилу поступаетъ при первомъ же ближайшемъ передѣлѣ въ общую массу передѣляемыхъ земель, но овъ не исчезаетъ въ ней безследно. Если имѣющейся у домохозяина мѣрской земли оказывается при передѣлѣ недостаточнымъ противъ нормы, то недостающее количество пополняется изъ тѣхъ подворныхъ земель того же домохозяина, которая, какъ окончившия свой срокъ, должны перейти въ разрядъ передѣляемыхъ; на нихъ домохозяинъ имѣть преимущественное предъ другими право.

Община безъ нужды никогда не отбираетъ ихъ, если только они не нарушаютъ необходимаго соотвѣтствія между площадью земли и количествомъ земельныхъ душъ въ семье.

Широкія льготы, представляемыя общиной владѣльцамъ подворныхъ участковъ по отношенію къ отбыванію денежныхъ повинностей несомнѣнно вызываютъ желаніемъ общины облегчить возвращеніе произведенныхъ при расчисткѣ затратъ. Если принять во вниманіе, что вновь расчищенные участки въ первые годы даютъ незначительные урожаи и только впослѣдствіи, благодаря постоянному и обильному удобренію, улучшаются, — обложеніе ихъ тотчасъ же по расчисткѣ легко бы тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія льготы поддерживаютъ хозяйственную ініціативу, поощряя къ дальнѣйшимъ расчисткамъ. Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что эти льготы въ связи съ значительнымъ срокомъ льготнаго пользованія находятся въ крайнемъ несоотвѣтствіи съ величиной дѣйствительной затраты труда на разработку. Попробуемъ подсчитать приблизительную стоимость производимыхъ на расчистку затратъ въ связи съ доходностью участка.

Допустимъ, что участокъ, предназначенный для обращенія въ пашню, сильно облѣсентъ; въ такомъ случаѣ, если позволяютъ почвенно-топографические условия, на немъ закладывается подсѣка. Авторъ статьи о полеводствѣ въ „Итогахъ екон. изсл. Устьс. у.“ сообщаетъ, что при средней затратѣ на разработку десятинны подсѣки въ 49 р. 10 к. валовая доходность = 90 р., откуда чистая = 40 р. 90 к. Для обращенія бывшей подсѣки въ пашню требуется выкорчевывать оставленные пни. Если принять во вниманіе стоимость этой работы, а также и то, что урожайность на пашнѣ въ первые годы ниже чѣмъ въ позднѣйшіе, то мы всетаки вынуждены будемъ признать,

что затраты по окончательной разработке десятины пашни съ избыткомъ покроются совокупностью доходовъ отъ подсѣки и отъ пашни въ первый же или первые два года ея существованія¹⁾). Участокъ не всегда даетъ возможность заложить на немъ подсѣку, но съ другой стороны далеко не всегда пред назначеній для превращенія въ пашню участокъ покрытъ лѣсомъ. Въ большинствѣ случаевъ въ пашню обращаются не лѣспные участки, а прилегающія къ полямъ пустоши, старыя подсѣки, выгоны, иногда слабо облѣсенные, иногда же покрытые лишь одними полусгнившими пнями. Какъ бы то ни было, но въ 5—6 лѣтъ эксплуатации, даже трудный для расчистки участокъ вполнѣ окупаетъ произведенныя затраты. Если тѣмъ не менѣе населеніе имѣть пристрастіе къ установленію значительно большихъ сроковъ (до 40 и даже до 60 л.), то это нужно объяснить съ одной стороны желаніемъ общины представить крестьянину не только возможность вернуть затраты, но и попользоваться плодами работы, съ другой—все еще глубоко сидящими въ зырянахъ уваженіемъ въ труду и тѣми понятіями и взглядами, которые вынесены изъ эпохи индивидуального владѣнія. Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени, при все возрастающемъ значеніи земледѣлія и увеличивающейся тѣснотѣ, эта оцѣнка значительно падетъ; сроки подворного пользованія уменьшатся и общинное пользованіе охватить значительно большую часть угодий.

Идея уравненія не только ограничивается участками, прошедшими болѣе или менѣе продолжительный срокъ льготнаго пользованія, но даже и ихъ она охватываетъ далеко не всѣ. Во многихъ случаяхъ уравненію подвергаются угодья только одного какого-нибудь вида — пашни или сѣнокосы. Общину такого рода мы называемъ *неполной*, при чёмъ, въ зависимости отъ рода разверстываемаго угодья, она можетъ быть или *жаткою* или *сплошнокосною*. Большинство неполныхъ общинъ относится къ разряду сѣнокосныхъ, что объясняется тѣмъ, что въ районѣ изслѣдованія сѣнокосныя угодья имѣютъ склон-

¹⁾ Для старой пашни, много лѣтъ подрядъ удобряемой, тотъ же авторъ опредѣляетъ чистую доходность съ десятины ячменя 73,25 р. и ржи 80,40 р. Для „распашки“, т. е. новой пашни эти цифры должны быть уменьшены; кроме того, онѣ вообще страдаютъ иѣкоторымъ несоответствиемъ действительности, такъ какъ при выводѣ ихъ не приняты во вниманіе: амортизациія капитала, издержки на огораживание полей, ремонтъ инвентаря и постройки, удобрение и проч. Въ иѣкоторой своей части эти замѣчанія относятся и къ цифре 40 р. 10 к.—чистой доходности десятины подсѣки.

ность переходить въ общинное пользованіе ранѣе пахотныхъ. Селенія съ такой формой пользованія входятъ обыкновенно въ составную сѣнокосную общину. При этомъ по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ или каждое изъ нихъ представляетъ самостоятельную общину, или они группируются въ рядъ небольшихъ составныхъ общинъ, или же совсѣмъ не уравниваются.

Переходя въ вопросу о простыхъ и составныхъ общинахъ, позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ признаемъ за нимъ важное значеніе въ исторіи зырянской общины. На этомъ вопросѣ лишній разъ подтверждается то положеніе, что общинная жизнь въ районѣ слагается главнымъ образомъ подъ влияніемъ тѣхъ причинъ, которые выдвигаются естественно-историческими и хозяйственными условіями, обходя рамки, поставленныя ей другими, стоящими виѣ этихъ условій причинами.

Селенія зырянъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ разбросаны группами, состоящими изъ 5—7, иногда 10 селеній. Такой характеръ разселенія вызванъ неудобствами, какія приходится испытывать селенію, заброшенному среди непрходимыхъ лѣсовъ, изолированному отъ другихъ селеній и отъ всего міра. Группы селеній, или „жила“, занимаютъ склоны и отчасти вершины береговыхъ уваловъ болѣе значительныхъ рѣкъ, въ большинствѣ случаевъ при впаденіи въ нихъ другихъ меньшихъ рѣчекъ. Въ центрѣ группы располагается постъ, т. е. село съ церковью, домами для причта, волостью, лавками, кабакомъ и нѣсколькими крестьянскими домами, а кругомъ въ разстояніи отъ 3 до 7 верстъ разбросаны другія селенія. Нѣкоторые изъ нихъ основались почти въ одно время съ погостомъ, другія — позже путемъ выселенія изъ старыхъ деревень. Съ одного высокаго холма иногда можно видѣть сразу чуть не все жило. Теперь, когда земледѣліе играетъ видную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ и количество угодий, принадлежащихъ селенію, довольно велико, поля отдельныхъ селеній почти сливаются, будучи раздѣлены развѣ только логами рѣчекъ и ручьевъ. Но въ то время, когда постоянное земледѣліе въ видѣ трехполья еще только начинало играть роль, пахотные участки располагались у самыхъ дворовъ, вся же остальная площадь, занятая нынѣ пахотными угодьями, пустовала; она была покрыта болѣе или менѣе крупнымъ лѣсомъ, разграничивавшимъ такимъ образомъ поля сосѣднихъ селеній. По мѣрѣ того, какъ земледѣліе растетъ и населеніе увеличивается — одинъ лѣсной участокъ за другимъ подвер-

гается разработкой. Въ погонѣ за лучшими участками крестьяне удаляются отъ общей массы угодий, разбрасываются землями по свободной лѣсной площади, и вскорѣ аванпосты отдельныхъ селеній встрѣчаются. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе происходитъ слияніе пахотныхъ угодий; на границѣ слиянія образуется сильная черезполосица; участки одного селенія заходятъ за участки другого. На ряду съ этимъ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ: покупка, дареніе и другіе виды отчужденія, всегда имѣвшія и имѣющія право гражданства въ поземельныхъ отношеніяхъ зырянъ. Въ совокупномъ дѣйствіи все эти причины перепутываютъ участки до того, что сплошь и рядомъ крестьянинъ одного селенія имѣтъ участокъ возлѣ самыхъ усадебъ другого. Теряется возможность узовать, гдѣ кончается землепользованіе одного селенія и гдѣ начинается землепользованіе другого; поля сливаются въ одну сплошную массу. При достаточной изолированности селенія периодическая разверстка въ немъ земельныхъ угодий могутъ быть выполняемы совершенно свободно и независимо; но нарисованная выше спутанность дѣлаетъ независимость невозможной. Селенія слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы передѣль и вызываемы имъ перетасовки полосъ въ одномъ не задѣвали интересовъ другого. Отсюда проистекаетъ стремленіе производить одновременные передѣлы, откуда уже одинъ шагъ до слиянія наиболѣе заинтересованныхъ селеній въ одну составную общину для совмѣстной разверстки угодий. Не малымъ толчкомъ въ слиянію простыхъ общинъ служитъ и то неравенство въ величинѣ душевыхъ паевъ, которое всегда наблюдается въ различныхъ общинахъ. Крестьянину, начинающему дорожить каждымъ лишнимъ колочкомъ земли, становится все болѣе труднымъ мириться съ тѣмъ, что его сосѣдъ, живущій за ложбомъ, во уже въ другой деревнѣ, пользуется большимъ количествомъ земли чѣмъ онъ. Даже такія узко-хозяйственного характера причины, какъ вопросъ о регулированіи выпуска скота на свинокосы, разрѣшаемый всѣми заинтересованными селеніями сообща, заставляетъ одну простую общину сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ другой. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и образование новыхъ почниковъ путемъ выселенія изъ наиболѣе стѣсненныхъ землею общинъ. Приведемъ здѣсь не лишненное интереса описание г. Остроумовыхъ причинъ и порядка такого выселенія. „Можетъ быть еще и такой случай, что извѣстная деревня находится недалекѣ отъ деревни и у крестьянина въ обыкновенномъ полѣ, передѣляемомъ во время

ревизії, надѣль очень невеликъ, а скота достаточно и если у крестьянина эта деревня порядочного размѣра и, кроме того, неподалеку отъ нея находится другая, которая появилась на свѣтъ благодаря его же трудамъ, тогда такой крестьянинъ строитъ около этихъ деревень домъ со всѣми службами, следовательно выселается изъ деревни, въ которой жилъ раньше и основываетъ новую деревню, поселокъ, выставку и пока не наступила ревизія пользуется тѣмъ надѣломъ, который данъ ему, какъ общиннику прежней деревни; при ревизіи же обыкновенно лишается его въ пользу метрополіи общины и надѣляется тѣми деревнями, которыхъ лежать около его двора. Значить возникаетъ новый зачатокъ общини — выставка, которая можетъ современемъ вырасти въ деревню — отдѣльную общину, благодаря размноженію только выселившагося семейства или отъ присоединенія другихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ какойнибудь ближайшей деревни. *Если эта выставка находится облизи какой-нибудь другой деревни, то можетъ впослѣдствіи поступить съ общей передѣль съ землею ея¹⁾.* (Курсивъ нашъ). Авторъ какъ будто дѣлалъ свое описание съ Устьысольского уѣзда. Въ послѣднее время подобные выселенія особенно участились; почти вслѣдъ каждой значительной деревни можно найти одинъ — два небольшихъ выселка. Пока „дерюги“ въ достаточной степени изолированы отъ пахотныхъ угодій метрополіи, выселокъ сохраняетъ самостоятельное пользованіе ими, но, по мѣрѣ роста выселка и метрополіи, изолированность исчезаетъ, наступаетъ та же спутанность земельныхъ угодій, какая нарисована выше. Результатъ получается тотъ же: сплетающіеся съ каждымъ днемъ интересы заставляютъ выселокъ слиться со своей метрополіей въ одну составную общину. Но едва ли не самое большое влияніе на ходъ образованія составныхъ общинъ имѣть форма пользованія сѣнокосными угодьями. Процессъ индивидуализаціи селеній, совершающейся въ періодъ господства залежной системы и при переходѣ ея въ трехполье, имѣть мѣсто главнымъ образомъ по отношенію къ пахотнымъ, но не къ сѣнокоснымъ угодьямъ. Объясненій этому нужно искать въ томъ, что удаленность сѣнокосныхъ участковъ въ несравненно меньшей степени стѣсняетъ свободу ихъ расчистки, чѣмъ констатировано выше по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ. Въ

¹⁾ „Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ вѣкоточныхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ Вологодской губ.“. Материалы для общиннаго землевладѣнія. Молва. 1876 г., № 31.

поискахъ за лучшими и требующими меньше труда для расчистки участками врестьяне разбрасываются по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ, уходя отъ селенія за 80 и даже за 100 верстъ. Участки, расположенные вблизи селенія и игнорируемые жителями въ виду трудности разработки, занимаются иногда семьями, хотя живущими и въ болѣе удаленныхъ селеніяхъ, но располагающими достаточнымъ количествомъ рабочихъ руkъ. На протяженіи всей территории, тяготѣющей къ жилу, каждый домохозяинъ имѣть неограниченное право производить расчистки въ любомъ мѣстѣ. Неизбѣжнымъ послѣдствиемъ этого получается чрезвычайно пестрая картина; участки различныхъ селеній перемѣшиваются самымъ причудливымъ образомъ въ протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ; образуется та же спутанность землепользованія, чрезполосность, какую мы видѣли въ пахотныхъ угодьяхъ, но только въ значительно болѣе степени. Переходъ къ совмѣстной разверсткѣ сѣнокосовъ имѣть болѣе сильная основанія и совершается скорѣе. Когда выдвигается вопросъ о совмѣстной разверсткѣ пахотныхъ угодій, то между простыми общинами есть уже точка соприкосновенія, такъ какъ фактически они представляютъ изъ себя одну составную сѣнокосную общину. При наличности послѣдней, переходъ къ совмѣстной разверсткѣ пахотныхъ угодій является настоятельно необходимостью, въ виду той неустойчивости, которую получаетъ хозяйство отъ хронологического несоответствія передѣловъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Чтобы выяснить эту неустойчивость сдѣлаемъ маленькую экскурсию въ область экономики мѣстного сельского хозяйства. Уже было сказано, что отличительная черта зырянского трехпольного хозяйства состоить въ колоссальномъ удобреніи полей. Не безинтересно привести здѣсь выборку изъ одной таблицы, поясненной въ „Итогахъ....“ (см. статью о полеводствѣ стр. 239).

Названія обществъ.	Число пудовъ навоза на 1 д. яров. поля.
Устькуломское	4640,50
Устьнемское	3318,00
Мыединское	4930,00
Пожегодское	3235,30
Помоздинское	3289,00
Въ среднемъ	3842,60

Въ среднемъ количество пудовъ навоза на десятину ярового поля ¹⁾ достигаетъ почти до 4 тысячъ ²⁾). Авторъ статьи о по-леводствѣ заподозриваетъ цѣлесообразность такого огромнаго удобренія, но намъ тѣмъ не менѣе приходится считаться съ существующимъ фактамъ. При такомъ положеніи дѣла необходима громадная масса сѣнокосовъ для содержанія потребнаго количества скота, являющагося въ районѣ единственнымъ производителемъ удобренія. Выборка изъ таблицы, помѣщенной въ той же статьѣ, показываетъ размѣры этой потребности.

Название общества.	На 1 дес. всей пашни приходится:		
	десят. сѣно-коса.	дес. удобряем. пашни.	
Устькуломское	4,07	0,49	
Устьнемское	4,55	0,74	
Мыеддинское	5,01	0,63	
Пожегодское	4,80 ³⁾ .	0,51	
Помоздинское	3,60 ³⁾ .	0,48	
По району		4,88	0,55

„Если принять во вниманіе, пишетъ авторъ, что удобряемыхъ ежегодно пашень имѣется около половины всего количества ихъ, то окажется, что для удобренія въ 1 годъ одной десятины пашни используется около 10 дес. сѣнокоса“. (Курсивъ автора). Наличность потребнаго количества сѣнокосовъ становится необходимымъ условіемъ возможности веденія хозяйства. Всякое колебаніе въ соотношеніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій влечетъ измѣненіе въ количествѣ удобренія и дѣлаетъ урожай неустойчивыми. Неурожай травъ быстро сокращаетъ количество скота у населенія, заставляя его тѣмъ самымъ уменьшать удобреніе. Такъ въ Шиловской волости два

¹⁾ Въ устьсыольскомъ уѣздѣ удобрение вывозится исключительно подъ яровое.

²⁾ Спѣшимъ предупредить удивленіе и недовѣріе тѣхъ г. г. специалистовъ, которые незнакомы съ условіями веденія хозяйства на сѣверѣ. Указанные цифры получены конкретнымъ путемъ, именно взываниемъ вывезенного на полосы удобренія, почему вѣрность ихъ находится вне сомнѣнія.

³⁾ Въ „Итогахъ“ вмѣсто 4,88 и 3,60 стоять соответственно 6,13 и 2,88; эти цифры оказались невѣрными, такъ какъ при выводѣ произошло недоразумѣніе: авѣ деревни, при группировкѣ пахотныхъ угодій, попали въ одно общество, при группировкѣ же сѣнокосныхъ—въ другое.

Приводимыя пами цифры исправлены.

неурожайныхъ года уменьшили число лошадей на 7,3 %, коровъ на 25,3 % и мелкаго скота на 46,5 %. Также отражается на скотоводствѣ и всякая другая причина, влекущая уменьшение имѣющейся въ домохозяйствѣ площади сѣнокосовъ. Хронологическое несоответствие между передѣлами пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій очень часто служитъ такой причиной. Оно влечетъ къ тому, что домохозяинъ, получившій прирѣзу пашни на прибылыхъ душахъ, не можетъ удобрить ее, такъ какъ неизмѣнившаяся площадь сѣнокосовъ не даетъ возможности соотвѣтственно увеличить количество скота; то же происходитъ и въ томъ случаѣ, когда при передѣлѣ сѣнокосовъ часть изъ отбирается у домохозяина, а количество пашни остается неизмѣннымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ равновѣсие нарушается; часть пашень, за невозможностью удобрить ихъ, забрасывается, или удобряется за счетъ уменьшенія удобренія остальной массы. Невыгодны послѣдствія такого порядка усиливаются еще болѣе съ изданіемъ закона, запрещающаго частные передѣлы; при такихъ условіяхъ несоответствие между кормовой и посѣвной площадями можетъ продолжаться до 10 лѣтъ, не ослабляясь уже частичными переводами участковъ соотвѣтственно прибыли или убыли числа душъ.

Населеніе ищетъ выхода изъ затруднительного положенія и находить его въ переходѣ къ совмѣстной одновременной разверсткѣ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Цѣлый рядъ простыхъ или небольшихъ составныхъ пахотныхъ общинъ, входящихъ въ составъ одной большой сѣнокосной общины, соединяются и образуютъ одну полную составную общину. При этомъ бываютъ случаи, что отдельные селенія, входящія въ составную сѣнокосную общину и неразверстывающія свои пахотныя угодья, подъ вліяніемъ общаго перехода приступаютъ къ передѣлу и пашень. Сордъ-ивская община въ 1900 году поставила на очередь вопросъ объ уравнительной разверсткѣ пахотныхъ угодій, но благодаря противодѣйствію многоземельныхъ она не была разрѣшена въ положительному смыслѣ. Малоземельные врядъ ли бы добились скоро передѣла, если бы въ 1901 году на общемъ сходѣ Помоздинской составной сѣнокосной общины, въ которую входила и д. Сордъ-ивская, не было рѣшено приступить въ общему разверстанію пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій.

Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на ту эволюцію, которую испытали общини

Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таюой окажется позагонно“, (приговоръ отъ 16 сентября 1884 г.).

Поддеревенная разверстка въ результатѣ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая прината за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодий.

Въ дер. Борь-Надболотинской	1300	кв. с.
” Тирасланской	860	” ”
” Нѣмцевской	580	” ”
” Спириинской	460	” ”
” Пакшинской	360	” ”
и т. д.		

Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло долго держаться и въ 1900—1901 г. постановлено раздѣлить пахотныя и сѣнокосныя угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнуть одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости. Но уже, при перемѣрѣ земель, выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой отдаленной деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и какъ видно изъ дополнительного приговора шиловского волостного схода, крестьяне избрали средній путь; они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями“ и произвели уравненіе внутри каждой отдельной трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ паевъ, но она значительно менѣе прежней. На Ѣдока (за единицу принять Ѣдока обоего пола) приходится:

Въ Шиловской трети	291	кв. с.
” Порубской ”	256,8	” ”
” Занольской ”	169,4	” ”

Группы селеній или „жѣла“, преобразовываются такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ составные полныя общини. Бытова — административная община становится кроме того и земельной. Почти буквально тоже пишетъ и Остроумовъ по отношенію къ устюжскому и тотемскому уѣздамъ: „такъ какъ селенія наши представляются оазисами среди дремучихъ лѣсовъ,

то следовательно и община будетъ этотъ оазисъ¹⁾). Иногда одно изъ селеній составной общини настолько удалено отъ остальныхъ, что фактическое уравненіе его съ ними невозможнo; въ такихъ случаяхъ, принявши общіе принципы и сроки разверстки, оно устанавливаетъ величину душевой доли самостоятельно; вслѣдствіе этого она можетъ быть не равна таковой же въ другихъ селеніяхъ общини. Въ дер. Ванолдинской, напр., душевая доля пахотныхъ угодій равна 310 кв. с., а въ остальныхъ селеніяхъ составной общини она равна лишь 212 кв. с. Но это нисколько не мѣняетъ хозяйственного характера общини, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ дер. Ванолдинская пользуется паемъ, одинаковымъ для всѣхъ селеній общини.

Генеральное межеваніе, образовавъ крестьянскія дачи, объявило входящія въ нихъ земли находящимися въ общемъ владѣніи всѣхъ замежеванныхъ въ дачу селеній. Съ юридической точки зрѣнія эти селенія составляютъ одну поземельную составную общину. На дѣлѣ однако этого нѣтъ. Мы видимъ, что отдельные селенія или представляютъ самостоятельный общину, или сливаются съ другими близлежащими селеніями, образуя болѣе или менѣе значительныя составные общини; нѣкоторые селенія совсѣмъ не уравниваются угодьями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда генеральная дача обнимаетъ землепользованіе „жila“, т. е. группы близълежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной. Но такое совпаденіе далеко не общее правило. Селенія живутъ своей жизнью, совершенно не руководствуясь проведенными границами. Дѣло не обходится безъ столкновенія на этой почвѣ съ мѣстной администрацией, какъ представительницей офиціальныхъ начальствъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно дѣло крестьянъ Алексея Улашева и друг. Помоздинско-Модлаповской составной общины отказала этимъ крестьянамъ въ надѣленіи землей, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они переселились изъ селеній, хотя и находящихся въ предѣлахъ той же генеральной дачи, но не входящихъ въ составъ названной общини. Земскій начальникъ и уѣздный съѣзда, куда перешло дѣло по жалобѣ крестьянъ, признали составленный въ этомъ смыслѣ приговоръ недѣйствительнымъ, какъ постановленный не отъ подлежащаго схода. Пахотная и сѣнокосная земля находится въ общемъ владѣніи всѣхъ 10 селеній дачи села Помоздинского,

поэтому, по мнению органовъ местной администраціи, приговоръ могъ быть постановленъ только общимъ сходомъ крестьянъ всѣхъ селеній.

Въ дальнѣйшемъ изложениіи позволимъ себѣ коснуться статьи г. В. Ф. Попова, затрагивающей вопросъ о зырянскомъ землепользованіи вообще и о составныхъ общинахъ въ частности¹⁾). На десяти страничкахъ, относящихся собственно къ предмету нашего изслѣдованія, авторъ даетъ довольно много фактическаго матеріала, правда теперь немногого устарѣвшаго, тѣмъ не менѣе очень цѣннаго, такъ какъ онъ почерпнутъ изъ мірскихъ приговоровъ, этихъ лѣтописей деревенской общественной жизни. Отчасти мы воспользовались имъ для своей работы, исправивъ то, что подверглось измѣненію за послѣдующее десятилѣтіе, поскольку эти измѣненія могли быть нами наблюданы. Отдавая дань уваженія почтенному автору, какъ знатоку края и шонеру въ дѣлѣ изслѣдованія существующихъ земельно-правовыхъ нормъ у зырянъ, тѣмъ не менѣе рѣшаемся высказать, что авторъ имѣеть не достаточно отчетливое и ясное представление объ общинѣ—предметѣ своего изслѣдованія. Это влечетъ у него къ большой путаницѣ въ понятіяхъ и терминахъ. Зная, насколько ясная терминологія необходима во всякомъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе объ общинѣ, мы и позволяемъ себѣ попытаться разобрать эту путаницу. „Земельно-хозяйственное дѣлѣніе уѣзда, пишетъ г. Поповъ, какъ будетъ видно ниже, значительно разнится отъ административнаго, обусловливаясь тѣми теченіями общественно-хозяйственной жизни, которая имѣли мѣсто совершенно вѣнчанія администраціи соображеній и интересовъ и создали эту иную картину распределенія уѣзда на хозяйственныхъ единицъ (общины). При этомъ надо замѣтить, что далеко не всѣ общества уѣзда успѣли выработать вполнѣ оформленшуюся и сложившуюся хозяйственную общину; нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ на этомъ пути не сдѣлали ни одного шага и продолжаютъ выражать собою одну земельную общину, состоящую изъ слишкомъ отдаленныхъ для этого другъ отъ друга поселеній; другія общества предоставили зародившимся общинамъ право распоряженія только пахотными и не рѣшаются сдѣлать того же по отношенію къ луговымъ землямъ, доминирующее значение которыхъ въ сельско-хозяйственной жизни давно понято насе-

¹⁾). Эта статья написана, если но въ печати появилась впервые и

леніемъ и право распорядковъ, надъ которыми сельскія общества стараются удержать за собою. Въ этихъ послѣднихъ обществахъ хозяйственная община начинаетъ только слагаться, формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположения земельныхъ угодій и распорядковъ пользованія ими.¹ (Курсивъ вездѣ нашъ). Прежде всего спѣшимъ увѣрить г. Попова, что сельское общество, какъ таковое, въ Устьысольскомъ уѣзда никогда не присваиваетъ себѣ права распорядковъ надъ сѣнокосными и вообще надъ какими бы то ни было угодьями. Если это иногда и бываетъ, то общество дѣйствуетъ здѣсь не какъ общество, а какъ составная община, лишь случайно съ нимъ совпадающая. Анализируя причины и ходъ образования составныхъ общинъ мы видѣли, что онъ формируются, говоря словами资料 самого же г. Попова, „совершенно вѣнѣ вліянія административныхъ интересовъ и соображеній“. Иногда онъ менѣе общества, иногда болѣе, „формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположения земельныхъ угодій.“ Въ пожегодскую составную сѣнокосную общину входятъ не только селенія пожегодского сельскаго общества, но и д. д. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества.

Такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ. Нельзя и вообще говорить о какой бы то ни было роли сельскихъ обществъ, этихъ административныхъ органовъ, въ выработкѣ „ вполнѣ оформленныхъ и сложившихся хозяйственныхъ общинъ“, такую роль навязываетъ имъ г. Поповъ. Далѣе авторъ говорить о земельной общинѣ. Что онъ разумѣеть подъ нею—определено сказать трудно; съ большей вѣроятностью можно предположить, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду юридическая община, т. е. группа домохозяевъ, имѣющихъ общее право на занятія земли; такъ какъ съ другой стороны авторъ пріурочиваетъ земельную общину къ обществу, то по-видимому подъ указаннымъ типомъ общины онъ разумѣеть общество какъ юридическую единицу. И здѣсь проглядывается полное незнакомство автора съ фактическимъ положеніемъ дѣла. Сельское общество у зырянъ не есть юридическая община. Достаточно привести для иллюстраціи одинъ примѣръ. Въ составъ Кочергинского и Верхолузского обществъ входятъ селенія: 1) замежеванныя въ генеральныя дачи, 2) образованные на основаніи закона 9 ноября 1870 года¹⁾, 3) получившія

¹⁾ Отводъ лѣснымъ вѣдомствомъ въ безсрочную аренду.

владѣнныя записи по закону 1866 года ¹⁾ и 4) селенія само-
вольного типа. О какой юридической общинѣ можно говорить,
имѣя на лицо такую пеструю картину юридическихъ правъ на
землю? А между тѣмъ почти всѣ общества имѣютъ если не
подобную, то развѣ немного менѣшую спутанность правъ. Въ
далнѣйшемъ изложеніи у г. Попова общество изъ юридической
или по его терминологіи земельной общинѣ превращается въ
хозяйственную, а потомъ и въ земельно-хозяйственную. „Также
Шиловское и Уркинское общества, какъ уже упоминалось выше,
передѣлившия земли по наличнымъ членамъ мужского пола,
выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныхъ единицы общини...
Затѣмъ сельскія общества: Богоявленское Слободское.... Ко-
чергинское, Верхолузское.... каждое въ то же время предста-
вляетъ одну земельно-хозяйственную общину“. Г. Поповъ не
объясняетъ намъ, чтѣ нужно разумѣть подъ терминами „хозай-
ственная“ и земельно-хозяйственная общица, да врядъ ли онъ
и самъ знаетъ, чтѣ это такое. Какой напримѣръ смыслъ можно
вложить въ понятіе земельно-хозяйственной общини, когда
такимъ терминомъ г. Поповъ называетъ Верхолузское общество?
Это общество заключаетъ до десятка мелкихъ починковъ, раз-
бросанныхъ среди малопроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и болотъ
на площади около $2\frac{1}{2}$ тысячъ кв. верстъ. Или какая хозяйствен-
ная связь до 1900 года существовала между селеніями
Шиловского общества, когда эти селенія прямо писали въ
приговорѣ: „землю изъ деревни въ деревню не переводить?“
Авторъ не могъ не знать этихъ фактовъ Зырянскаго земле-
пользованія, а между тѣмъ они находятся въ самомъ вопію-
щемъ противорѣчіи со смысломъ употребляемыхъ имъ терминовъ.
На протяженіи всей статьи г. Попова термины и понятія,
совершенно различные по своему существу, спутываются невоз-
можнымъ образомъ. Административная единица—общество,
смѣшивается съ юридической и обѣ вмѣстѣ—съ хозяйственной.
Боимся, но вынуждены допустить, что г. Поповъ совершенно
не отличаетъ общества отъ общини. Причина этой путаницы
ясна. Авторъ не могъ не замѣтить того поразительно-огромнаго
распространенія, какое получили у зырянъ составныя общини.
Только тамъ, гдѣ отдаленность мѣшаетъ созданію общиности
земельныхъ интересовъ, селенія самостоятельно пользуются

¹⁾ При поземельномъ устройствѣ крестьянъ Вятской губ. нѣсколько се-
леній смѣжнаго—Устьсысолскаго уѣзда по ошибкѣ были отнесены къ Вят-
ской губ.; вмѣстѣ съ селеніями послѣдней и они получили владѣнныя записи.

своими угодьями; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ они соединяются въ болѣе или менѣе значительныя составныя общины для разверстки одного или всѣхъ угодій. Авторъ видѣлъ также, что въ однихъ случаяхъ составныя общины совпадаютъ съ обществомъ, какъ административной единицей, въ другихъ съ генеральной дачей, какъ официальной юридической земельной единицей. Не попытавшись объяснить себѣ сущность составной общины, г. Поповъ просто отождествилъ ее съ обществомъ, а это послѣднее съ генеральной дачей.

Составные общины составляютъ характерную особенность зырянского землепользованія и дѣятелямъ будущаго поземельного устройства несомнѣнно придется не мало посчитаться съ ними. Мы не знаемъ ни одного случая распаденія составной общины; наоборотъ—соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную—заурядное явленіе. Намъ кажется, что составные общины составляютъ отличительную черту не только зырянского землепользованія, но и вообще всего сѣвера Европейской Россіи. Если же мы обратимся къ другимъ частямъ ея, напр., къ Московской губ., то найдемъ тамъ совершенно обратное. Составные общины быстро распадаются и В. Орловъ въ своемъ замѣчательномъ по богатству фактическаго матеріала труда¹⁾ насчитываетъ во всей Московской губерніи самое ничтожное число ихъ. В. Орловъ указываетъ и на причины этого:

1) „Разложенію составныхъ общинъ на простыя въ значительной мѣрѣ способствовала выдача въ 1866 году государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей, гдѣ точно обозначенъ размѣръ земли, поступившей въ надѣль каждому селенію“.

2) „Другою причиной, вызывающею разложеніе составныхъ общинъ на простыя, является разница въ платежныхъ способностяхъ различныхъ селеній“, благодаря чему въ силу существующей круговой поруки селенія болѣе зажиточные должны платить за крестьянъ менѣе зажиточныхъ.

3) Послѣдняя причина кроется въ хозяйственныхъ неудобствахъ составныхъ общинъ. „Если, напр., извѣстныя угодья, находящіяся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, различными своими частями прилегаютъ къ различнымъ селеніямъ, то для каждого селенія выгодѣе пользоваться той частью, которая лежитъ ближе къ селенію, чѣмъ является въ нѣко-

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., т. IV, вып. I. В. И. Орловъ „Формы крестьянского землепользованія въ Московской губ.“

торыхъ общинахъ основаниемъ для окончательного поселенного разверстания всѣхъ или нѣкоторыхъ общихъ угодій”¹⁾.

Перечисление этихъ причинъ показываетъ, что въ лицѣ зырянской и московской общинъ мы имѣемъ дѣло съ двумя различными стадіями развитія. Вторая, осложнившись многими факторами, какихъ еще не испытала первая, ушла значительно дальше впередъ. Уже одна первая причина—пріуроченіе надѣла къ отдельнымъ селеніямъ при поземельномъ устройствѣ можетъ само по себѣ служить важнымъ факторомъ въ дѣлѣ разрушенія составной общини. Еще болѣе важной причиной служить то общее развитіе хозяйства, которое въ земледѣльческой Россіи явилось слѣдствіемъ коренного измѣненія соціальныхъ и экономическихъ условій; рѣзко измѣнившіяся условия производства хлѣба, открытие рынковъ, вызвали повышеніе цѣнности земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали невыгодной спутанность землепользованія, выражавшуюся въ междуселенной чрезполосицѣ. Зырянская община еще не переживала такого важнаго момента, какъ поземельное устройство. Съ другой стороны производство хлѣба, преисполнющее главнымъ образомъ цѣли потребленія и носящее поэтому натуральный характеръ, мирится съ существующей междуселенной чрезполосицей. Но несомнѣнно, что хозяйственная жизнь въ своемъ неуклонномъ поступательномъ движениі выработаетъ такія формы, которая встанутъ въ рѣзкое противорѣчіе съ существующими формами землепользованія и откроютъ возможность дальнѣйшаго развитія общини по пути пройденному уже другими частями Россіи. Характеръ этого измѣненія можно предвидѣть и въ данную минуту. Мы уже видѣли, что лишь при извѣстномъ соотношеніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій можно разсчитывать на устойчивое положеніе земледѣлія. Населеніе растетъ, земледѣліе начинаетъ играть все большую роль, площадь пахотныхъ угодій непрерывно увеличивается, вызывая и дальнѣйшія расчистки сѣнокосовъ. При всей шириности территории, фондъ земель, пригодныхъ для этой цѣли, не можетъ въ концѣ концовъ не иссякнуть. Кое-гдѣ уже и теперь слышатся жалобы на недостатокъ удобныхъ для сѣнокосовъ мѣстъ, и наступить время, когда населеніе при существующей системѣ хозяйства будетъ не въ состояніи сохранять необходимое соотношеніе между двумя видами угодій. Вопросъ о сѣнокосахъ, о тѣхъ способахъ, коими можно будетъ удовле-

¹⁾ Стр. 258.

творить настойчивыя требования растущаго земледѣлія, сдѣлается вопросомъ первостепенной важности. Тѣми или другими путями но придется искать выхода изъ затруднительного положенія, и этотъ выходъ будетъ заключаться несомнѣнно въ переходѣ къ новымъ системамъ хозяйства. Необходимость введенія въ сѣво-оборотъ кормовыхъ травъ сознается не только земствомъ, но и самими крестьянами: отдельныя попытки, въ этомъ направленіи уже замѣчаются. Повышение общаго уровня сельско-хозайственной культуры будетъ неизбѣжнымъ послѣдствиемъ обостренія сѣнокоснаго вопроса, а это не можетъ не отозваться и на формахъ землепользованія. Г. Рума пишетъ: „населеніе само сознаетъ невыгодность, съ повышениемъ сельско-хозайственной культуры, удаленности сѣнокосныхъ угодій, и отъ расширенія ихъ начинаетъ мало по малу переходить къ улучшенію существующихъ, предпринимая на нихъ иногда довольно обширныя меліораціонныя работы (осушеніе, пробораниваніе, посыѣ ти-мофѣевки и проч.). Можно указать цѣлый рядъ примѣровъ, когда населеніе забрасываетъ нѣкоторую часть своихъ покосовъ, удовлетворяясь улучшеніями въ другой части”¹⁾). Въ этомъ направленіи и пойдетъ дальнѣйшее развитіе хозяйства. Съ одной стороны введеніе травопольной и вообще многопольной системы, съ другой—необходимость въ поднятіи производительности угодій, путемъ тѣхъ или другихъ меліораціонныхъ работъ,—поднимутъ хозяйство настолько, что прежняя разбросанность угодій и связанныя съ нею огромная непроизводительная затрата времени сдѣлаются существенными тормазами и вопросъ о сконцентрированіи земельныхъ угодій неизбѣжно выступить на сцену. Къ этому времени составная община выполнить одну изъ своихъ задачъ—уравненіе душевыхъ земельныхъ паевъ въ отдельныхъ селеніяхъ,—и разрушеніе ея будетъ неизбѣжнымъ. Вызванная къ жизни особымъ укладомъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій, она должна будетъ разложиться по мѣрѣ дальнѣйшаго роста хозяйства и съ обостреніемъ тѣхъ вопросовъ, зачатки которыхъ существуютъ уже въ настоящее время.

Большаковъ.

¹⁾ Loc. cit.

О Т Д Ё Л Ъ II.

I. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Кузьма Семерцяниновичъ.

- Собралися на поле Байкальо триста богатырей,
Они думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу, заединную:
„Кабы было вольно кругомъ всей земли,
5. Кругомъ всей земли, кругомъ всей Орды,
Мы бы всю землю святогорскую внизъ повернули,
Самого бы царя во полонъ взяли.
Кабы была на небо лѣстница,
Мы бы выстали на небо,
10. Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа во полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ рѣчь похвальную,
Похвальную, супротивную,
Спустилъ съ небесъ поланицу удалую.
15. Прибила поланица всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку
Другаго Олешеньку,
Третьаго Илью Муромца.
20. Они со той со страсти, со ужаси
Уѣзжали на поле Байкальо
И разставили шатры бѣлополотніе;
Они спали три дня и три ночи,
Не пивающи и не ъдающи.
25. Добрынюшѣ въ шатерѣ не заспалось;
Выходить Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны;
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
Что не туча идетъ передъ дождикомъ,
30. Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
Идеть удалый добрый молодецъ—
Подъ имъ быть конь, какъ лютый звѣрь,
Самъ на конѣ сидить, какъ упань въ добрѣ,
Очи его, какъ у яснаго сокола,
35. И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.

- И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говорить таково слово.
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
40. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынушкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдалъ, уздаль своего добра коня,
45. Поскорѣе того на коня скакаль,
Настигъ его у рѣки Смородинки,—
Загаркаль-то онъ по-звѣриному,
Засвисталъ-то онъ по-соловыиному,
Подъ нимъ конь не шарашится,
И самъ на конѣ не огляднется.
50. Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркаль-то онъ по-звѣриному
И засвисталъ-то онъ по-соловыиному.—
Подъ Добрыней конь на колѣники паль;
Тутъ Добрыня и поворотъ держаль
55. Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Илья Муромецъ на улицу
И самъ говорить таково слово:
„Далечно ли ты ъездилъ Добрыня, куда путь держаль?“
—Ужъ ты ахъ же ты, дядюшка, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
60. Мнѣ ночесь въ шатерушку не заспалось,
Выходиль я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
И не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
65. И идетъ удалый добрый молодецъ:
Подъ нимъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,
И самъ сидить на конѣ, какъ упакъ въ добрѣ,
И очи его, какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
70. У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,
Изо рта у него полныя машетъ,
И идетъ мимо евти бѣлы шатры
И самъ говорить таково слово:
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
75. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынушкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдалъ, уздаль добра коня,
80. Поскорѣе того на коня скакаль
И настигъ я его у рѣчки у Смородинки—
И загаркаль-то я по-звѣриному,
И засвисталъ-то я по-соловыиному—
Подъ имъ конь не шарашится,
85. И самъ онъ на конѣ не огляднется.
А оглянулся удалый добрый молодецъ,

- Загаркаль-то онъ по-звѣриному,
И засвисталь-то онъ по-соловыиному—
Подо мною конь на колѣнки палъ,
90. Я на конѣ чутъ живъ сидѣль.—
Илья Муромцу тутъ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдалъ, уздаль своего добра коня,
95. О двѣнадцати подпружинкахъ подпруживалъ,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
А четырнадцатый клалъ нахвостничекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Беретъ онъ копьице булатное,
100. Вострый ножъ беретъ со чинжалищемъ.
Только видѣли молодца на конѣ сядучи
И не видѣли его поѣдучи;
Конь озера и рѣки перескакивалъ,
Темные лѣса между ногъ пускалъ,
105. И настигъ его на полѣ Байкановѣ.
И прѣѣзжаетъ Илья Муромецъ ближе того,
И загаркаль-то онъ по-звѣриному,
И засвисталь-то онъ по-соловыиному—
Подъ нимъ конь не шарашится
110. И самъ на конѣ не огляднется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркаль онъ по-звѣриному,
Засвисталь то онъ по-соловыиному—
Подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
115. И бѣть Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ
„Ужъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чуешь надо мной невзгодушку!“
Конь и скочилъ, и близко подѣѣзжаетъ къ богатырю,
И ударилъ онъ палицей желѣзною по главѣ—
120. У его старика колпаки не страхнулися,
Желты кудри на главѣ не сполстилися.
Самъ говорить таково слово:
„Есть на Святой Руси комарики,
Больно комарики кусаются!“
125. И завели они биться палицами желѣзными,
У ихъ палицы приломались;
И завели они въ копьице булатны,—
У ихъ копья приломались;
И завели они биться въ рукопашный бой—
130. И перебилъ Илью Муромца и поверхъ (такъ!) его.
Илью Муромцу смерть была не писана,
Свернулся—и наверхъ его.
И выдергиваетъ Илья Муромецъ ножъ съ чинжалищемъ,
И сдѣмается ножъ выше головы:
135. „Скажись молодецъ, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя:
Которой земли и которой Орды,

- Котораго отца, которой матери?“
—Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатый волкъ!
140. Кабы былъ на твоихъ грудахъ черныхъ,
Поролъ бы твои груди черныя,
Рѣчистый языкъ бралъ бы съ тиманемъ,
Отсѣкъ бы твою буйную голову,
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросаль бы о сырь землю!—
(Вопросъ и отвѣтъ повторяются трижды)
145. Не могъ я отъ тебя отперетися,
Отпереться и отказатися—
Есть я Кузьма Семерцаниновъ, богатырь.—
Онъ и скоро скакаль со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
150. И пѣловаль въ уста сахарные,
Называлъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ они съ племянникомъ погостилися,
Тутъ они и распостилися—
Одинъ въ сторону пойхалъ, другой въ другую.
155. Илья Муромецъ и разставилъ шатерь бѣлополотнаный
И зауснулъ онъ богатырскимъ сномъ;
И разгорѣлся у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру
И тюкнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
160. Илью Муромцу смерть была не писана,
На груди у него угодился крестъ.
Онъ скоро скакаль съ богатырска сна
И бралъ племянника за ручки за бѣлыя,
И бросаль племянника о сырь землю.
165. Выкопалъ у племянника глаза и посадиль на добра коня:
„Повози, добра лошадь, куда знаешь его“.

Сойда Вытегорскаго уѣзда. Записалъ отъ крестьянина Дементія Тимофеева учителя *К. Н. Маклоновъ*.

II. Добрыня Никитичъ ¹⁾.

- Ходилъ, гулялъ Добрынушка по городу,
Ходилъ, гулялъ Никитичъ по Киеву,
Добрынушкъ-то матушка наказывала:
„Не ходи ты во улочку возвратную,
5. „Во тѣ ли переулочки Маринкины:
Тамъ живеть курва Маринушка Игнатьевна,
Она зеленщица да и отравщица;
Она много, много отравила добрыхъ молодцевъ,
Она сильныхъ могучихъ богатырей“.
10. Ходилъ Добрынушка по городу по Киеву
И зашелъ во улочку возвратную,
Во тѣ ли переулочки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,
Выпущала голубка со голубкомъ.
15. Тутъ увидѣла Добрынушка Никитичъ младъ,
Свой тугой онъ лукъ натагиваетъ,
Калену-то стрѣлочку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкомъ“.
20. Да не убилъ голубка да со голубкомъ,
Убило у Маринушки околенку,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолища поганаго,
Поганаго да некрещенаго.
25. Еще тутъ молѣдѣль да пораздумался:
Не есть слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская,—
Да не пропасть-то моей каленої стрѣлѣ
Да у той ли у Маринки Игнатьевны.
30. Заходить Добрыня во высокъ теремъ,
Кресть онъ кладеть да по писаному,
Да поклоны-то владеть да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
35. Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынушка Маринушкѣ челомъ не бѣть.
Браль то Добрынушка калену стрѣлу,
Пошелъ-то Добрыня вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Маринки за бѣду пришло,

¹⁾ Былина эта очень близка къ записанной А. Ф. Гильфердингомъ въ д. Полинской на Мошѣ отъ П. С. Малыгина („Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.“, LXI, вып. 1, стр. 536, № 316—„Добрыня и Маринка“). Но въ предлагаемомъ спискѣ она помѣщена (159 строкъ вмѣсто 137) и цѣльно по содержанию. Очевидно Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Кромѣ того это болѣе ранняя запись.
H. B.

40. За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,
Добрынины-то слѣдочки подрѣзыvalа,
Клала она въ печь на дрова на дубовыя,
45. Сама-то ко слѣдочкамъ приговаривала:
„Шайте и нойте, Добрынушкины слѣдочки,
Чтобы иояло у Добрынушки ретиво сердце
Но мнѣ ли по Маринѣ по Игнатьевны“.
Приходить да Добрыня къ родной матушкѣ.
50. Говорила тутъ Добрынѣ родна матушка:
„Что ходило мое дитятко—доходило,
Что гуляло мое дитятко—догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрынушка ни пить, не ъесть
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночки спать.
55. И вставаетъ то Добрынушка поутру ранешенько,
Умывается Добрынушка бѣлешенько,
Снаряжается Добрыня хорошохонько
И походитъ-то во ранней ко заутрененькѣ,
И выходитъ-то Добрынушка на улочку.
60. Стоючись да тутъ Добрыня пораздумалася:
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныхъ,
У той ли у заутрененьки у раннія?—
„Пойду лучше къ Маринѣ ко Игнатьевны“.
И заходитъ-то Добрыня во высокъ теремъ,
65. Онъ крестъ кладеть да по писаному,
Поклоны-те ведеть да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется,
Добрынушка Маринѣ низко кланяется—
Маринушка Добрынушкѣ чоломъ не бѣть.
70. Говорила тутъ Маринушка Добрынушкѣ:
„Вчера-то какъ былъ, то не то творилъ,
А сегодня-то ты во моихъ рукахъ,
Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
„Возмѣшь-ли ты, Добрыня, за себя замужъ?“
75. Говорилъ тутъ Добрынушка Маринушкѣ:
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
„Невѣрная да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрынушкѣ:
„Оберну тебя жабой подземельною,
80. „Которой жабы отвороту нѣть.
„Ты возмѣшь-ли, Добрыня, за себя замужъ?“
—Не подабаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну тебя, Добрынушка, борзымъ кобелемъ,
85. Спущу я по городу по Киеву—
Сбирать тебѣ кусочковъ подстолъныхъ.“
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки
И приходить ко Маринѣ ко Игнатьевнѣ.
„Находился-ли, Добрынушка, по городу по Киеву

90. И наўся-ли кусочковъ подстольныхъ?
Возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
—Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну Добринушку гнѣдымъ туромъ,
Всячиной-то тура да изукрашу я:
95. Одна щетинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока да рыту бархату,
Рожка-то у тура да позолочены.
Я спущу тебя, Добриня, во чисто поле,
Поѣшь-ка ты, Добринушка, ковыль травы
100. И поцей-ка ты, Добринушка, водушки болотныя.
У того-ли было Князя у Владимира,
Сдѣлался у него да почестный цирь.
Всѣ-ли на пиру да напивалися,
Да всѣ-ли на честномъ да наѣдалися,
105. Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались—
Кто вѣдь хвасталь добрымъ конемъ,
Иной хвасталь молодой женой.
Похвастала Маринушка Игнатьевна:
„Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
110. Девять туровъ да девять гнѣдыхъ,
Десято-еть туръ онъ хороши красивъ,
Одна шерстинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока рыту бархату,
Рожка-те у тура позолочены.
115. Вставала Катерина Никитична на ноги
И брала она Маринку рукой за воротъ,
А другой била по бѣлу лицу:
„Ужъ ты, вѣдьма, ты, Маринушка Игнатьевна,
Какъ не отвернешь ты моего братца милаго Добринушку Ни-
китича,
120. Оберну тебя саму жабой подземельною,
Которой жабы отвороту нѣть!“
И обернулася Маринушка сорокою,
И полетѣла-то Маринка во чисто поле.
Нашла она Добринушку во чистомъ полѣ
125. И садилася она Добринушкѣ на златой рожокъ,
Говорила тутъ Маринушка Добринушкѣ:
„Ты возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
— Отверни ты всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей,
130. Я втупорѣ-то тогда тебя взамужъ возьму.—
Приходитъ тутъ Добринушка къ матушкѣ
И разсказываетъ Добринушка тутъ матушкѣ,
Что далъ заповѣдь великую, взять Маринушку Игнатьевну.
Тутъ-то они да обручились,
135. Тутъ да они да обвѣнчались.
Приходитъ-то Добриня съ молодой женой
„Слуги мои да слуги вѣрные!

- Ужъ вы дайте-ка мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой Игнатьевной.“
140. Слуги у него были сдогадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ-то Добрый у Маринки буйну голову
И клацъ да на дрова на дубовые,
И пепель разсѣялъ по чисту полю.
145. Тутъ вставаетъ-то Добрыняшка ранешенько,
Умывается Добрыняшка бѣлещенько,
Снаряжается Добрыня хорошехонько
И приходитъ-то Добрыня ко ранией ко заутренкѣ.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ его поздравляютъ:
150. „Здравствуй ты, Добрыняшка Никитичъ младъ,
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
Со своей да со княгиней сообручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной!“
Говорилъ тутъ Добрыняшка Никитичъ младъ:
155. — Ужъ вы, други мои да вы пріятели,
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удавается.
Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу.—

Записано учит. Громовыемъ въ Мошинскомъ приходѣ, Каргополь-
скаго уѣзда, со словъ дѣвицы Феклы Степановны Савиной.

Пословицы, поговорки, крылатые слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ Острогожскаго уѣзда.

Къ этому сборнику пословицъ и примѣтъ, не повторяя того, что было сказано къ первому¹⁾, считаю нужнымъ пред-послать описание слободы Сагуновъ.

Название „Сагуны“, по сказанію однихъ, происходить отъ имени первого поселенца въ здѣшнихъ мѣстахъ; по сказанію другихъ — отъ слова „сага“, „сажки“ (мочевины, болотистыя мѣста). Если теперь этихъ мочевинъ нѣть, то лѣтъ 30 тому назадъ онѣ находились въ изобиліи даже въ населенныхъ мѣстахъ слободы. Я лично склоняюсь въ пользу первого толко-ванія.

Сагуны населили выходцы съ запада, главнымъ образомъ изъ Курской и Харьковской губерній. Къ сожалѣнію, о вре-мени заселенія и первыхъ поселенцахъ данной мѣстности я не располагаю необходимыми материалами и поэтому я оставляю эту точку въ сторонѣ. Скажу только, что въ половинѣ XVIII вѣка, какъ значится въ росписаніи церквей того времени, Сагуны имѣли свою церковь, т. е. объединились въ церковно-юридическую общину.

Сагуновцы происходять изъ казаковъ. Тому непреложнымъ свидѣтельствомъ, помимо того что Воронежская губернія засе-лялась казаками, являются нѣкоторыя реченія, сохранившіяся въ языке сагуновца и заимствованныя изъ казачьяго обихода. Такъ „атаманъ“ вместо старосты. Это название администра-тивного лица сохранялось до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ языке сагуновцевъ. Послѣдніе до 30-хъ годовъ XIX вѣка считались войсковыми обывателями, послѣ стали считаться го-сударственными крестьянами. Крѣпостныхъ здѣсь не было, какъ о томъ свидѣтельствуютъ метрическія книги съ 1780 г. и испо-вѣданія росписи съ 1807 года, хранящіяся въ церковномъ

¹⁾ См. „Жив. Ст.“, годъ XIV, в. 1—2, стр. 141—180.

архивъ, за исключеніемъ 4 дѣвокъ, принадлежавшихъ священнику на правъ крѣпостномъ. Эти крѣпостныя дѣвки упоминаются въ исповѣдныхъ росписяхъ только въ одномъ году. Помѣстный элементъ также отсутствуетъ. Объ одномъ помѣщиковъ сохранилось только название мѣстности „Сюрымвишины“, где онъ жилъ и которую купили въ собственность, какъ гласить документъ, сагуновцы при Екатеринѣ II. Другого засталъ XIX вѣкъ, но онъ, видимо, жилъ самъ по себѣ, а сагуновцы сами по себѣ; взаимно-обязательныхъ отношеній, какъ передаются старожилы, не было. Словомъ, насколько память старожиловъ сохраняетъ, сагуновцы были вольными людьми, зависимыми только отъ государевыхъ чиновниковъ, а не отъ помѣщиковъ, управлялись общинынымъ порядкомъ.

Школа въ Сагунахъ существуетъ непрерывно съ 1842 г., въ настоящее время имѣются двѣ земскихъ и одна церковно-приходская. Грамотѣ охотно обучаются: уже теперь не слышно нареканій на грамотность со стороны ихъ, въ родѣ того: „на что грамота, наши дѣды жили безъ грамоты“. Къ сожалѣнію, курсъ, какъ земской, такъ и церковно-приходской, очень невеликъ и уже не удовлетворяетъ запросамъ на этотъ счетъ нашихъ крестьянъ. Они желали бы отъ школы получить большаго: жизнь въ этомъ направленіи воздѣйствуетъ на нихъ довольно значительно. Но бѣда въ томъ, что сами они не оформлять свои желанія, а со стороны никто не приходитъ къ нимъ на помощь. Была при земской школѣ довольно приличная библиотека, она организовалась въ 1886 году, но, къ сожалѣнію, она теперь очень плохо функционируетъ, и не столько „правила о библиотекахъ“ привели къ этому, сколько по своей культурной неподготовленности къ воздѣйствію на окружающую среду виноватъ самъ учительскій персоналъ, который не въ силахъ быть встать на должной высотѣ: онъ шелъ не впереди, а сзади своего времени.

Сагуны въ настоящее время имѣютъ жителей 3 тысячи¹⁾ (географический атласъ, изд. Брокгауза и Ефона). Коренное занятіе—земледѣліе, хотя въ послѣднее время оно падаетъ. Сагуны становятся бойкими, торговымъ центромъ по закупкѣ яицъ и куръ. Эта торговля возникла не далѣе, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, развилаась и приняла въ послѣднее время довольно крупный характеръ: на нѣсколько десятковъ тысячъ ведется торговля. Благодаря этой торговлѣ, напрѣдъ сагуновецъ

¹⁾ По переписи 1897 г.—3.323 д. муж. п.

за сборомъ куръ и яицъ забирается далеко, въ другія губерніи: Харьковскую, Екатеринославскую и Область Войска-Донского, знакомится съ разными сторонами жизни и волей-неволей развивается.

Подъ вліяніемъ школы и книги, а главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ разѣздовъ по дѣламъ торговли, нашъ крестьянинъ сталъ культурнѣе окружающихъ: сагуновца сразу можно узнатъ и по одѣждѣ, и по манерамъ, и по рѣчи. Посмотрите на одѣжду: свитка и прочія мужицкія принадлежности выводятся и замѣняются уже нѣмецкимъ платьемъ. Самотканаго почти нѣть, все купленое въ лавкѣ: сорочки, штаны и пиджакъ. Даже сапоги — „рантови“ съ дудками. Бабы также одѣваются не трудами рукъ своихъ, а изъ лавки. Духи и мыла въ большомъ употреблениі, особенно среди прекраснаго пола. Словомъ, — въ миниатюрѣ обыватель маленькаго захолустнаго городка, Сагуновецъ также внесъ много нового въ свою домашнюю обстановку, въ свое жилье. Достаточно взглянуть на хаты ихъ. Вы увидите, что здѣсь уже культура приложила свою руку: хаты строятся по особому плану, на манеръ маленькихъ домиковъ о двухъ-трехъ комнатахъ. Внутри чистенько, уютно, встречаются картины, книжки и пр. украшенія. Похоже на манеръ фермера, хотя бѣдно обставленнаго. Положимъ, такъ не у всѣхъ, но у многихъ.

Впрочемъ, все это болѣе касается виѣшности, лоска, духовнаго міръ его мало измѣняется. Сѣрая будничная жизнь деревенская все-таки не выпускаетъ изъ когтей своихъ сагуновца, онъ активной роли въ переизмѣненіи своего духовнаго міра не проявляетъ. Поэтому жизнь идетъ медленнымъ темпомъ и реформируется медленно. Не столько онъ, сагуновецъ, сколько сама жизнь лѣпитъ его по своему образу и подобію. Изъ его умственнаго капитала и житейскаго обихода исчезаетъ лишь то, что жизнь въ силу своего исторического хода вытравливаетъ или забраковываетъ, какъ излишнее, и сохраняется и имѣеть законную силу все то, что не уносится медленно-текущимъ потокомъ жизни и не стирается безпощаднымъ временемъ. Эта „неспѣшка“ (медлительность) смены явленій, въ свою очередь является тормазомъ къ проникновенію и восприятію новыхъ культурныхъ и общественно-экономическихъ идей. Помимо авторитетности сѣйдѣ старины, отсутствіе активности, сѣрая безцвѣтная жизнь, ручейки вместо ключей живой воды даютъ въ результатѣ то, что сагуновецъ даже въ лицѣ своихъ командующихъ элементовъ, остается все же мужикомъ въ душѣ, т. е.

малокультурнымъ. Въ подтверждение послѣдняго положенія я сдѣлаю небольшую экскурсію въ область искусства, куда направляются попытки сагуновцевъ, особенно изъ молодежи, въ другія сферы умственной дѣятельности я не войду, ибо онъ лежать для насъ за семьюдесятью печатами.

Въ Сагунахъ поютъ и играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ такъ же, какъ и повсюду. Положимъ, старинные пѣсни выводятся и замѣняются новыми, частью нашихъ лучшихъ поэтовъ, проникшихъ путемъ „кудой“ библіотеки въ среду сагуновцевъ, большою же частью уличного характера. Голоса также встрѣчаются хорошия, но они не обработаны. Есть охота, есть природное умѣніе, но нѣть школы, нѣть руководительства,—и дары Божіи пропадаютъ зря: улица вступаетъ въ свои права и культура отодвигается на задній планъ. Относительно музыкальныхъ инструментовъ и музыки я долженъ сказать, что многіе проявляютъ музыкальную даровитость, таланты in spe, но опять отсутствіе школы, отсутствіе правильного образованія заставляетъ эти таланты быть простыми смертными, блестѣть малозамѣтными искорками. Мнѣ лично пришлось встрѣчаться со многими доморощенными музыкантами и убѣдиться во-очію въ ихъ талантливости, но человѣкъ предоставленъ самому себѣ; онъ долженъ открывать Америку, которую давно уже открыли. Малокультурность сагуновца въ этомъ отношеніи заставляетъ его строить барабаны да цимбалы и бренчать на нихъ, дальше онъ нѣйдетъ, а казалось бы, при страстной охотѣ и знакомствѣ съ послѣдними усовершенствованіями въ этой сферѣ, онъ могъ бы пойти дальше. Къ сожалѣнію онъ не знаетъ, гдѣ и откуда позаимствовать, научиться.

Съ поэтическимъ творчествомъ дѣло тоже обстоитъ не лучше. Знакомство съ книгой, знакомство съ нашими лучшими поэтами вызвало и вызываетъ массу подражаній, по крайней мѣрѣ мнѣ лично приходилось имѣть въ своихъ рукахъ много подражаній и самостоятельныхъ стихотвореній.

Но эти стихотворенія жален по конструкціи и по сюжету, они представляютъ ни больше, ни меныше, какъ рифмованную прозу. Ясно, эти стихотворенія лишь обнаруживаютъ охоту смертную, а участъ горькую. Незнакомство съ теоріей словесности ведеть къ тому, что не умѣютъ даже конструировать свое произведеніе, а бѣдность сюжета прямо-таки свидѣтельствуетъ о маломъ умственномъ кругозорѣ. Правда, на фонѣ сѣрой будничной жизни не выведенъ затѣйливые узоры. Само

собой разумѣется, гдѣ жизнь не бѣть ключемъ, тамъ, не можетъ быть яркихъ и цвѣтныхъ впечатлій, следовательно не можетъ быть красивыхъ по формѣ и сильныхъ по духу продуктовъ творчества¹⁾.

Не могу умолчать и о нашихъ корреспондентахъ изъ народа. Они у насъ существуютъ, печатаются въ газетахъ, какъ мѣстныхъ, такъ и столичныхъ. Но возьмите эти корреспонденціи и просмотрите. Вы сразу убѣдитесь въ томъ, что это не корреспонденціи, а просто репортёрскія замѣтки. Узнаетъ корреспондентъ про какой-нибудь фактъ такъ или иначе интересный, опишетъ его — и дѣлу конецъ. Нѣтъ ничего обобщающаго, нѣтъ широкаго горизонта, выдвинутъ лишь голый фактъ и поставленъ одиноко, безъ связи съ другими, безъ освѣщенія съ болѣе общей точки зрѣнія. А, казалось, деревенская жизнь, хотя будничная, могла бы дать цѣнныій материалъ для серьезныхъ выводовъ и широкихъ обобщеній, если только глубже вникнуть, пристальнѣе присмотрѣться къ ней.

Тоже и наше духовенство. Оно не вноситъ въ окружающую жизнь ничего цѣннаго и значительнаго. Не жизнь, а схоластика руководитъ имъ. Оно не является активною силою, не вноситъ просвѣтительныхъ началъ въ деревенскій укладъ, а ограничивается лишь стариною, давно изжитымъ. Не оно культивируетъ жизнь, а жизнь заставляетъ ихъ приспособляться

¹⁾ Для примѣра привожу два стихотворенія одного крестьянинна въ томъ видѣ, какъ они мнѣ доставлены, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника.

Россія сномъ великимъ спала,
Обманъ парниъ везде кругомъ,
И ложь все больше возростала
До безъ конечности во всемъ.
Мракомъ все было покрыто
И мгла висела надъ землей,
А то, что надо, позабыто
Для жизни будущей своей.
Не вижу: лучъ во тьмѣ сіаетъ
И свѣтъ тотъ ярче все горить,

Къ себѣ онъ будто призываетъ,
Свободой будущей даритъ.
Довольно тьмы! желаемъ свѣта
И жизнь тогда пойдетъ живей.
Опостылила жизнь эта:
Свободы дайте же скорый!
Она ужъ двери отворила,
Давно желаетъ выйти въ свѣтъ,
А чѣмъ жизнь стара посутила —
Терпеть намъ больше силы нетъ.

Кладбище.

Тиши на кладбище немая,
Глазъ неудеть отъ техъ людей,
Гдѣ прикрыла гробовая
Доска въ кельи, подъ землей.
Они спокойно отдыхаютъ
Отъ житейской суеты
Про ту участъ каждый знаетъ —
Не минешь смертный часъ.

Жиль на свѣтѣ веселился,
Управляя кругомъ собой.
Померъ, прахомъ превратился.
Всѣ простились съ тобой.
Только крестъ воспоминанье
Возвышается надъ нимъ,
Ла вѣтеръ дуетъ съ завываньемъ.
Какъ бы вѣчно споря съ нимъ.

къ окружающему. Если у насъ¹⁾ духовенство становилось иногда во главѣ просвѣтительныхъ учрежденій, то не ради принципа, а ради минутныхъ соображеній, не для дѣла, а ради личнаго интереса—и эти просвѣтительныя учрежденія долго не удерживались и погибали: вспыхнетъ, словно огонекъ, и замретъ. Само собой, нѣть систематически и строго проведенного принципа, работа не даетъ желанныхъ результатовъ—и дѣло гибнетъ. Если духовенство, какъ культурный элементъ, не вносить въ деревенскую жизнь просвѣтительныхъ началъ, напротивъ, само находится подъ воздействиемъ этой самой жизни (деревенской), то что же можно сказать и требовать отъ мужика?

Набросавъ въ самыхъ общихъ чертахъ характеристику сагуновцевъ, я тѣмъ самымъ показалъ, въ какой средѣ собирался мною предлагаемый материалъ, который и передается буквально, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ въ грамматическомъ отношеніи.

Пословицы, поговорки и крылатыя слова.

А вы думаете лыкомъ спиты. Ажъ небу будетъ жарко. Алеша—три гроша, а шейка — копейка (Дикаревъ — два гроша). Анисья, стерва, не гонися. Антикъ съ печеричкой. А сколько тебѣ въ земли? Столько, какъ наружу? (значеніе—не страшень). Атанде—лепранде. Ахъ, вы, мои комашечки. Ахъ, ты, габло. Ахъ, ты сукинъ котъ. Ахъ, ты халепа. Ахъ, шобъ тоби дождь намочилъ.

Бабушка на двое сказала. Богацько дила, а ума мало. Богацько просе, бильше бросе. Балакае казно що. Баранъ бараномъ, а деньги дуромъ. Ботько подивился омелкомъ (?). Безъ бабы, какъ безъ кошки. Безъ его батька это знаю. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору дерется (загадка: дымъ). Безъ церемоніи (безъ сахару) пьемъ чай. Війся кулака, а то языкъ пиде въ дило. Бильше коши лиха не будеть. Бисово падло. Бисово хамлъ. Биться—не годится, а лаяться—грихъ. Блигамъ свѣть племизать. Богъ ему ума надбавывъ, лысины прибавывъ. Бодяри (голову), хоть не бодяри, а въ оглобли иди. Болить сердце и печенка, далеко живеть дѣвчонка. Большой бѣды не будетъ. Борщъ горячій?—Подъ припичкомъ варился. Бранять, но не бьють. Бреши кобелемъ, продавать поведемъ. Бреши, сердце, бреши, я посли выбрышу. Брешишь—скрешишь. Брешишь.—Сучку почешишь.—Я пятакомъ, а ты языкомъ; ты зубами, а я граблями. Бросился въ омутъ головой. Брошу вареное и печеное, а пойду. Будьте покойны, какъ на саняхъ. Будь казакъ гладокъ, напился, наѣлся, да на бокъ. Была сила, когда мать срать носила. Было у

¹⁾ Разумѣются исключительно Сагуны.

Мокея два локея, а теперь Мокей самъ локей (Дикаревъ—3 лакея). Былъ когда-то рыжикъ, а теперь ничто. (Byl kiedys rydz, a teraz nic.). Будо-бъ порадиться. Бѣгаешь, какъ сучка. Бѣда бѣду родить. Бѣда на Божьемъ свѣтѣ ведется: одинъ Богу молится, другой бѣтесь. Бѣда не дуда, идеть и грѣтесь. Бѣлый, какъ кипень.

Вали подъ гужъ. Ваша гармонія растроилась. Ваши спать, а нашимъ спать хочется. Весна на все красна. Весною щенка на щенку лезитъ. Виситъ, телепаешься, никто не хватается. Винъ за хмару заходе. Водой не разольешь. Вокругъ да обаполо. Волочится, якъ собака. Вольному воля, спасенному рай, а бѣшеному круча. Воля птичкѣ лучшее золотой блѣтки. Воронъ гдѣ не летать, такъ гавно клевать. Воръ у вора не украдеть цапки. Воры на себя, а пьяницы съ себя. Вотъ жисть на свѣтѣ, кабель на повѣти. Вотъ, право!— По сухому берегу не плавай. Вотъ теперь я понимаю, что я юнкера жона. Вотъ то горе, что нѣть ничего на запорѣ. Вояки на Руси минули, остались лишь карманники (венгерецъ по поводу русско-японской войны). Враги его батька. Времѧ—цило оберемъя, да ще съ прибавкой. Все буде, все—а сего не буде. Всему свиту мила. Все на свѣтѣ кочерижка, только укусъ кислота. Все писне, да писне, черть его засне. Все пишеть да пишеть, а похвалъ себѣ не слышеть¹⁾). Все полезно, что въ ротѣ полѣзо. Все равно.—Лазили въ окно, а то ходять въ двери. Все рушъ, только мене не рушъ. Все хамелю да хамелю. Все это одно кодло. Всталъ, еще черти на кулачки не дрались. Встанешь рано, сведешь на позднее. Всѣ печеники мій перейдо. Всѣмъ по семь, а кому такъ восемь. Всякое дыханіе любить похищаніе. Въ городѣ пе безъ оказіи, а въ болотѣ пе безъ черта. Въ горячей купаліи (полск. примѣт. (sic!). Въ гостяхъ не перди, а то дома захочешь. Въ гузнѣ вода не удержится. Въ гуртѣ и каша испа (ѣтсѧ). Въ дорози и батько товарищъ. Въ дракѣ волосъ не жалѣютъ. Въ жопу, какъ навѣдаются тебѣ. Въ кабинетъ задумчивости, куда и царь пѣшкомъ ходить. Въ лѣсу не безъ травы, а въ головѣ не безъ вши. Въ первый и въ послѣдній чтобъ было. Въ печенкахъ сидить. Въ ротѣ обулся и выѣхаль. Въ своей хатѣ, да не могу скакать. Въ ссорѣ человѣкъ правду скажеть. Въ твои года (лѣта) кони дохнутъ. Въ томъ то дѣло, что на семи сидѣла, а девятерыхъ вывела. Въ 1901 году мѣщанка приняла Году на велику бѣду. Въ четвергъ послѣ дождика (случится). Въ чужое счастье всѣмъ не вкачаться. Вы забулы то, что я ставъ знать. Вылучивъ глаза, какъ баранъ лѣца. Вы не касайтесь меня, я васъ не коснусь. Выпиль и не въ одномъ глазѣ. Выросъ подъ небо, дурный якъ треба. Вы теперь хорошо идите, а мы клочья да вовна, лишь бы кишкя повна. Вы туда ёдите, намъ туда дорога. Вѣдать не вѣдаю, знать не знаю. Вѣрно—не лицемѣрио.

Газеты, что хохлы Мазепы. Гдѣ здаль экзаменъ?—Въ одной вдовы. Гдѣ каша, тамъ мать наша. Гдѣ кружка, пошла въ дружки. Гдѣ не копнесся, тамъ и воды напьешься. Главная вещь—не робъ, хлѣба нѣть до звѣзды говѣй. Гладокъ побираться, можешь украсть

¹⁾ Сравн. „...все пишеть, пишемъ,
А ни себѣ на имъ похвалъ не слышимъ“.
Дмитревъ. „Чужой Толкъ“.

Глядь на видъ, спрашивай здоровьяя. Глупъ, какъ осиновый колъ. Говорила Настя, какъ удастся. Голодной кумѣ не хлѣбъ на умѣ, а все палкицы. Голому разбой не страшенъ. Голь, какъ бубенъ. Голый идетъ, у пазуси сорочку несетъ (загадка: свѣча). Горе съ нами, горе намъ. Городъ наберется, а деревня не разорвется. Горькое проклянуть, сладкое проглотить. Горяче. — Постуди, дураче. Господи Иисусе, впередъ батька на высилицу не суйся. Господи Иисусе, на бабины гуси. Господи Иисусе — не въ свое дило не суйся. Грай музыка якъ знаешь, а я маю свою миру въ ногахъ. Грихъ въ михъ, а спасенье въ торбу, а тебя кизякомъ въ морду. Гроши е, да для нихъ дило е. Гроши есть, да это не деньги. Грязнымы дѣломъ, это не минуло руку твоихъ. Грязь не сало, потерло и отстало. Гусь хорошъ.

Да вамъ вслѣдъ кричать, чуть не въ жопу. Далеко лежало, мало болѣло. (Daleko leżalo, mało bolało). Да лѣтъ хитрю годовую. Да не дождеть твой родъ. Дбалъ другимъ, а самому пришлось нюхать. Дви козы на одной нози. Двѣсти не въ одномъ мѣстѣ. День торгую, недѣлю ворую, а семь лѣтъ въ острогѣ сижу. Деревня Лыкова барина дикаго, плевкомъ умывается, рукавомъ утирается. Держи Муся, я на дворъ боюся. Держи ухо остро. Дивчачий батько. Для него молодую запряжетъ. Добра душа, а кисель не Ѣсть. Добро буде, добре буде. Добро, какъ мачихино гавно. До бѣды ще три дня. Договоръ (уговоръ) лучше денегъ. Докажу гусара. Долго ждать — не устать. До пичинокъ не доходило. До пять задеру. Дорога ложка до обѣда, а послѣ обѣда хоть завинь. Дружись съ огнемъ около воды — не будетъ бѣды. До свадѣбы загонится (заживеть). Думаешь о небесныхъ миндаляхъ (польск. поговорка). Думаль лучше, а вышло хуже. Думаютъ одни только индюки (да царские пѣтухи, да ты съ ними). Думаютъ дураки да индюки. Дура — жалко что не отдула. Дура казала, дура записала. Дураку дѣвъ обѣдни не служать. Дуракъ, а себѣ на умѣ. Дуракъ — родомъ такъ. Дуракъ самъ за себя не отвѣчаетъ, за него все умны. Дурне, ажъ крутитца. Дурной поступокъ, за который меня бьютъ, а хороший поступокъ, за который меня ласкаютъ. Душою клянусь. Дѣявонъ по собачьи вякалъ. Дѣла, дѣла, какъ сажа бѣла. Дѣла дѣлорумъ. Дѣла, какъ палки, не гнутся, не ломаются. Дѣло ваше, а жеребята наши. Дѣловъ не куча. Дѣтишкамъ все-жъ на молочишко. Дядъко, дядъко, не съ того конца свинью смалишь — хвистъ палышь, п..ду оставляешь.

Его возгрѣмъ убить. Его (ее) обѣ дорогу не расшибешь. Его сѣдъ простыль. Ему божиться, что съ горы катиться. Ему кажень, а онъ еще огрызается. Ему только подѣ дорогой стоять. Еслибъ знато да вѣдано. Если въ шуткахъ не жить, такъ и дѣла не имѣть. Если нечего сказать, то и „да“ хорошо. Если не возьме, то такъ отдастъ. Если упала, то съ хорошаго кони (польск. погов.). Естественный дуракъ. Еще не вышелъ рыченецъ. Еще не сидаютъ, уже катаются. Еще хуже хочется. Еще черти на кулачки не дрались.

Жаркомъ меня обдало. Жди, дядъко, порядку. Ждалъ, ждалъ и всѣ жданки переждалъ. Жеребята наши, кобыла ваша. Живемъ — хлѣбъ жуемъ. Живемъ жаль. Живой живое гадаетъ. Жидъ — свиное ухо. Жила въ горѣ, не жила вдвое. Жизнь моя нелегкая,

только пуда полтора. Жизнь не въ радость, счастье не въ сладость. Жизнь хуже, а платье уже. Жинки правды не кажи, а съ полицей знакомства не воды. Жить — не страшиться, любить — побояться. Жить — не тужить.

За водой (по воду) пойдешь — не прйдешь. Завязать ихъ всѣхъ на кнутъ да забросить къ чорту (о теперешнихъ военачальникахъ). Загорѣлось въ кошкѣ подъ хвостомъ. Загорѣлось кози смерть, она ходить все пердь. Задолдонить свое, хоть святыхъ выноси (хоть колъ теши). Задаль стрекача. За деньги при здоровы жирно побираться. За дурною головою и ногамъ бываетъ лыхо. Закололо въ сраци. Закривило на барышню. Залажете спать — забудете встать. За однимъ заходомъ. За панибрата нельзя За потылачку да въ нахилячу. За правое ухо не оттянешь. Запретить свое, хоть коль ему теши на головѣ. Зарекалась свинья гавно ёсть, а добралась до парного да нажралась. За свой грошъ вездѣ хорошъ. За тришечки не зішлося дило. За хвость да на луну. За хорошимъ музыкомъ и свинка — господинка. За чѣмъ пойдешь, съ тѣмъ прїдешь. За цара Анохи, когда людей было трохи. Здравствуй да пожалуйста не застуй, а то и такъ темно. Здравствуй — здорово живешь. Здравствуйте, гуси, я вашъ дядько. Здоровье take, якъ рѣшето цыганскe. Здоровый болванъ. Зерно до зерна, будеть мѣра. (Ziaruко do ziaruка to bѣdzie шiarka). Зло забисованное. Злыденъ тебя взяль. Знай себе, дай буде съ тебе. Знай честь, да утирай бороду. Знайка бѣжитъ, а незнайка лежитъ. Знала кобыла, на что оглобли била. Знатье, тамъ кумъ въ питье. Золотая клѣть, да не видень свѣтъ. Зробылося лыхо. Зъ витру злучилось.

Иванъ Ивановичъ, снимай штаны на ночь. И въ Парижѣ не сѣдѣаютъ съ овса рису. (J w Paryżu nie ztobię z owsa rysu). Идетъ дождь, идетъ сильный, а онъ все спѣшить къ Марьѣ Васильевнѣ. И жиль — не любила, и умеръ — не тужила. И крошки хлѣба не ъль, а заставили ругаться. И подъ дубоиъ рай, коли хлѣба край. И Хома человѣкъ. Изъ-за угла мѣшкомъ прибитъ. Изъ нашего полку не было толку. Изъ нудыги бѣгалъ. Изъ одного дерева бываетъ и крестъ, и лопата. Изъ подъ смѣху люди бываютъ подъ стрѣху. Изъ подъ субботы пятницу видно. Изъ простоты веревки вьють. Изъ села на село, шобъ было весело. Изъ 75 печей хлѣбъ ёдалъ. Изъ хама никогда не будетъ пана. Икали справляешь. Индыкъ скрыгоче, умникомъ будь хоче. Исправникъ ёздить по узду собакъ дразнить, а укусить не можетъ. Истина идетъ между двухъ огней. И такъ горячо, и такъ болячо. Ишь дурака валить, п..ду въ лапти обуваетъ.

Каждое лыко въ строку. Какъ есть, какъ батька въ лобъ. Какъ живете? — Лучше всѣхъ. Какъ на старость, а теперь слава Богу: куда не пиду, безъ куска не выпустять. Какъ не споткнешься, такъ не научишься. Какъ ни вилай, а треба идти (ѣхать). Какъ ни толкуй, а Богъ больше всѣхъ. Какъ ножомъ по живому. Какъ поживаете? — Благодарю васъ. Какъ родится, то и безъ чаю годится. Какъ съ гуси вода. Кать его знаетъ. Кеди ни кеди (не спѣша, медленно). Кидается въ омутъ головой. Кица пошла по водицю. Князъ, — что за глупая связь. Кобыла наша, а жеребата ваши. Коммерческий оборотъ: два пальца въ ротъ, а третій въ ж..у. Кому, кому, — а

кудему не минется. Кончиль дѣло, гуляй смѣло. Конца краю нема. Короче воробышаго носа. Косая сандала въ рюмочку насыпала, съ рюмочки льется, съ косой смѣются. Крестная сила—съ нами Богъ. Крестъ честнѣй. Крѣпокъ на уторы. Кто курить, тотъ и людей дурить. Кто на комъ помышланъ, тотъ на томъ будетъ повѣщенъ. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ. Колыбѣ не губка, то бы была золотая шубка. Кто новины не зналъ, тотъ и ветоши радъ. Кто отозвался, тотъ усрался. Кто по шеи, тотъ и носе. Кто рано встаетъ, тотъ не будетъ раскаиваться. Кто рано встаетъ, тому Богъ даетъ (Kto рано wstaje, temu Bógo daje). Кто рано женится, тотъ не будетъ раскаиваться. Кто чего зна, сроду не забуде. Куда воно дилось, видкеля оно взалось. Куды глянь, туда гравь (Каменецъ-Подольск.). Кудакомъ не доймешь, какъ языкомъ проймешь. Кулькомъ обдеру. Кумачу не хочу, китайки не надо. Купецъ торгомъ, мужикъ горбомъ, а попъ горбомъ¹⁾). Куплю, яки на меня дивится. Курка въ дубѣ, яйцо въ дуплѣ, а они съ добной носатся. Кутыя—Дурень безъ пута. Кушай на здоровье. Къ загону борозна. Къ нашему возу лѣжше.

Латка-битка—шёлковая нитка. Легко сказать. Липовымъ ножомъ рѣжеть. Лишь бы дырки не было. Лишь бы кости были, кожа наростеть. Лишь бы отбыть свою чергу. Лучше быть плотникомъ въ искусствѣ, чѣмъ мастеромъ въ ростовничествѣ (въ картахъ). Лучше Ѣсть хлѣбъ съ водою, нежели пирогъ съ бѣдою. Люби за привѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. Любо дорого смотрѣть. Любовь не орихъ, не выкинишь за поригъ. Йзетъ настыръ гузномъ. Йзомъ ногою коннешь, а зимою рукою возьмешь.

Мазница, давай дразница. Маковой росинки во рту не было. Мале спасибо. Маленький, да удаленький. Мало хорошаго. Мамаша-анафима приворожила. Матушка, двѣ дыры вмѣстѣ, да и то въ тѣстѣ. Матери нема, сами дити собрались. Мати Василиха зародила на все лихо. Мать твою подъ чепелку. Мели, бабо, оно все къ дилу будетъ. Мерзни волчій хвостъ. Милости просимъ, копѣекъ на восемь. Мини осточертило это. Міромъ-соборомъ. Мое слово олово. Можно выпить рюмку водки, двѣ, четыре, пять, но діэту наблюдать. Мокрый, какъ мышь. Молоде, а е.., якъ старе. Молодо—забывчиво. Молочай, ѿшь п..ду да вмочай. Молчать, пока зубы торчатъ, а то всѣ повыбью. Морона за три гроша. Мораль сего разсказа такова. Моя легкая рука. Мутить, какъ цыганъ свитомъ. Мылось, якъ кристилось. Мягко стелеть, да колко спать.

Набалакавъ три мѣшки гріченой вовны. На батька на пса, шобъ наився овса, да не выспався. На всѣхъ семитическихъ языкахъ говорить (сказано). Наврядъ въ Кузьмѣ гроши. Надворъ можно за три копѣйки нажить. Надо отряса ножку ходить. На добрый совѣтъ и въ постъ мясофѣдъ. На дуракахъ Ѣздать. Надулся, какъ сичъ на крупы. На его кажи но, а винъ каже тиру. Нажрался до усеру. На исходѣ да годи. Найди кобылячу голеву и ту зануздай. На каждомъ бываетъ переходы. На какомъ возѣ сидишь, тѣ и пѣсни поешь. Наклалъ по самое девятое (десятое) число. Наливался, какъ Ливоновъ щенокъ. Налопался (нажрался), якъ дурень на обиди.

¹⁾ М. б. юрломъ? Н. В.

Налупился, какъ дурень на обѣдъ. На мандѣ шерсть перебивать. На нихъ падаетъ линія. Нанялъ по три за разъ. Наобумъ Лазара. На одно ухо не дочувало. На пельку сидаютъ. Нащевать, щать въ Уразову ночевать. На пузатую (корявую) спину дубину. Наровисты люди. Нарядыла, якъ квітку. На сердцѣ кошки скрибутъ. Насеры своему батьку. На сивомъ меринѣ не подѣдешь въ нему. Насильно копать колодезь, воды не пить. Насколько пани, настолько гарни, хай имъ хрѣнъ приснится. На словахъ голову оторвать, на дѣлѣ ничего не сдѣлать. Насрать тебѣ. На сухихъ поѣхаль. Насчетъ прости Господи. На тоби дули подъ нісъ. На той же ж..ѣ сидишъ (поѣдешъ). На тотъ годъ, въ эту пору, послѣ дождика въ четвергъ. На улицѣ развѣ долго время идетъ. Начальстvu мы уважимъ; скипидарцемъ ж..у смажемъ. На чертей оно здалось. На что?—На пти, чтобы дивувались такие дураки, какъ ты. На чужой сторонѣ поклонишишься воронкѣ. На це наплевать. На це насрать. Наше дѣло маленько: вышиль да еще. Наше дѣло не попреть. Наѣласъ, нашилась, надулась—и выскочило. Наѣлся (налупился), какъ дурень на обѣдъ. На языкѣ медъ, подъ языккомъ ледъ. На этомъ дѣлѣ онъ здорово насобачился. Не бери чужого, такъ не бойся никого. Не было ума смолоду, не будетъ его и подъ старость. Не быть тебѣ молодцомъ, а быть тебѣ подлецомъ. Не бѣда, что во ржѣ лебеда. Не въ Кузьми гроши. Не въ похвальбу, да въ добрый часъ сказать. Не выпьешь, не расскажешь. Не даромъ пропыто, много добыто. Не до горячего, лишь бы ротъ попарить. Не долго музыка гремѣла, какъ барабанъ началъ стучать. Не дурю—я къ обѣдни иду. Не живешь, а доживаешь. Не живуть въ одной берлогѣ два медвѣдя. Не знаю, не вѣдаю, сиру не вѣшаю. Нельзя комиссару безъ штановъ. Не ковалъ, такъ клинцы не погань. Не крути, а то перекрутишь. Не маюрская честь по собачы въ окно лѣзть. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Не надѣйся дѣдъ на чужой обѣдъ. Не нужна словью золотая клѣтка, а нужна зеленая вѣтка. Не отсохнуть голова, выростить борода. Не пады пороше на мое хороше (Nie padaj proschu na moj rizknię). Не пенай на зеркало, коли рожа крива. Не шїй половинку, очи позападаютъ. Не прошли въ пельюшкахъ, не пропадемъ въ подушкахъ. Не свищи, лучше визмы. Не своимъ хоботомъ дышеть. Не святые горшки лѣпять, а такие жъ смертные. Не Сибирь, а каторга. Не старѣютъ годы, а хлопоты (жизнь). (Nie starzeja lata, ale tarapata). Не стоитъ благодарности за такія малости. Не судить по милости, а судить по щедрости. Не съ того конца свинью смалышъ. Не твое дѣло.—Тебѣ въ ротъ набѣдѣло. Не терни гора, пей медъ. Не такихъ бивавъ, да на кого наткнешься. Не только говорить, но надо дѣла творить. Не троны говна, оно не будетъ вонять. Не тотъ воръ, кто укралъ, а тотъ воръ, кто поймался. Не туда оглобли вернешь. Не туды мы затесались. Не удавитса—явится. Не уздришь, какъ улепетнетъ. Не уличенъ—не воръ. Нечего въ кулакъ шептать. Нечего дѣлать, такъ чертей стѣнитъ. Нечего толковать—ночевать,—лучше дневать. Не чѣмъ сратъ, такъ лыками. Не хочешь говна на лопати? Не хочешь—кто тебя насыляетъ. Ни Богу свѣчку, ни черту блузка. Ни выкликай волка изъ лѣсу. (Nie wywołaj wilka z lasu). Ни зыку, ни крику. Никакъ ны вытанцовывается. Ни на кошку, ни на собаку. Ни свѣть—ни зора.

Ни сѣла, ни пала. Ни сперди, ни свади, ни кругомъ. Ни хера, ваше благородіе. Ничего, вѣдь, не подѣлаешь. Ничего—все ребята съ квасомъ (съ сокомъ) пойдуть. Ничего не боишься, кроме людей. Ничь—цѣлый годъ. Нужда научить калачи печь. Нужень, какъ вчерашній день. Ну-ну!. По маленьку на гору. Ну тебя къ черту. Ну, Федюшка, чистой, чи маленькой, чи большой. Ни встаться та хохання, якъ у мишку шило; всякъ про себя доброе знае, що для кого мыло. Нѣть барыша, за то слава хороша. Нѣть, батинъки мои. Нѣть ни гропша, за то слава хороша. Нѣть у меня копѣйки размѣнной.

Область возможнаго слишкомъ широка. Обреки своей сракѣ дри-
стать да не переставать. Обрубокъ изъ подъ топорного долота.
О-ва! нема уже. Одинъ съ сошкою, а восемь съ ложкою. Одно за
одно зайдло у нихъ. Ой, баринъ, да чудакъ. Ой, бидна моя голо-
вонька. Ой, ворожка, хлѣбъ да ложка. Ой, головочка моя бидная (гришная). Ой, Господи! до обѣда проспали. Ой, люди малина. Ой,
суббота—не работа. Онъ думаетъ, что это ему хахонъки. Онъ за
конейку въ церкви перднеть. Онъ изъ-за дома. Онъ умній умнаго.
Оса безъ жала: жужжитъ, а не кусаетъ. Ослабѣла Изабелла. Оста-
лись сами казаками. Осталось, на чемъ моталось. Остался одинъ,
какъ дуракъ. Останется говна шматъ. Остобисѣла. Отъ дурака да-
леко не уѣхалъ. Откуда оно въ биса взялось. Отмочили кошку съ
рагожкой. Отмочили пулю. Отъ нидили до нидили все въ одному
дили. Отодраль же штучку. Отъ работы съ ума сойдешь. Оттаке-то
лихой! Оттакихъ не ма не де. Оце same то, що мыши съили долото,
а на те погляде, що свердельца не має. Оце такъ, да балакався.
Ошибся: я не духъ-свать. Охъ, старый слохъ, молоденький нароп-
дился, да той исказился.

Паганая овца все стадо портить. Перди не перди, а не бойся
орды. Передай поклонъ.—Сто х..въ съ хохломъ. Переолимленной
палки не дамъ. Переクロстились да перевертились. Перо пише, якъ
муха дыше. Пиде ажъ засурчить. Пикеня мать (солдатская пого-
ворка). Пій да ишь, пока живъ да свижъ, а якъ завъяне, то муха
не загляне. Пичь ни пушить, а сушить. По барину свитка, по ка-
заку шапка. Побило личико въ тімноти. Побье тебе лиха годына.
По всѣмъ по тремъ, кореннью не тронь. По головци да въ борщъ.
По дѣломъ ему. Погониши за длинными рублями, потеряешь ко-
роткіе. По Господнему это. Подорунт безъ портока ходить. Поди-
вись въ воду на свою уроду. Подложить свинью. Подъ мицкити не
бейся. Подпустить гусара. Подпустить свинью. Подставить скамеечку.
Подѣхала на одной. Постъ задраиль хвостъ. Пожалуй, чего доброго.
Поживемъ—заслужимъ. Поживемъ, побудемъ, ничего не сдѣляемъ,
заслужимъ. Поживешь—всего наживешь. Поживешь—ума наживешь.
По закону нельзя, по закончику можно. Пой пѣсни, пока путь тре-
снитъ, а ёсть не проси. Пой пѣсни, хоть тресни, только ёсть не
проси. Пой, хоть тресни, а ёсть не проси. Пока дождется баба
киниша, такъ вылезетъ и дуня. Пока судъ да дѣло. Покуда солнце
зайдеть, роса очи выѣсть. Полотномъ рубаха сдѣлалась. Получиши
фигу съ макомъ (польская). Полюбиль меня слипой ради пятницы
святой. Чоменши, да побольши въ мѣшкы. Понюхай, чѣмъ пах-
неть. По одной вѣдохнешь, а всѣхъ жалко. Попады вмѣшалась,
ночь не мѣшайся. Попадуть правду, да и брешутъ (въ Россії).

Попалъ пальцемъ, ковырай дальше. По пути и витерь. Породила мама, да не приняла сырья яма. По-секрету, чтобъ было извѣстно всему свѣту. Послѣ скобеля топоромъ. Послѣднее-ли дѣдаю. Потерялъ—не туши, нашелъ—не радуйся. Потомъ—хлопъ окномъ. Почему?—черезъ потому. Пошла Марья по маслу и въ печи погасло. Пошли дурного, а за нимъ другого. Пошло да поѣхало. Пошло ...дѣ на лихо и старцы ...бутъ. Пошелъ турманомъ. Пошелъ ты къ чертамъ на кулички. Правда, раки лизмы въ торбу. Правду казать—дружбу терять. Привелъ узоль къ гузну. Привязался, какъ цыганъ къ солнцу. Прыгаешь, какъ стоялый жеребецъ. Приде коза до воза. Прильпилъ къ стѣнѣ горбатаго. Присохло, какъ на собаци. Приходить въ свинячій завтракъ. Приходитъ ему край (конецъ). Продать, ажъ плакать. Проживемъ—не увидимъ, прослыvемъ—не услышимъ. Прольешь—не соберешь. Промѣнялъ кукушку на ястреба. Пропадаетъ бездлано, безпошильно. Пропадешь не за цалову душу. Про се була балачка. Прошу¹⁾ честью, а теперь прошу нечестью. Просто, дешево, сердито. Простота хуже воровства. Противъ лита и маленьке нужно. Прощель, глянулъ—и квить. Прошло—проѣхало. Пустишь—упустишь. Пустяки—вареники, борщъ могайный, да богацко. Пьемъ и водку, пьемъ и ромъ, завтра по миру пойдемъ. Пьемъ сегодня водку—ромъ, завтра по миру пойдемъ. Пьяница направитца, дуракъ никогда. Пьянъ, да не упрямъ. Пьяный свѣчки не поставить, а людей насмѣшить.

Работай до поту, поѣшь въ охоту. Работаетъ отсохлыми руками. Рабъ Божій общить рогожей. Разъ наклонулось, такъ и вылупится. Разъ ума нима, такъ не берись писню спивать. Разщедрилась мать до пасанокъ, на заговини наварила борщу. Рано всталъ, да на позднее свелъ. Разсказалъ и сказочку до конца, дайте мнѣ рюмочку винца. Разсказываешь небылицы въ трехъ лицахъ. Распускаешь кабацкое горло. Рветъ и мечеть. Рехубы не дамъ. Родыницъ тебя взялъ бы. Ротъ до ушей, хоть завязки пришей. Ротъ разинулъ, хвостъ поднялъ—насквозь видно. Рыбки, становись дыбки.

Свать, свать, голубиныхъ лайца. Собака собаку займетъ. Самовольно—такъ шкоды наробышь. Сбился съ панталику. Сволочь—царю помочь. Свисти Макарь на всѣ четыре стороны. Своего по горло, оно тащить. Свое хоть криво, да мило. Свои рѣчи, да чужими въ плечи. Свинья не сѣсть, не повалавши. Сдѣлалъ на чертовъ клинъ. Сегодня день не простой, найдется холостой. Се дило треба разживать. Село вижу, никакъ не движу. Семь падей во лбу. Сиди дома, да стружи веретена. Сиди, пиши, да не рыпайся. Сидать елопъ на дубу. Сидѣть и молчить, какъ проклятый. Сирота обосрала ворота. Скажи мнѣ, съ какого края солнце свѣтить? Скажи своему диду. Скажите пожалуйста. Сказала тыюсь, а оно сѣло на брусь. Сказано—жулье поповское. Скаснула да звязнула, тоди змельнула, глынула, да нема. Слеза слезу догоняетъ. Слигались ладно. Смотри въ оба. Сначала спросишь у головы, а затѣмъ лѣзь до сраки. Сова не выведеть сокола. Сойдетъ дѣвка за парня. Созвалъ пиръ на весь міръ; ставъ гостить, анъ х.. свистить.

1) М. б. просилъ Н. В.

Соли да подсаливай. Сорока на хвостѣ прінесла. Со ступеньки на ступеньку. Спасибо Богу, наўся ей-Богу, нагодувала Явдошка, а живить, якъ дошка. Спасибо за хлѣбъ за соль,—Не стоить, или—не запшто. Спасибо твоему батьку. Спить праведнымъ сномъ. Сравнялся медвѣдь съ пяталтыннымъ. Старому, якъ малому—все равно. Страстъ не радость, а смерть не сладка. Сторублевая голова за три копѣйки не пропадетъ. Сто рублей взять, да на пузо только стать. Стоить расторопша, одна нога довша, а другая коротка (загадка: пѣпъ). Стоить три огляда. Стѣны то крѣпки, да столбы ветхи. Стыдъ—не дымъ, не выѣсть глаза. Стыдно говорить, а грѣхъ тантъ.. Суббота—не работа. Судиться—не смѣяться. Сука, брешишь.—Ж..у почешешь. Сухо, по самое ухо. Счастливые часы не наблюдаютъ, а за минутами слѣдятъ. Съ дуракомъ сядешь, дуракомъ станешь. Сдуру, какъ съ дубу. Съ каждымъ чертомъ споръ—не хочется рѣтъ. Съ малыми, хуже чѣмъ съ дурными. Съ нимъ одинъ на одинъ встрѣтиться страшно. Съ нами крестная сила. Съ пива не богацько дива. Съ позволенія сказать. Съ прохвала дѣлаешь. Съ самого пупьюшку чужie работники. Съ свинымъ рыломъ, да въ птичій рядъ. Сю-вѣю матовѣю.

Такого заведенія не было и нѣтъ. Такъ воно—такъ, да тришечки не такъ. Такъ дѣло указало. Такъ ему, сукину сыну, и надо. Такъ напугали: иду, а ноги у меня сзади остаются. Такъ не пройдетъ нашему Иваньку. Тамъ, гдѣ сорокъ ямъ. Тамъ тебѣ серницу вымнутъ. Тара-бара рубля полтора. Твоимъ саломъ, да тебя по мусаламъ. Ткнулъ купцему подъ хвостъ. Тогда учи, когда поперекъ лавки лежить. То ей не минется, якъ бабѣ жнива. Тоже—гуси хороши. Толкачъ ты ясеновый. Толкуй больной съ подлекаремъ. Только и нашего. Только молоноемъ живъ человѣкъ. Только собакъ бѣть. Только что бандычетъ (еле не умираетъ). Трясьца тоби. Три денежки въ день, куда хочешь дѣнь. Три дня съ двора, а мужа-низа. Трудно на свѣтѣ стало жить. Турки летать, какъ чурки. Тутъ могила. То носъ широкъ, то брови густы, то карманы пусты. Торгуйте безъ линнаго. Ты деревяка хуже осиновой (ясеновой). Ты его крести, онъ говорить пусты. Ты за кусокъ, а онъ тебя за горло. Ты не болтайся. Тысячи сучишь. Ты хошь намъ не вози, да дворъ краси. Ты хочешь на гору, а чертъ тебя за ногу. Тюрьмы да сумы не касайся никогда. Тѣмъ же саломъ, да по тѣмъ же мусаламъ.

У васъ душа не изъ прядива, да и у насъ не изъ рогожи. У васъ креста нѣтъ. Удивилъ солдатъ старуху, не пошелъ обѣдать. Удивительно, Марья Андревна, и чай пиль, а пузо холодное. Удраль галочки. Уже пальца, короче его. Уже сбрендилъ съ ума. Ужъ была-бѣ тебѣ зайдла, да зайдлѣй всѣхъ. У калника подъ сидломъ. У лѣсу не безъ кривули, а въ слободѣ не безъ дурака. Ума дастъ. Ума у тебя палата. Умница, хвалила вся улица, да дрискивалъ курица. У насъ такой моды нѣту. У него чертова (волчья) думка. Унеси ты мое горе на гороховое поле. Усадилась баба на печи, да кричитъ: ой, батечку, рятуйте! у мори тону. Учился, да ничему не научился.

Фиги-миги.

Хай его грецъ вызьметъ. Хай ему чурь-шеки. Хай съистъ, да не знама вошь. Хай тоби абышо. Хвалила вся улица, да дрискивая

курица. Хвали руку товаръ видно. Хватился монахъ, ань штаны въ головахъ. Хенди-менди съ бандурою. Хиба-жъ такъ роблять. Хиба наимъ до смаку, лишь бы хлаболо. Хиба ни на моихъ воротахъ солнце взыйде. Хлопчику, треба тришки пидождаты. Хлѣбъ на хлѣбъ не вреденъ. Ходи съ краю, да не падай въ яму. Ходымъ рынде!—Куда пиде?—Тамъ насть не знали, рындой назвали. Холодно-студено, на комъ платье одно. Хома всего добра не покажить. Хорошо гуртомъ батька бить. Хорошо-то—хорошо, если... Хорошая славка въ сундукѣ лежить, а плохая по дорожкѣ бѣжитъ. Хорошаго никто не дастъ. Хоть побожиться. Хоть волкъ травы не толки (не ъши). Хоть въ лопель кусокъ умошишь, да въ двухъ. Хоть глазъ выколи—темно. Хоть за шутки пріймали, такъ моли Бога. Хоть кожу мять, абы не гулять. Хоть крикомъ вричи. Хоть къ бабушкѣ не ходи. Хоть лапшу изъ нея покрошу. Хоть лопни, Ваше Благородіе. Хоть нѣть барыша, зато слава хороша. Хоть нѣть ничего, да зато назади двѣ. Хоть поганый, да я. Хоть подъ хату дурного. Хоть раздѣнусь, а выбалакаю. Хоть разъ, да въ пику. Хоть съ краечку, да въ городочку. Хоть умереть—не знаю. Хоть черту голову оторви, не выходить. Хоть шматки, абы бублики. Хотѣлось сдѣлать лучше, а оно сказало—ноги кручe. Хочется пирога, да мука дорога. Хочется сладкаго съѣсть, да не знаешь, какъ подлѣзть. Хуже сего дила нима.

Це не батько, да то не матка. Це тотъ халатъ, шо сто лать, еще бѣ латать, да ни за што хватать. Цуги-цуги, нема дуги. Цыцъ, каторжный. Цѣлковой пѣшкомъ не ходить. Цѣлая исторія съ географіей.

Чай, и мы че лыкомъ спиты. Чай—это не хмѣльное. Чего гира хоче?—кисникивъ. Чего дурна журилася. Чего молчишь—ай корова языкъ отжевала. Чего не пить, коли наша доля не спить. Человѣкъ безъ задней мысли. Человѣкъ Вожій обшить рогожей. Чему-нибудь остатся, лучше низу раздаться. Чепуха, какихъ мало на Божьемъ свѣтѣ. Черезъ себя не сдѣлаешься дуракомъ, а черезъ людей. Черная матушка забыла. Черта рытава. Чергамъ рога вставлю. Чертова пропасть. Чикъ-брікъ вареники. Чиръ да нема. Что ни дѣлается, все къ лучшему. Что потопаешь, то полопаешь. Что съ молоду было, то въ старости отзовется. Что смышешься съ грибовъ, ихъ ёдять. Что смышино, то не опасно. Что ты бѣлены обѣйлся. Что укоротишь, того не воротишь. Чудакъ! сѣль на чурбакъ, да кричитъ: пожаръ. Чудакъ, а баринъ, безъ портока въ халатѣ (а пляшетъ). Чудо Тимофеево. Чужая копейка мнѣ спать не даетъ. Чужая жена лебедушка, а своя полынь горькая. Чужая хата дороже своей. Чуже не дюже нужно. Чужій хлѣбъ пуще, свій суше. Чужому чужое, а своему свое. Чужое горе за сахаръ.

Шарикъ работаетъ (указание на лобъ). Шибко дюже, какъ бы не утонуть. Шельма изъ-подъ темной звѣзды. Шо будетъ, то будеть нашему Иваньки. Шобъ тоби не вкисло. Шобъ ты ему сдохъ. Шо будетъ нашему Иваньки. Шобъ тоби всраться на томъ свити. Шобъ тоби галушкой подавиться. Шо панъ въ карманѣ носе, то мужикъ на землю бросе. Шо робыть?—Разбить да закинуть. Шо ты дурню робишь?—Воду мирию. Шутки до добра не доведутъ. Шутки-то шутки, а хвостъ на бокъ (хвостъ держи на бокъ).

Ще дила такого не было. Ще матырино молоко на губахъ не обсохло. Ще тришки пидождать.

Ѣшь не соля, соль не своя.Ѣшь на здоровье.Ѣшь пока ёстся, придется пора, не будешь ёсть тогда.

Эй, ребята, рожь не жата, овесъ не поспѣль. Это, батеньки, ни фунтъ изюму. Это было въ старину, когда ёздили на стригуну. Это было, когда ты подъ столъ пышкомъ ходилъ. Это гавно собачее. Это дѣло (дѣльце) подходящее. Это золотое дно. Это какъ слѣдуетъ, по совѣсти. Это Китай моя перемонія. Это каторжная работа. Это намъ не по двору. Это не въ диковину. Это не говорить, а пердѣть. Это не нашей парафиі. Это не работа, а Сибирь. Это по семейному. Это сдѣлано, это сдѣлано, а это вотъ не сдѣлано. Это хуже, чѣмъ на каторгѣ. Этому сто лѣтъ въ обѣдь. Эхъ, забубенная голова. Эхъ ма! кабы денегъ тьма,—купилъ бы село. да денегъ голо.

Явится—не удавится. Я вступилъ въ хорошую должность—за рубль въ годъ. Я говорю тебѣ русскимъ языкомъ. Я знать ничего не хочу. Я ихъ забью, какъ вошь. Я съ тобой, какъ рыба съ водой—рыба на дно, а ты въ гавно. Яке сробе, таке и буде. Якъ Божій быкъ. Якъ брехать, не выкажешь правды. Якъ коржа, якъ коржа! спи-чию, такъ два дамо. Якъ ни будо снигу, такъ ни будо слизу. Якъ ни пьявся, а пердѣть пришлось. Якъ пишлю съ ранку, то до самого вичеру. Якъ словечко скажеть, узольчикъ завяжеть. Якъ у ступи дуры. Якъ чухну, такъ не знаемъшь, где засвирбе. Якъ хто скаче, то всякъ баче, а хто плаче, никто ни баче. Я на шикъ, а они на пшикъ. Я не знаю, сколько ты въ землѣ. Я не такой дуракъ, чтобы этому повѣрить. Я не боюсь ни биса. Я паньского роду, пью горилочку, якъ воду. Я.—Цопова свинья. Я по тебѣ соскучился, хоть вѣкъ тебе не будь. Я прошелъ Крымъ и Римъ. Я такъ полагаю: гарненъкій совить и въ постъ мясонидъ. Я ще съ сего выплыгаю.

Илюзіевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Міросозерцаніє нашихъ простолюдиновъ- малороссовъ.

(Записано въ с. Соловьевкѣ Радомысльскаго уѣзда, Киевской губерніи).

Н е б о .

Простолюдинъ вѣритъ, что въ Божемъ мірѣ существуетъ семь небесъ: первое, которое мы видимъ, голубое небо, это, такъ сказать, только чехолъ небесъ; далѣе слѣдуетъ зеленое небо, какъ бы преддверіе неба, потомъ выше фіолетовое, еще выше желтое, дальнѣе бѣлое, еще дальнѣе розовое, и наконецъ самое настоящее небо—красно-оранжевое цвета, на которомъ стоитъ престолъ Божій. Семь небесъ, это та лѣстница, которую видѣлъ во снѣ праотецъ Іаковъ; ангелы Божіи размѣщены по всѣмъ небесамъ для того, чтобы не допускать діаволовъ до престола Божія. Настоящее красно-огненное небо можно иногда видѣть ночью, когда растворяется нѣбо (это необычайный свѣтъ при паденіи болида). Другія небеса: зеленое, фіолетовое, желтое, бѣлое и розовое можно видѣть во время грозы, тогда тоже нѣбо растворяется (это различные цвѣта молній). Всѣ святые живутъ на небесахъ, на самомъ седьмомъ небѣ находится Пресвятая Богородица, престолъ которой стоитъ по правую сторону престола Божія, тамъ же находится и св. Іоаннъ Креститель, а также святители и апостолы; другіе святые пророки, преподобные и мученики размѣщены на другихъ небесахъ. Пророкъ Илія живеть на одномъ небѣ съ архангеломъ Гавріиломъ, возлѣ самого престола Божія.

Звѣзды („Зірки“).

Звѣзды—это ангелы-хранители людей, надзирающіе, какъ живуть люди на землѣ. Если человѣкъ умираетъ, такъ его ангель-хранитель сейчасъ же летитъ къ Богу докладывать о смерти человѣка, поэтому мы и видимъ, какъ летитъ звѣзда. У Бога есть такая книга, въ которую вписываютъ живыхъ, которые рождаются, и другая, въ которую вписываютъ умершихъ. Звѣзды, которые не падаютъ, такъ это ангелы хранители тѣхъ людей, которые уже умерли. Млечный путь, это дорога въ небесный Іерусалимъ. Кометы—это ангелы-спутники радующихъ бѣдъ на землѣ. Созвѣздіе Большой Медведицы называютъ возомъ; это возъ—на которомъ пророкъ Илія подѣхалъ на небо и которымъ онъ вѣздить по голубому небу во время грозы, стукъ колесъ этого воза и производить громъ. Созвѣздіе

Плеядъ называютъ *квочкою*; квочка эта водить тѣхъ цыплять, которые выростаютъ и дѣлаются большими курицами, несущими золотыя яйца, для христосованья ангеловъ со святыми на небѣ во время свѣтлого праздника. Планету Венеру называютъ *зорница*— это Ангелъ Хранитель Божіей Матери.

С о л н ц е.

Солнце—это *образъ славы Божіей*, какъ на солнце нельзя смотрѣть, такъ нельзя грѣшному человѣку видѣть славы Божіей. Солнце то „*Божѧ дѣржало*“, въ которомъ Богъ видѣть, что дѣлается на землѣ днемъ. Для того Богъ и выставляетъ на день это круглое зеркало, чтобы видѣть всѣ дѣла человѣческія, которыя въ теченіе цѣлаго дня отражаются въ этомъ *небесномъ зеркаль*. Затменіе солнца бываетъ, когда Господь приказываетъ пообчистить это зеркало, осквернившееся透过 отраженіе въ немъ скверныхъ дѣлъ человѣческихъ. Про затмѣніе солнца простолюдины такъ и выражаются: „*перечышающаецца сонцо*“.

Л у н а („Мисаць“).

Луну простолюдины называютъ „*мисяцомъ*“, который при новолуніи называется „*Молодыкъ*“, первая четверть—„*Первая кватыра*“, полнолуніе „*Пыдновна*“, послѣдняя четверть—„*останя кватыра*“. Темные пятна на лунѣ народъ считаетъ за изображеніе братоубийцы Каина, который закололъ вилами своего брата Авеля въ то время, когда накладывала снопы на вось, поэтому указывая на темные пятна на лунѣ, крестьяне говорятъ: „отъ братья брата на вѣла взѣвъ“. Мисацъ это *Божье зеркало ночи*, въ которомъ отражаются всѣ дѣла человѣческія, которыя совершаются ночью. Затменіе луны—это перечистка *зеркала ночи*, осквернившагося透过 отраженіе блудодѣяній рода человѣческаго, совершаемыхъ по ночамъ. При появлѣніи „*молодыка*“ крестьяне молятся „*Отче нашъ*“ и „*Богородице Дѣво*“. Молитву эту они творять для того, чтобы Господь не допустилъ ихъ до грѣховъ, которые могли бы отражаться въ *зеркаль ночи*. У кого болѣть зубы, тотъ при появлѣніи „*молодыка*“, обращается къ нему съ такою мольбою: „*Мисацю Адаме, молодыкъ, подышись ты на мертвыхъ и живыхъ, якъ у мертвого кости не болѣть, такъ изграй у менѣ раба Божіого, хрещеного, молитвяного Н изъ болѣть зѣбы*“ Или же произноситъ такое заклинаніе: „*Мисацъ на нѣбѣ, рыба въ морѣ, червякъ у дуба, якъ ці три брата зайдуть ця до кулы, таді въ менѣ будуть болѣть зѣбы*“. Крестьяне вѣрять, что послѣ такихъ молитвъ болѣть зубы перестаютъ болѣть.

О б л а к а („Хмары“).

Крестьяне вѣрить, что облака похожи на студень; говорить что куски „*хмары*“ находили послѣ дожда. Если „*хмарою*“ „*загодувать*“ (передъ тѣмъ, когда начинать откармливать) кабана, то будетъ необыкновенно жирный; какъ „*хмары*“ жирна дождемъ, такъ кабанъ будетъ жиренъ саломъ.

Вѣтеръ.

Простолюдины представляютъ вѣтра человѣкомъ - великаномъ съ огромными толстыми губами; когда этотъ великанъ дуетъ, тогда и вѣтеръ; если дуетъ слегка, то вѣтеръ слабый, а подуетъ сильно, такъ и вѣтеръ сильный, а коли разсердится, да подуетъ очень сильно, тогда дѣлается бура.

Громъ.

Громъ происходитъ отъ стука колесъ того воза, которымъ Илья ъздить по небу. Онъ обыкновенно ъздить по небу для того, чтобы распорядиться дождемъ. Громъ также происходитъ отъ того, что Архангель Михаилъ бросаетъ камнемъ въ діавола, который хочетъ пробраться на небо. Кромѣ камня Михаилъ бросаетъ на діавола и огненные стрѣлы; куда діаволъ спрячется, туда Михаилъ и пустить огненную стрѣлу и убьетъ то животное, или человѣка, возлѣ которого спрячется діаволъ.

Молния.

Молния, это маханіе архангеломъ Гаврииломъ райсовою вѣтвью, которая несказанно сияеть. Маханіемъ означенной вѣтвию, Гавриилъ осѣпляетъ діаволовъ, которые хотятъ пробраться на небо.

Радуга („Весёлка“).

По мнѣнию простолюдиновъ „Весёлка“ тянеть воду изъ рѣчекъ и морей. Это Божій цмѣкъ (насосъ), которымъ Господь набираетъ воду изъ моря и рѣчекъ для того, чтобы образовать дождь.

Метеоры („Змій огнianý“).

Когда пролетаетъ огненный метеоръ, то простолюдины крестятся и произносятъ заклятие: „Аминь, Аминь, разсыпся!“ По вѣрованію народа, это летить нечистая сила въ видѣ огненнаго змѣя. Когда умретъ человѣкъ и жена начнетъ о немъ сильно скорбѣть, то нечистая сила является къ ней во образѣ умершаго ея мужа и входить съ нею въ плотскія сношенія, вслѣдствіе чего женщина эта начинаетъ болѣть и чахнуть и затѣмъ умираетъ. Къ такой скучающей женщинѣ нечистая сила всегда летить въ образѣ огненнаго змѣя и только въ хатѣ у этой женщины діаволъ является въ видѣ ея мужа съ супружескими ласками. При видѣ метеора, пролетающаго уже на разсвѣтѣ дня, крестьяне восклицаютъ: „Опизнѣвся пуганый!. Аминь, Аминь, разсыпся!...“

Земля.

Земля—по вѣрованію крестьянъ, представляетъ громадныхъ размѣровъ тарелку, которую поддерживаютъ двѣ большихъ рыбы, лежащія крестообразно одна на другой; рыбы эти конечно лежать

въ водѣ, такъ что кругомъ земли находится вода. Когда эти рыбы совершаютъ движение, тогда земля движется и происходить землетрясение. Горы на землѣ образовались отъ того, что когда Богъ создавалъ землю, то діаволъ укралъ у Бога немножко земли и спряталъ въ роть, тогда Богъ приказалъ архангелу Михаилу, чтобы отняль отъ діавола эту землю. Михаилъ не могъ вынуть земли изъ рта у діавола, поэтому началъ бить его кулакомъ въ спину, вслѣдствіе чего діаволъ началъ „блювать“ (рвать) землю, гдѣ „блонетъ“ таинъ и образуется гора.

П е р в ы е л ю д и .

Когда Богъ выѣпилъ первого человѣка изъ земли и поставилъ его для просушки, то діаволъ и себѣ выѣпилъ человѣка изъ тѣста, сдѣланного изъ пшеничной муки, и также выставилъ для просушки. Этого дьявольского человѣка схватила собака и сѣла, что видя діаволъ разсердился на собаку, схватилъ ее за хвостъ и началъ ударять ею во что попало: ударилъ объ пень дерева, такъ у собаки изъ подъ хвоста вылетѣлъ панъ Пенськовскій, ударилъ объ дубъ, вылетаетъ панъ Дубицкій и такъ дальше; долго діаволъ ударялъ такъ собакою объ различные предметы, поэтому и явилось на землѣ много пановъ: Березницкіе, Каменскіе, Мостицкіе и т. п.

Ж и в о т н ы я .

Воєкъ (волкъ). Про волка простолюдины рассказываютъ, что онъ не будетъ трогать скотину въ той мѣстности, гдѣ волчица наплодитъ дѣтей. Напротивъ, если забрать волченятъ, то волки отомстятъ за это тѣмъ, что задушать много скотины въ той мѣстности, гдѣ находились волченята. Крестьяне вѣрять, что колдуны могутъ превратить людей въ волковъ; такие люди уже называются „вовкулами“ и также душать скотину, какъ и волки.

Мурѣшки (муравьи). Крестьяне рассказываютъ про *муравьиное масло*, которое можно иногда „до сходу сонца“ найти въ муравьиной кучѣ; отъ солнца же оно таетъ. Масло это желтое, густое, похожее на коровье масло, его покупаютъ въ аптеку на лекарство. Крестьянские мальчики обмакиваютъ слюною палочки и таковые кладутъ на муравинную кучу; черезъ нѣсколько минутъ палочки эти берутъ обратно и облизываютъ, такъ какъ на этихъ палочкахъ находится муравинная кислота..

Со словъ старухи Оксаны Стебчихи записалъ

Иванъ Савченко.

С. Соловьевка
Радомильского уѣзда,
Кievской губ.

Бѣлорусскій нищенскій „Лазарь“.

Помѣщаемый ниже бѣлорусскій „Лазарь“ записанъ нами отъ хромца-„лирника“ Осипа Адамацкаго 52 л., крестьянина дер. Лопини, Талядовичской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губ., перенявшаго, въ свою очередь, эту пѣсню отъ такого же нищаго слѣпца изъ дер. Васильчицы, Тимковской вол., у котораго въ дѣствѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ былъ поводыремъ.

Бѣлорусскіе „лирники“ составляютъ особый классъ профессиональныхъ нищихъ—бродячихъ пѣвцовъ, распѣвающихъ подъ аккомпанементъ своей „лиры“ обыкновенно духовно-религіозныя стихи. Въ большинствѣ случаевъ—это люди, отъ природы страдающіе какимъ-либо органическимъ недостаткомъ (слѣпота, хромота, различные дефекты рукъ и т. п.), который мѣшаетъ имъ быть полезными членами трудовой крестьянской семьи и принуждаетъ ихъ искать себѣ пропитаніе на другомъ поприщѣ. Калѣка-мальчикъ, особенно въ бѣдныхъ бѣлорусскихъ семействахъ, чаще всего, какъ лишній и обременительный ротъ въ хатѣ, отдается на выучку почтенному и опытному нишему пѣвцу въ качествѣ поводыря и помощника въ его странствованіяхъ съ неизмѣнною „лирою“. Изучивъ приблизительно года въ 2—3 всю эту несложную пѣвческую науку и, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, онъ пріобрѣтаетъ на скопленные гроши уже собственную „лиру“ и, обзаведясь точно такъ же собственнымъ поводыремъ, начинаетъ свое самостоятельное путешествіе убогаго „лирника“ по роднымъ захолустьямъ.

„Лира“—это струнныи средняго лада инструментъ, состоящій изъ деревяннаго продолговато-ovalнаго корпуса, на подобіе скрипичнаго, пустого внутри, вдоль котораго на верхней декѣ натянуты три кишечныя струны, закрѣпленныя въ одномъ концѣ, на широкомъ и короткомъ грифѣ, колками; на первую струну (скрипичная квинта) сбоку, подъ давленіемъ пальцевъ, непосредственно упадаютъ 4—5 деревянныхъ палочекъ-клавишъ, которыя и регулируютъ измѣненіе звуковой ея гаммы, при чѣмъ остальная двѣ струны постоянно выдерживаютъ неизмѣнныи унисонъ. Звукъ производится треніемъ гладкаго плоскаго колесика, установленнаго подъ кобылки и касающагося всѣхъ трехъ струнъ снизу при движениіи его желѣзной ручкой. Такимъ образомъ получается нѣкоторая своеобразная гармонія, меланхолически-монотонная и заунывшая, придающая грубому и часто гнусавому голосу пѣвца какую-то особую торжественность религіознаго пѣснопѣнія.

Въ темномъ крестьянскомъ быту заброшенной Бѣлоруссіи пѣніе „лирниковъ“ приносить деревенскому населенію большое духовное и эстетическое наслажденіе, самое же ремесло этихъ пѣвцовъ

считается почетнымъ занятіемъ и всегда награждается со стороны неприхотливыхъ слушателей глубокимъ уваженіемъ къ его исполнителямъ и щедрыми подачами. Благодаря такому обстоятельству этотъ промыселъ пустилъ въ народъ глубокіе корни, такъ что даже нѣкоторыя бѣлорусскія селенія съ давнихъ поръ занимаются специальнымъ изготавленіемъ нищенскихъ „лиръ“ (напр., с. Талядовичи, Слуцкаго уѣзда), а другія (какъ м. Лаховичи, того же у.) славятся еще особыми „лирниками“, прекрасными пѣвцами-истолнителями историческихъ и правоучительно-бытовыхъ пѣсенъ (нѣкій „лирникъ“ Флѣрікъ).

Приводимаго ниже бѣлорусскаго „Лазаря“ мы старались передать возможно точно фонетически, сохранивъ неприосновенности какъ типичныя черты собственно мѣстнаго чистаго произношенія, такъ и замѣтныя слѣды постороннихъ историческихъ и церковно-книжныхъ влияній (полонизмы, славянізмы и др.). Для большого успѣха нашей записи исполнитель „Лазарь“ долженъ быть воспроизводить пѣсню „на разсказъ“, при чемъ нерѣдко сбивался и при нужденіи былъ неоднократно прибѣгать къ обычному пѣнію, чтобы возстановить въ памяти забытое и пропущенное въ ней мѣсто.

Настоящій „Лазарь“, очень любимый и столь популярный во всей Минской губерніи, начинается обыкновенно вступительными пѣснями о тайной вечери и предательствѣ Іуды („Царэ Хрысьце“...), а также о крестныхъ страданіяхъ, смерти и погребеніи И. Христа („У слаўнамъ градъзвѣ“...), затѣмъ слѣдуетъ самій „Лазарь“, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ пѣсенныхъ частей,— „про багача“ и „про Лазаря“, а заканчивается чаще всего молитвеннымъ речитативомъ, въ которомъ „лирникъ“ обращается къ домохозяевамъ съ добрыми пожеланіями и съ просьбой о милостынѣ и который вообще ни у одного изъ нихъ не имѣть строго опредѣленныхъ словъ.

Царэ Хрысьце, пана^o мили,
Нашъ барапакъ (барашекъ) вазлатлівы!
Чацьвартокъ вѣтару быўшу,
Се жидомъ савіёсть сатварыўшу,
Стали жыдова^o ублагаць:
— Ягъ бы намъ Хрыста спаймаць?—
А Іуда-яхъ прадѣча:
— Што мніё дасьце — прадамъ Яго,
Бо я јесьць вучанъ Яго.—
— Да мы вѣле срѣбникаў дамо,
Тольки намъ прадай Яго.—
Прадаў Юда Хрыста за срѣбники,
И, ў доми юхъ на^o быўши,
Сазнаў Христосъ сваё мѣцы,

Што Юда жидомъ да памбцы.
Христосъ, хлеба праламаўши,
Ды вучни даваў,
Мачыўши ў субль, Іудыи даў,—
Што ёнъ Мяне адъ вась прадаў.
Прышло ўрэма, прышоў чась,
Аставайца'ся усіё віёны — иду адъ вась!

У слáунамъ грáдзъ Іерусалимъ,
Тамъ Исусъ Назарáнски,
Се то били, слупавали
За міръ храсціянски,
Се то били, слупавали
Бога нашаго,
Цярнóвы вянéцъ на главу слажыли,
А Прасвятая жа Даёва Марыя
Жъ жáлю вамлявалá:
— Ахъ сына° мубй, сына°,
Божа пралюбезны,
На красціé памираашь,
Ціёло Свад прасвятая°
Самъ да гробу аддаёшь.—
Усіё съвятых апастолы
Славу яму чынили,
Зынали ціёло съ краста, — ў плащаницу,
Ва грублъ палажыли.
Жáдна (ни одна) віéra таго на° дазнала,
Тольки надъ гробамъ камянъ...
Слава Хрысту па ўсямú съвіету
Ва віёки ва°коў. Аминъ!

На адзайнъ чалавіекъ багаты быў,
Каторы ў раскобши пиваў и јадаў,
У дарагомъ садзя°анни заўжды прахаждáў,
На Губспада Бога ёнъ ницъ на ўпаваў,
На съвятых царквя Божых на саздаваў,
Ницыхъ, каліекъ ёнъ на падараў,
Брата свайго Лазара за брата не міёў.
Прыходзіць святы Лазарь да багача:
— Ой, браца° мубй, браца°, силны, багаты,

Адна нась матка съ табою радъйла,
Да ня адну долю намъ давала:—
Табіé, браця°, Бубхъ даў сильне багацство,
А мніé Бубхъ даў, браця°, калѣцство, убубсство,
Ня прашу, браця°, срэбра ни злата,
Столько прашу трубхъ рацай зя°млі,
Першай зя°мли—хліёба и соли,
Альбо хайдя, браця°, зымнае вады.—
— А ни јестъ жа шъ ты мубой братъ,
Јестъ ты гнилý песь,
Іёсьць у маёмъ двары́ псы—то тваё браты,
А ты мане братамъ на° называй
Да ты мніé стыду на° задавай.—
Плюнуйши силны багачъ до двору пашоў
Вяліέць чэлядзьи браму замкнуць,
Штопъ съятого Лазара глáсу на° чуць.
Якъ пашоў, пашоў съвты Лазаръ ва гнаю ляжаць,
Ляжаў Лазаръ ва гнай, трыццаць три гады,
Трыццаць три гады, такъ акъ три часы,
Ня было ў багатаго ни аднаё душы,
Ни аднаё душы—сей набуджнае,
Штопъ съватому Лазару хліёба й соли даць,
Тольки было ў багача два лютыя° псы,
Што багачъ казаў на Лазара—то тваё браты,
Зáжды яні ў багача падъ сталомъ жылý,
Дробмыя крубшки сей пазъбрывали,
Съватому Лазару ва гнуой насили,
Съятого Лазара сей васъпітывали,
Смартэльная раны зализывали,
Палягчэння душы й ціёла яму давали.
Якъ пачаў силны багачъ тóя° узнаваць,
Вяліёу сабаки на ланцухъ браць,
Штопъ съятого Лазара да на жывіли,
Палягчэння душы й ціёла ня давали.
Якъ пачаў съвты Лазаръ малитвы тварыць,
Госпада Бога миласыци прасиць:
— Ой, Госпадьи Божа прамиласыливы,
Прымі маю душу й ціёло да хвáлы Сваё,
Ба ўже шъ мая душа й ціёло настрадалася;
Холаду й голаду нацярплася,
Смартэльныхъ ранаў набалёлася.—
Отъ саслáу жа Губспадъ два áнгялы:

— Даціέца, а́нгелы, зъ неба на землю
Па Лазараву душу й на ціёло яго,
Вазьміéца^о Лазара памалюсяньку,
Насіе́ца^о Лазара пачихусяньку,
Пасадзійца^о Лазара у прасьвіётламъ рай,
У съятого Абрагама на правамъ ланіé.

Часъ, ўрэма пагадзіўши,
Збиранца силны багачъ за варбта,
Збиранца силны багачъ на палаўання^о,
У чистае поля на пагулання^о,
Надзіе́у сабіé шапачку, якъ біе́ль-мацицэ (перламутръ),
Надзіе́у сабіé сукеньку, якъ віе́царь шумиць,
Припаса́у ёнъ сабіé шабильку, якъ агубнь гарыць,
Якъ выходзіць силны багачъ прэдъ-за варбта,
За багачомъ—сила пахбта, пракрасна рота.

— Жаднаго прыпáдку (случайность) ницъ ня^о баюся,—
Адъ лихого чалавіека войскамъ адабьюся,
Адъ лютаго звіёра псами аттраўлюся,
Жаднаго прыпáдка ницъ ни баюся,—
Я атъ съмерци злотамъ аткуплюся.—

Якъ ўсадзілася злая пя^охвіля,
Якъ хвацила багача нагла хвароба,
Якъ удýрыла багача абъ сырӯ землю,
Лажыць багачъ гадзійну, лажыць другую,
На трэціой гадзійни ёнъ Бога познаў
Ды Госпадамъ Богамъ назваў:

— Ой, Госпадзі Божа праміласливы,
Прыми маю душу й ціёло да хвалы Сваё,
Ба ўжэ мая душа и ціёло сьпилó и звіёло,
У дарагомъ садзя^ойнни нахадзілася,
Зъ рубныхъ людзей наглумилася,
Зъ рубныхъ людзей насьмя^олася.—

Отъ, саслаў жа Гаспудь ўсё злы^охъ-пя^охельныхъ:

— Даціέца^о, пя^охельная, зъ неба на землю
Па багачову душу й па ціёло яго,
Вырвазца^о душу съ ціёла празъ ліево рабро
И ўкиньца^о багача ў піекло на дно!
Плавай, плавай, силны багачъ на ўвесь широкой (?),
А видзіши на Бога, якъ Бубхъ высоке.—
Яще силны багачъ у піекло наимного пабываў,

Брата свайго Лазара у царстви видаў:

— Ой, бра́ца^o му́бай, бра́ца^o, съяты Лазарь,

Адна нась матка съ табою радзіла

Да на адну долю намъ падавала:—

Табіé, бра́ца^o, Бубхъ даў кале́цство,

А мніé Бубхъ даў, бра́ца^o, сильне багацство,

Ты прась снайд кале́цство ў прасвіётлумъ рай,

А я прась сильне багацство у піёкли ў смаліé,

У старшаго дъявала ў мόцахъ аго.

Ой, бра́ца^o му́бай, бра́ца^o, съяты Лазарь,

Што я дабе, бра́ца^o, буду прасинець,

Ци на мубгъ бы, бра́ца^o, таго ўчынице:

Памачы, бра́ца^o, мэяны паляць ў Арданску воду,

Залей жа на мніé пя́кельны агубнъ,

Штобъ гэтакъ мяне на паліў,

Душы й ціела гэтакъ на смажыў.—

— Ой, бра́ца^o му́бай, бра́ца^o, силны, багаты,

Радъ бы табіé, бра́ца^o, тоа^o учыниць,

Да баюся Бога, штобъ на ўгнявиць,—

Хоць я табіé, бра́ца^o, ўсё мора спущу,

То пя́кельна агню на віёкъ на^o ўгашу,

Калі мяашъ сребро-злото, то аткупляйся,

Да Госпада Бога самъ даступайся.—

Ня^o много силны багать у піёкла^o бываў

Ды Госпада Бога—Богамъ называў:

— Ой, Госпадзьи Божа прамиласливы,

Пусьци мяне, Госнадзьи, съ піёкла на землю,

То я буду на зямлі жывымъ прарокамъ,

То я буду прарокаўцаць—гры́шнымъ людзямъ прапавѣдаваць,

Нарубдъ гры́шны буду научаць.—

— Німа ў Мяне на зямлі жывыхъ прарокаў,

Столько ў Мяне на зямлі письмо святоя^o.—

Аминъ, аминъ таму слову! Такъ намъ, Божа, дай,

Кали бъ мы пашли усіе ў прасвіёты рай.

Записаль С. Малесича.

Бурятская сказка о томъ, какъ русскій Ѹомка надулъ двухъ поповъ¹⁾.

Записана изъ устья вурята Петков-Нахуева, въ улусѣ Турапкинскомъ,
рода Алагуй, уезда Верколенского, Иркутской губерніи).

Однажды въ нѣкоемъ селѣ жилъ бѣдный Ѹомка-мангадъ²⁾. Онъ имѣлъ одну кобылу и одного бычка двухлѣтка, да одинъ пустой коробъ на телѣжкѣ да волшебную палочку „наба“³⁾, гладкую, прегладкую.

Какъ-то разъ этотъ Ѹомка-мангадъ настрипалъ двадцать двѣ ковриги, положилъ ихъ въ свой единственный коробъ, запрягъ свою кобылу въ телѣжку и повезъ ковриги за село; попряталъ подъ каждый пень по одной ковригѣ и снѣгомъ засыпалъ: зина была. Вернулся домой. На другой день онъ запрягъ свою кобылу въ телѣжку съ пустымъ коробомъ взявши свою волшебную палочку „наба“ и лопатку деревянную, поѣхалъ на вчерашнее мѣсто... А въ селѣ томъ жили два попа, двое русскихъ ламъ, хорошие друзья. Они вышли за село и видѣть: подѣбжаетъ Ѹомка къ одному пню, ударяетъ въ него гладенькой палочкой—и достаетъ изъ подъ пня ковригу, отъ пня къ пню такъ и ходить, лопаточкой ковриги подбираетъ, свой коробъ наполняетъ. Удивились два попа, посмотрѣли другъ на друга, подѣжали къ Ѹомкѣ и стали распрашиватъ Ѹомку,—что онъ дѣлаетъ.

— Да вотъ я хлѣбы собираю: бѣдный человѣкъ. Только благо-
даря вотъ этой палочки и живъ: она достаетъ мнѣ пропитаніе.

Попы стали умолять Ѹомку, чтобы онъ продалъ имъ свою вол-
шебную палочку. Ѹомка покуражился немного и уступилъ палочку
за двѣсти рублей.

Попы отправились домой, каждый запрягъ свою кобылу въ ко-
робъ, и поѣхали къ пнямъ добывать хлѣбы. Удали палочкой по
первому пню, ковынули лопаткой—нѣть хлѣба, попробовали дру-
гой пень—нѣть хлѣба. Разсердились попы, хватили палочкой по-
сильнѣе, а она сломалась на кусочки. Разозлились два пана на бѣд-
наго Ѹомку и пошли къ нему требовать отвѣта.

А Ѹомка размѣнилъ двѣсти рублей въ лавочкѣ—на серебро и
мѣдь—и разбросалъ монеты по своему двору. А самъ привязалъ на
шею мѣшокъ и собираетъ деньги, такъ и наполняетъ мѣшокъ, еле-
еле тащить. Какъ увидали это попы, такъ и стали отъ удивленья.
Начали разспрашивать. А Ѹомка въ отвѣтъ: „да вотъ у меня ко-
была. Она—если сѣять овса—дарить серебромъ, если сѣять зерна—
дарить мѣдью. Вотъ я и собираю“. Приступили попы къ Ѹомкѣ:
„продай, пожалуйста, продай кобылу!“ А о палочки даже не упомя-
нули. Покуражился Ѹомка, но въ концѣ концовъ уступилъ свою
единственную кобылу за триста рублей.

1) варіантъ басни „Балан Сенге“. Прим. собирателя.

2) „мангадъ“—значить „русскій“.

3) „наба“—гладкая, прямая палка, служаща для выколачиванія шерсти,
обозначаетъ долгій звукъ а.

Обрадовались попы, побежали домой, привязали кобылу къ прясламъ, накормили овсомъ, подвѣсли мѣшокъ къ хвосту, а сами легли возвѣ, обнявшись вмѣстѣ: это они отъ радости... Такъ и заснули. Поспавши немного, одинъ изъ нихъ пробудился, всталъ по тихоньку, пошарилъ въ мѣшкѣ,—а тамъ одна гуща! Заскрежеталъ попъ отъ досады, но легъ рядомъ съ товарищемъ, не сталь будить. Притворился спящимъ. Пробудился его товарищъ, тоже всталъ по тихоньку, подошелъ къ кобылѣ и пошарилъ въ мѣшкѣ, но, схвативъ одну гущу, разбудилъ спящаго товарища и рассказалъ, какова ѡомкина кобыла. И товарищъ рассказалъ о своей неудачѣ. Попы озлились уже не на шутку и порѣшили убить ѡомку. Пошли къ нему.

А ѡомка, предугадавъ такой случай, закололъ своего бычка-двуухлѣтка, налилъ крови въ желудокъ (сычугъ), а желудокъ съ кровью положилъ за пазуху своей жены. Потомъ разукрасилъ кнутикъ и ножъ, большой и широкій, и повѣсили ихъ на стѣну, словно бурхановъ. Пришли попы.—„А-га! попался теперь, ѡомка!“—говорять они: „насъ два раза обманули, а третій разъ ужъ не обманешь! Убьемъ тебя, мошенника!“... А ѡомка какъ крикнетъ на нихъ: „Ахъ, вы! попы этакіе! сами не сумѣли, да меня обвинять!“—разобидѣлся ѡомка, да какъ вскочить, да схватить ножъ со стѣны—и пырнулъ свою жену прямо въ сердце. Та растянулась и, обливаясь кровью, умерла.

Попы перетрусили, стоять ни живы ни мертвы, не шевелятся вовсе. Но опомнился ѡомка, схватилъ со стѣны кнутикъ, ударилъ жену нѣсколько разъ. Она встала, какъ ни въ чемъ не бывало. Попы удивились такому чуду, у нихъ и злость вся прошла.

Пристали они къ ѡомкѣ: „какъ же ты воскресилъ свою жену? скажи, скажи!“... ѡомка отвѣчаль сердито: „Изъ-за васъ чуть не убиль своей жены. Я ужасно сердитъ: я въ пылу гнѣва убиваю свою жену по три раза въ день... Если бы у меня не этотъ кнутикъ, я давно бы безъ жены!“

— Ну, ѡомка, не сердись, голубчикъ; продай намъ свой кнутикъ. Забудь прошлое,—говорятъ попы.

— „Да, какъ бы не такъ! я вамъ все продалъ! этотъ кнутикъ мое послѣднее богатство. Не продамъ его ни за что!“—отвѣчаль ѡомка.

Но попы настояли на своеѣ и купили кнутикъ за триста рублей. Побѣжали они къ себѣ. Одинъ пырнуль жену другого въ брюхо, и побѣжалъ домой,—прокричавъ товарищу: „воскреси свою да прійди ко мнѣ поскорѣе. А я бѣгу колотъ свою жену!“ Пострадавшій товарищъ приступилъ къ воскрешенію своей жены: бѣгть волшебнымъ кнутикомъ и такъ, и сякъ, но попадья и не думаетъ встать; она даже не шевельнулась. Побѣжалъ попъ за товарищемъ, а тотъ уже закололъ свою супругу и ждеть его. Попробовали воскресить эту, но ничего не вышло.

Попы уже взбѣсились, побѣжали къ ѡомкѣ, поклявшись убить его, не входя ни въ какие переговоры.

А ѡомка предупредилъ ихъ: вырыль въ сторонѣ яму, велѣль въ нее зарыть себя, да сверху оставилъ щель, а въ рукахъ держать желѣзный крюкъ. Пришли два разъяренные попы въ домъ ѡомки, и спросили: гдѣ ѡомка?! Но жена отвѣтила, что ѡомка уже умеръ и похороненъ; и могилу показала.

— Воть только-то! но осквернимъ могилу злодѣя! — сказали попы и пошли туда, гдѣ юноши лежали. Одинъ попъ спустилъ штаны и сѣлъ на самую щель, а юноши хватать попа крюкомъ: попъ вскочилъ, какъ мячъ, но промолчалъ. Сѣлъ его товарищъ, и съ нимъ случилось тоже самое.

— Что жъ ты не сказалъ мнѣ? — говорить второй попъ.

— Да я хотѣлъ, чтобы мы были одинаковы, — былъ отвѣтъ.

Но попы не отступились, они раскопали яму, вытащили юношу, связали его калачикомъ и потащили въ прорубь: утопить хотѣли. Но прорубь — оказалось — замерзла, а прорубить нечѣмъ; надо ити за пѣшней.

Никто изъ поповъ не соглашается ити одинъ. Оставили юношу и пошли вдвоемъ за пѣшней.

Въ это время подѣхалъ къ проруби табунщикъ Хартагананъ Ханъа поить восемь вороныхъ лошадей. Прорубиль онъ своей пѣшнею прорубь и стала поить лошадей. юноша сталъ просить табунщика, чтобы онъ его развязалъ. Табунщикъ развязалъ юношу.

Тогда юноша схватилъ избавителя, связалъ его калачикомъ, руки и ноги скрутилъ и оставилъ, сказавъ ему: „не бойся, когда прийдутъ попы, ты скажи имъ: я не юноша, а другой, — и расскажи имъ всю исторію; тогда они тебя отпустятъ“. А самъ юноша сѣлъ на коня табунщика царя Хартаганана и увелъ восемь вороныхъ лошадей.

Пришли попы и, не обращая никакого вниманія на всѣ увѣренія и крики табунщика, спустили его въ прорубь. Несчастный попыркался и скрылся подъ льдомъ.

Вернулись попы домой и разговариваютъ между собою, какъ юношу ловко утопили, и чаютъ¹⁾ за столомъ. Вдругъ слышатъ: на дворѣ кто-то кричитъ. Посмотрѣли въ окно — самъ юноша, сидитъ на чудо-конѣ, да за собой ведетъ восемь вороныхъ лошадей.

— Какъ же ты это изъ подъ воды-то?! — спрашиваютъ попы въ удивленіи.

— Да очень просто. Подъ водой у Водяного царя²⁾ лошадей безъ счету. Къ сожалѣнію, у меня не хватило узды: сколько хватило веревки, которой вы связали меня, — столько и изловилъ лошадей, и вышелъ съ ними изъ воды.

Позарились попы на такое даровое богатство, стали просить юношу связать ихъ и спустить въ прорубь. юноша поворчалъ за беспокойство, но согласился.

Поѣхали на прорубь, юноша связалъ каждого попа калачикомъ и бросилъ сперва одного въ прорубь. Тотъ сталъ бурлить, захлебываться, махать руками, и исчезъ подъ льдомъ. Второй попъ, видя, какъ его товарищъ возился съ лошадьми и какъ трукается, — заторопился, дабы побольше лошадей поимать, и самъ скатился въ прорубь.

Такъ погибли два русскихъ попа. юноша вернулся домой и зажилъ богато

Д. Ж. Шараид.

¹⁾ Пьютъ чай.

²⁾ Дусуд ханъ.

ЧАЧАХАН.

ЯКУТСКАЯ ДѢТСКАЯ СКАЗКА

Предлагаемая сказка записана въ переводѣ на русскій языкъ (безъ якутскаго текста), судя по почерку и стертої кѣмъ то подписи, инородцемъ Дюспинскаго улуса Якутскаго округа, якутомъ Иннокентіемъ Степановичемъ Говоровымя, еще 4 ноября 1890 г., какъ это помѣчено имъ самимъ. По словамъ г. Говорова, „эта сказка—самая известная въ средѣ якутовъ: нѣть того якута, который бы ея не зналъ“. Вариантъ настоящей сказки помѣщенъ подъ заглавиемъ „Чарчаханъ“ въ известномъ „Верхоянскомъ Сборнике“ И. А. Худякова (Иркутскъ. 1890, стр. 234—239). Оригиналъ попалъ ко мнѣ въ числѣ другого фольклорнаго материала, который грамотные инородцы охотно предоставляли въ мое распоряженіе какъ члена Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова и дѣйствовавшей три года (1894—1896 гг.). Приводя здѣсь записанную г. Говоровымъ сказку безъ всякихъ измѣненій, я долженъ оговориться, что мною сдѣланы нѣкоторыя исправленія лишь со стороны слога.

Эд. Пекарский.

Въ которомъ-то году—давно минувшемъ, на какомъ-то мѣстѣ—забытомъ, жилъ—былъ, говорять, Чачаханъ съ женой Чабычаханъ. У нихъ было семеро дѣтей: четыре сына и три дочери. Ихъ звали: одного—Соломенна Ножка, другого—Длинное Бедро, третьего—Листва Грудь, четвертаго—Пузыреголовъ; старшую дочь звали—Длинная Кося, другую—Нѣжная Глотка и третью—Жирная Паха¹⁾. У Чачаханъа былъ пѣгій быкъ—„непомѣщающійся въ елани“²⁾. Въ одну прекрасную осень Чачаханъ порѣшилъ всей семьей зарѣзать этого быка. Всякій знаетъ, какое это важное событие въ семье... И вотъ семья Чачаханъа встрепенулась, и пошла бѣготня по всей

¹⁾ Было бы вѣрнѣе сказать „Жирный Пахъ“, во я оставляю безъ измѣненія стоящее въ оригиналѣ „Жирная Паха“ въ виду наличности въ западномъ (смоленскомъ) нарѣчіи русскаго языка слова *паха*=мышка, подмышка (Даль, I, 19, 1-ое изд.).

²⁾ Для сравненія позволяю себѣ привести здѣсь начало сказки, какъ оно записано Худяковымъ: „Есть, говорятъ, Чарчаханъ; у него человѣкъ Волосаное Горло, да человѣкъ Древесно-листковая Грудь, да Вонючій Бокъ, да Пузырь Голова. И имѣть онъ вшиваго быка, достигающаго до облака, блеклаго быка, достигающаго дѣ-неба; а состѣями у него три єдуна (*Маныс*)“ Далѣе въ сказкѣ Худякова фигурируютъ еще „люди“: человѣкъ Травяная Нога, соответствующій Соломенной Ножкѣ нашего варианта, и человѣкъ Травяные Штаны, аналога которому въ нашей сказкѣ нѣть.

юртъ. Соломенная Ножка бѣгомъ пошелъ доставать воды изъ озера для предстоящаго случая — убоя быка. Придя къ озеру, онъ прошибъ ледъ, начерпалъ въ берестяныя ведра воды, поставилъ ихъ на льду, а самъ пошелъ скакать по льду: первый пушистый снѣгъ на гладкой поверхности льда манилъ его своею прелестью, а предстоящее радостное событие еще болѣе подстрекало къ тому... Наскачившись вдоволь, Соломенная Ножка подошелъ къ ведрамъ, хотѣль поднять ихъ, но ведра примерали. Онъ дернулъ ведра изо всей силы и — слоилъ руки, хватилъ ногами — переломилъ ноги, бацъ головою и — растянулся. Домашніе, не дождавшись его, послали за нимъ Длинную Косу, а она, въ поискахъ брата, забрела въ рощу, зачѣпилась тамъ за деревья косою и — умерла. Ихъ едва нашли остальные дѣти и принесли домой уже мертвыхъ...

Чачаханъ не смущился этимъ — рѣжетъ быка. Начали быка потрошить. Тогда Нѣжная Глотка и Жирная Паха, доставъ жиру-рубашки, изжарили на рожнахъ у камелька и обожглись до-смерти горячимъ жиромъ. Чачаханъ велѣль дочерей убрать на лавку, а самъ продолжаетъ потрошить быка и даетъ женѣ Чабычаханъ желудокъ (книгу) — вынести на дворъ и вытрясти. Чабычаханъ, собравъ всѣ свои силы, поднимаетъ и, подойдя къ порогу юрты, падаетъ, а желудокъ свою тяжестью раздавливается ее до-смерти. Чачаханъ велѣль присоединить жену къ дѣтямъ, а мясо быка вынести въ амбаръ. Тогда сыновья Чачаханъя стали поднимать мясо быка: Длинное Бедро береть стегно, а Листва Грудь — грудину, пыхтя и кряхтя несутъ... У порога — лужа бычьей крови и пролитой воды... Они падаютъ и ушибаются дѣю-смерти. Тогда Пузырёголовъ съ горя сталъ отчаянно царапать себѣ голову и острыми ногтами процарапалъ свой черепъ до того, что тутъ же умеръ.

Чачаханъ остался одинокимъ. Сталъ онъ думать, какъ быть, куда покойниковъ дѣвать. Вотъ онъ, наконецъ, додумался. Пососѣству съ нимъ, въ дремучихъ лѣсахъ, жили три брата *Моусъ*¹⁾, — авось они ему помогутъ... Идетъ Чачаханъ къ старшему *Моусу* и, разсказавъ о случившемся, говоритъ:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

— Я не могу итти — гнусить *Моус*. У меня животъ давно изсохъ. Ступай къ среднему брату *Моусу*.

Чачаханъ приходитъ къ среднему *Моусу*, разсказываетъ про случившееся и говоритъ:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

— Я не могу итти, у меня желудокъ изсохъ... Ступай къ младшему брату! — прогнусилъ *Моус*.

Чачаханъ идетъ къ младшему *Моусу*, разсказываетъ все о томъ же и говоритъ:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

Моус отвѣчаетъ:

— Ладно, Чачаханъ, пойду!

Моус былъ роста исполинскаго, на видъ страшный, какъ уголь

¹⁾ *Моус* (*моус*) = *маус* (*манус*) значить по-якутски обжорливый, несътный, ёдунъ, обжора.

черный... У него были: жена, девять плюшевыхъ мальчиковъ-сыновей и девять плюшевыхъ дочерей. *Мойус* говорить женѣ:

— Подавай, жена, мою одежду!

А жена ему изъ сырого подвала выбрасываетъ: шаровары, спищіе изъ тридцати воловыхъ черевинъ, торбаса—изъ тридцати воловыхъ заднихъ лапъ (ножныхъ шкурокъ), рукавицы—изъ тридцати переднихъ лапъ, поясъ—изъ тридцати воловыхъ хвостовъ, шапку—изъ тридцати воловыхъ головныхъ шкуръ и шубу—изъ тридцати воловыхъ шкуръ. *Мойус* принарадился въ эту одежду, взялъ свою неразлучную сумку и пошелъ съ Чачаханомъ.

Приходить они къ Чачахану. *Мойус* сперва убралъ покойниковъ, потомъ убитаго быка, затѣмъ проглотилъ сколько было скота—пять дойныхъ коровъ, пять телокъ, пять телятъ—и лиши—пять ушатовъ гнилой рыбы ¹⁾, пять ушатовъ кислого молока, пять ушатовъ травы и кореньевъ и пять ушатовъ лиственничной заболони. Послѣ того, обратившись къ Чачахану, и говорить:

— Парень, еще нѣть ли у тебя чего?

— Дѣдушка, даже ни куска, ни капельки не осталось!—едва могъ выговорить Чачахан.

— Ахъ, ты, бездѣльникъ! — прогремѣлъ *Мойус*. По такимъ то пустякамъ ты меня беспокоилъ?!.. А что я унесу домой женѣ и дѣткамъ въ гостицы?

И кинулся на Чачахана. Тотъ, давай Богъ ноги, бѣжать прочь отъ него, кругомъ комелька, а *Мойус* за нимъ. Обошли они комелькъ нѣсколько разъ да у Чачахана, на бѣду, развязались ремни у торбасовъ ²⁾: запутавшись, онъ упалъ, а *Мойус* цапъ Чачахана въ сумку.

Чачахан не шевелится и не дышитъ, лежитъ въ сумкѣ, а *Мойус* идетъ себѣ домой. Вдругъ—о счастье!—Чачахан нашупалъ у себя за голенищами ножъ—благо, что онъ самъ такъ возился съ быкомъ—досталь ножъ и, прорѣзывъ сумку, тихо упалъ и скатился, какъ жукъ, подъ валежину...

Мойус, прійда домой, сумку оставилъ въ сѣняхъ. Войдя въ домъ говорить женѣ и дѣткамъ:

— У бѣдника Чачахана ничего не было... Только его самого цѣликомъ принесъ для васъ.

Жена его что-то вышивала. При этихъ словахъ она ахнула отъ радости, проглотила иголку и наперстокъ, выбѣжала на дворъ, заглянула въ пустую сумку, воротилась въ избу и, дрожа какъ осиновый листъ, объявила мужу, что въ сумкѣ ничего нѣть. *Мойус* вскипѣлъ, топнулъ ногой, ругательски обругалъ жену, говоря:

— Ты сама одна сѣла!—и, выхвативъ свой мечъ, разрубилъ ее пополамъ. При этомъ изъ нея выпали (только) иголка и напер-

1) Мелкую рыбку *мунду* (*Phoxinus regemichii*, наз. въ Якутской области по-русски *мундушка*) якуты квасятъ въ ушатахъ, гдѣ она приобрѣтаетъ противный гнилостный запахъ отъ разложеній; такая рыба называется по-якутски *сумка* (ср. у *Мака*, *Приклонскою* и *Шиманскую*).

2) *Торбасы*, *торбаса* (по-якут. *тѣрбэс*)—обувь верхняя, мужская и женская, зимняя и лѣтняя, кожаная.

стокъ и, ударившись о желѣзный полъ, зазвенѣли. *Моіус* заомѣрчилъ¹⁾:

— О, бабат²⁾!—и истопталъ ее.

Затѣмъ *Моіус*, увидавъ, что Чачаханъ убѣжалъ отъ него, пошелъ и даже шагу лишнаго не сдѣлалъ—притащилъ его домой и приготовился дѣлить между дѣтьми.

— Дѣдушка!—говорить Чачаханъ.—Во мнѣ теперь нѣтъ ни жиру, ни мяса—однѣ кости да кожа... Повремени немножко, я пожирѣю, а теперь ребятамъ нечего будетъ и поѣсть.

— И то правда!—прогнусилъ *Моіус* гробовымъ голосомъ и, свѣзывъ, поставилъ Чачаханъа на грядкахъ³⁾, а самъ пошелъ песокъ толочь⁴⁾.

Чачаханъ лежитъ связанный на грядкахъ, слезы и слюни текутъ у него обильно... *Моіус*'овы дѣти подходятъ и говорятъ:

— Ай, ай! У Чачаханъа течетъ уже жиръ!

И отнимаются⁵⁾, кому стать поближе къ нему. Тогда Чачаханъ говоритъ:

— Ой, вы, милые ребятушки! Я вамъ надѣлаю невиданныхъ игрушекъ—спустите меня!

Ребятамъ, хоть какимъ, дороже игрушекъ нѣтъ ничего, и *Моіус*'овы дѣти спустили Чачаханъа. Тотъ имъ говоритъ:

— Друзья! У меня нѣтъ ножа. Дайте отцовскій мечъ!

Ребята даютъ ему длинный мечъ. Чачаханъ сдѣлалъ изъ дерева узорчатую ложечку и говоритъ дѣтямъ:

— Ребята! Рядышкомъ садитесь: я самому красивому изъ васъ дамъ мою ложечку.

Девять плѣшивыхъ сыновей и девять плѣшивыхъ дочерей, *Моіус*'овы исчадія, садятся рядышкомъ. Чачаханъ хватилъ по ихъ шеямъ длиннымъ острымъ мечемъ и отрубилъ всѣмъ головы. Головы дѣтей, собравъ, завернуль въ одѣяло, а самихъ сварили въ горшкахъ.

Затѣмъ Чачаханъ вырылъ подъ крѣпкими стѣнами *Моіус*'ова жилища проходную норку и притаился.

Входить въ домъ *Моіус*, пыхта и крахта. Озирается кругомъ: дѣти спать, горшки варятся... *Моіус*, ухмыляясь, говоритъ:

1) „Омеричить“ (=якут. *бмур*)—слово употребительное въ литературѣ (см. „Герон и толпа“ Н. К. Михайловскую), произведенное отъ слова омеракъ (=якут. *бмурда*)—человѣкъ, подверженный нервной болѣзни chorea iшитатогія, „при которой онъ, будучи приведенъ въ испугъ какимънибудь внезапнымъ крикомъ, звукомъ, даже быстрымъ движениемъ руками, начинаетъ кривляться и подражать всѣмъ движениямъ находящихся передъ его глазами людей и животныхъ, хотя бы эти движения были необычны, и повторяетъ слова даже скребезного содержанія“ (Црикленский и Маакъ).

2) При неожиданномъ стукѣ *бмурдах* всегда непроизвольно вскрикиваетъ: бабат! ой! охы

3) Рѣшетчатая полка подъ потолкомъ, называемая у якутовъ *хракка* (рус. *ярда*)—*кыррада* (рус. *ярда*), а также чад мас.

4) Въ оригинальѣ: „а самъ пошелъ песку толочь“—выраженіе непонятное; у Худжкова (стр. 273) въ этомъ мѣстѣ сказки Чарчаханъ говоритъ: „Ужо, принесу я на спинѣ сухой мелкой (каль) песокъ рыбѣ“.

5) Буквальнай переводѣ якутскаго слова *быллас*=отнимать другъ у друга. „Отниматься“—общепотребительное у якутъ-руссихъ слово.

— Орлята мои успѣли уже Чачахан'а спротрошить!

И, подойдя къ горшкамъ, пить супъ, фыркаетъ:

— Фи, родною кровью отзывается... Ужъ какая мнѣ родня
Чачахан!...

Затѣмъ, *Моїус*, подойдя къ лавкѣ дѣтей, сдернулъ одѣяло, а
изъ-подъ него съ шумомъ скатились плавшивыя головы дѣтей и
разбились о желѣзный полъ. *Моїус* заомерачилъ: „о, бабат“!... и
истопталъ ихъ. Онъ догадался, что это пакости Чачахан'а и давай
звать его:

— Чачахан! Чачахан!..

Чачахан на дворѣ откликается:

— Оон!...

Моїус высказываетъ и кричитъ:

— Чачахан! Чачахан!..

А тотъ въ избѣ:

— Оон!...

Моїус—въ избу, а Чачахан, черезъ норку,—на дворъ!

Моїус, промаявшись такъ довольно долго, едва нашелъ норку
Чачахан'а; полѣзъ онъ по ней, да тамъ и застрялъ... *Моїус* крах-
тить и пыхтить—ни туда, ни сюда...

Тѣмъ временемъ Чачахан поползъ за нимъ, пронырилъ его
мечемъ, убилъ. Тутъ прилетѣла пташечка и чирикаетъ:

— Мизинчикъ, мизинчикъ!

Тогда Чачахан разрѣзаль у *Моїус'*а лѣвый мизинецъ, а оттуда
вышли живы и здоровы вся его семья, скотъ и даже пища!

Вотъ Чачахан сталъ жить да поживать и другого такого случая
съ нимъ до самой его смерти не было. Конецъ.

Э. П.

Сиб.
28 января
1906 г.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографического характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензій“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Научные труды А. А. Спицына.

(По поводу 25-лѣтія его научной дѣятельности).

Мы ничуть не принадлежимъ къ числу любителей ученыхъ юбилеевъ, многочисленность и пышность которыхъ служитъ иной разъ только рѣвью антитезою убогой бѣдности нашей, русской, науки. Если научная дѣятельность ученаго протекла въ центрахъ, на виду у всѣхъ, а рядъ многочисленныхъ учениковъ юбиляра принадлежить къ числу присяжныхъ ученыхъ, то въ такомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, празднованіе юбилеевъ—роскошь. Тутъ нѣть особенной надобности подводить итоги, когда они и безъ того ясны¹⁾.

Другое совсѣмъ дѣло, когда рѣчь идетъ объ ученомъ, такъ сказать, провинциальному, если не всѣ, то добрая половина трудовъ котораго напечатана въ малодоступныхъ провинциальныхъ изданіяхъ, въ различныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“, изданіяхъ, которые часто совсѣмъ игнорируются нашими присяжными учеными. Въ такомъ случаѣ подвести итоги, хотя бы только библіографические, всегда и всегда кстати.

Такъ разсуждая, мы и намѣрены сдѣлать библіографический

¹⁾ Безъ того ясны—для специалистовъ, а не для образованной публики и даже не для ученыхъ другихъ специальностей. При такой точкѣ зрѣнія, всѣ труды о великихъ писателяхъ, художникахъ, ученыхъ и вообще крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ должны считаться бесполезными, излишнею роскошью, и нужно—де только изучать прошлое однихъ дѣятелей, мало известныхъ современникамъ. Ред.

обзоръ трудовъ А. А. Спицына, воспользовавшись, въ качествѣ предлога, 25-лѣтнимъ „юбилеемъ“ его научной дѣятельности, „юбилеемъ“, конечно никѣмъ не замѣченнымъ, а менѣе всего, вѣроятно, самимъ „юбиляромъ“.

Научные труды Александра Андреевича Спицына можно подраздѣлить на два большихъ отдѣла. Одни относятся къ вятскому краю и напечатаны въ мѣстныхъ, вятскихъ, изданіяхъ. Другіе касаются археологии самыхъ различныхъ мѣстностей Россіи и напечатаны въ специальныхъ археологическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ „Запискахъ Русского Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“. На первыхъ, какъ менѣе доступныхъ и менѣе извѣстныхъ, мы остановимся подробнѣе.

Въ № 69-мъ (отъ 27 августа) „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1880 г. напечатана была, за подписью: „Студентъ А. Спицынъ“, статья подъ заглавиемъ: „По поводу доказательствъ о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ“. Это, насколько намъ извѣстно, первый печатный трудъ А. А. Спицына. Статья эта заслуживаетъ особаго вниманія въ виду того, что здѣсь было впервые высказано сомнѣніе въ исторической достовѣрности вятскаго лѣтописца, которому вполнѣ довѣрили Карамзинъ, Костомаровъ и другіе наши ученые историки. Честь критики этого лѣтописца приписывается обычно А. С. Верещагину, по труду послѣдняго относится къ 1887 г. (Календарь Вятской губ. на 1888 г.), т. е. на 7 лѣтъ позднѣе статьи А. Спицына. Кроме того, въ статьѣ А. А. Спицына вопросъ ставится шире: не только выражено сомнѣніе въ достовѣрности лѣтописца, но также и сомнѣніе въ общепринятомъ мнѣніи о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ, чего совсѣмъ не касается А. С. Верещагинъ. Этотъ послѣдній вопросъ о прародинѣ вятчанъ до сихъ поръ остается перѣшленымъ, однако рѣшеніе его все болѣе и болѣе назрѣваетъ, и именно въ смыслѣ, высказаннымъ А. Спицынымъ: на Вяткѣ преобладала пе новгородская колонизация, а владимирская.

Вслѣдъ затѣмъ въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ цѣлый рядъ (до 50) статей А. А. Спицына, относящихся до археологии, исторіи и этнографіи вятскаго края. Назовемъ лишь пѣкоторыя изъ нихъ: 1) Краткій очеркъ кустарной промышленности Вятской губ. (В. Г. В. 1890 г. №№ 39—52); 2) Преданія о разбойникахъ и кладахъ въ Зюздинскомъ краѣ (1890 г. № 3); 3) Какъ вояки представляли себѣ бога грома (1886 г. № 80); 4) Чудеса древности въ Зюздинскомъ краѣ

(1889 г. №№ 60—62); 5) Археологическая находки (рядъ замѣтокъ за разные годы); 6) Когда явилось русское населеніе на Вяткѣ и были-ли вятчане независимы? (1882 г. № 85); 7) Первый трудъ по исторіи Вятского края (1888 г. №№ 83—87); 8) Присоединеніе Вятки къ Московскому государству (1889 г. № 71); 9) Воеводы на Вяткѣ въ началѣ XVII в. (1889 г. №№ 101—103); 10) Исторія рода Рязанцевыхъ (1884 г. №№ 53—55); 11) Древніе акты изъ архивовъ мѣстныхъ церквей (за разные годы).

Полный перечень статей А. А. Спицына можно найти въ составленномъ имъ-же „Систематическомъ“ указатель статей мѣстного отдѣла неофиціальной части Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ — (см. алфавитъ авторовъ). Указатель этотъ напечатанъ въ „Календарѣ Вятской губ.“ на 1891 и 1892 годы. Въ томъ-же „Календарѣ“ напечатанъ и рядъ (болѣе 20) другихъ крупныхъ трудовъ нашего автора. Назовемъ изъ нихъ болѣе интересные для этнографа: 1) Каталогъ древностей Вятского края (календарь на 1882 г.), съ дополненіемъ къ нему (1885 г.). Этотъ „каталогъ“ является кандидатскою диссертациею автора; въ немъ описаны всѣ городища, инородческій пепелища, побоища, старыя дороги, древнія церкви, часовни и иконы, и т. п., черемисская святыня „Камень чимбулатъ“ и т. д.; 2) Вятская старина (1885 г.); здѣсь, между прочимъ, описаны старинная суевѣрія вятчанъ (почитаніе воды и троицы плятница); 3) Постройка старинныхъ вятскихъ деревянныхъ церквей (1892 г.); 4) Вотчины Успенского Трифонова монастыря (1886 г.); 5) Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи (1887 г.); 6) Къ исторіи вятскихъ инородцевъ (1889 г.), и др.

Хотя большая часть трудовъ А. А. Спицына посвящена археологии и исторіи, по они, какъ можно видѣть уже изъ однихъ заглавій ихъ, далеко небезынтересны и для этнографа. Это послѣднее еще съ болѣшимъ правомъ можно сказать о другой группѣ трудовъ нашего автора, напечатанныхъ въ специальныхъ археологическихъ изданіяхъ. Вопросы древнейшей колонизаціи Россіи — излюбленные вопросы А. А. Спицына, а вопросы эти одинаково относятся какъ къ археологии, такъ и къ этнографіи. Для иллюстраціи, мы приведемъ нѣсколько общихъ выводовъ изъ различныхъ археологическихъ статей нашего автора.

,Имѣющимися археологическими данными намѣчается положеніе, что въ основѣ великорусской народности лежитъ великое кривическое племя, единое, несмотря на нѣкоторыя мѣстныя

отличія, съ которыми въ Московскій періодъ слились *святычи*; примѣсь финской крови къ великорусской, по всей видимости, незначительна” (Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими. Изъ трудовъ Тверского Областного Археологического Съѣзда. Тверь 1905. стр. 8).

„Въ X вѣкѣ Ростовская область была заселена значительными массами смоленскихъ кривичей, занимавшихъ не только Ростовъ, но также Ярославль, Суздаль, Юрьевъ и Переяславль. Въ XI—XII в. этотъ край, кроме естественного прироста населенія, усиливается ассимиляціей инородцевъ и новымъ притокомъ населенія, главнымъ образомъ изъ области тѣхъ же кривичей, какъ смоленскихъ, такъ и двинскихъ. Изъ остальныхъ русскихъ племенъ вятичи, радиими и съверяне не имѣли никакого отношенія къ Владимірской области; поляне, древляне, дреговичи если и высылали на съверъ избытокъ населенія, то въ очень ограниченномъ количествѣ; колонизація со стороны Новгорода если и была, то вѣтъ никакихъ оснований считать ее сколько-нибудь значительною. Въ XI—XII в. Ростово-Суздальская область имѣетъ, быть можетъ, довольно пестрое населеніе, но преобладаютъ въ немъ самыи рѣшительный образомъ кривичи (да и сами новгородцы—въ сущности тѣ-же кривичи). Слѣдующіе вѣка Владимірской области пока скрыты отъ глазъ археолога”. (Владимірские курганы. стр. 90).

Отмѣтимъ еще объясненіе, которое эпизодически даетъ нашъ археологъ сказочной избушкѣ на куриныхъ ножкахъ, въ которой живетъ сжигающая людей Баба Яга. А. А. Спицынъ предполагаетъ, что отмѣченный у Нестора древнѣйшій русскій обрядъ погребенія „на столбѣхъ на путѣхъ“ есть не что иное, какъ погребеніе въ небольшихъ домикахъ или домовищахъ, поставленныхъ на сваяхъ, и высказываетъ предположеніе, что отъ такого именно домика и ведеть свое начало „избушка на куриныхъ ножкахъ“. (Удлиненные и длинные русские курганы, стр. 7).

По принятому обычаю, мы должны были бы еще изложить главныи черты біографіи юбиляра, но, къ сожалѣнію, лишены возможности сдѣлать это, такъ какъ въ энциклопедическихъ словаряхъ имени его не нашли. Можемъ лишь указать, что А. А. Спицынъ—уроженецъ Вятской губерніи, питомецъ Вятской классической гимназіи и Петербургскаго университета; въ послѣднемъ А. А. Спицынъ слушалъ лекціи известнаго историка Бестужева-Рюмина.

Русский Филологический Вѣстникъ Учено-педагогический журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. О. Карского LIII т. (1905 г.), 8⁰, 358 стр.

Съ нынѣшняго года этотъ журналъ выходитъ подъ новой редакціей проф. Варшавскаго университета Е. О. Карского. Его прежній кормчій, недавно скончавшійся проф. А. И. Смирновъ, точно предчувствуя свою близкую смерть, во-время передалъ ему журналъ, который съ рѣдкимъ безкорыствіемъ, упорствомъ и настойчивостью онъ издавалъ втечениі 25 лѣтъ, вокругъ котораго онъ сумѣлъ сплотить русскія и многія иностранныя ученые силы и который завоевалъ себѣ почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Такого успѣха покойный А. И. Смирновъ могъ достигнуть благодаря своей терпимости къ научнымъ мнѣніямъ и благожелательности ко всѣмъ и каждому и въ особенности благодаря программѣ своего журнала, которая была гораздо шире его заглавія: не только статьи по русской филологии, но и работы по славистикѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова всегда находили въ журналѣ самый радушный пріютъ.

Новый редакторъ журнала, одинъ изъ заслуженнѣйшихъ русскихъ филологовъ, проф. Е. О. Карскій успѣлъ ввести рядъ виѣшниковъ улучшений уже въ первомъ томѣ новой серіи „Р. Ф. В.“; увеличенъ форматъ изданія, улучшена бумага и шрифтъ, для редакціи и библіографическихъ замѣтокъ систематически употребляется только мелкій шрифтъ. Желательно было бы также, чтобы редакторъ ввелъ въ журналъ новые отдѣлы „Мелкихъ сообщеній“ и „Научной хроники“. Кроме того, было бы въ высшей степени отрадно видѣть участіе польскихъ ученыхъ въ „Р. Ф. В.“ и вообще болѣе частое появленіе статей изъ области „Polonica“.

Въ LIII т. „Р. Ф. В.“ непосредственное отношеніе къ славистикѣ, кроме многочисленныхъ рецензій на славянскія книги, имѣются только „Замѣтки по славянскимъ древностямъ“ А. Л. Погодина. Авторъ полемизируетъ здѣсь съ мнѣніемъ проф. Нидерле (въ „Славянскихъ древностяхъ“), будто подъ именемъ скиевъ Геродотъ разумѣлъ не одну опредѣленную народность, а цѣлый рядъ варварскихъ народовъ, этнографически неродственныхъ другъ другу.

Г. Ильинскій.

Ежегодникъ Русского Антропологического Общества при Имп. Сиб-скомъ Университетѣ, издаваемый подъ редакціей секретаря общества Б. Ф. Адлеръ. Т. I. Сиб. 1905 г.

Русское Антропологическое Общество съ 1904 г. приступило къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника“. Лежащая передъ чами первая книжка „Ежегодника“ за 1904 г., составленная изъ разныхъ статей и замѣтокъ: Коропчевскаго, Клеменца, Могилянскаго, Чепурковскаго, Бодуэн-де-Куртенэ, Штернберга, Адлера, Балынецкаго-Бирули, Руссова, Ларіонова и др., не носитъ исключительно характера соматической антропологии; здѣсь помѣщены также статьи по фольклору и работы этнологического и этнографического характера. Главной работой сборника является магистерская дис-

сертація покойного предсѣдателя Общества, приватъ-доцента Спб. университета, Д. А. Коропчевскаго. Къ сожалѣнію, покойный ученый не успѣлъ вполнѣ закончить свою цѣнную работу,—диссертациѣ, занимающая 1—255 стр., доведена только до 9-го листа, вторая часть напечатана безъ окончательной отдѣлки и переработки согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Нѣть сомнѣнія, что выпущенный антропологическимъ обществомъ первый сборникъ встрѣтитъ поддержку и симпатію всѣхъ интересующихся антропологіей и этнографіей и вызоветъ самыя лучшія пожеланія.

Въ „Ежегодникѣ“ между прочимъ помѣщено: „Значеніе „географическихъ“ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ“ Д. А. Коропчевскаго; „Д. А. Коропчевскій“ (Некрологъ) Д. А. Клеменца; „Научные взгляды Д. А. Коропчевскаго“. Н. М. Могилянскаго; „Къ вопросу о наслѣдованіи и вариаціи у различныхъ антропологическихъ типовъ“ Е. М. Чепурковскаго; „Объ одной изъ сторонъ постепенного человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей“ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ; „Культъ Инау у племени Айну“ Л. Я. Штернберга; „Фридрихъ Ратцель“ (некрологъ) Б. Ф. Адлера; „Головной указатель славянъ“ д-ра Бялынецкаго-Бирули“; „Изъ Карпатскихъ долинъ“ М. И. Руссова; „Зырянская и русская свадьба въ Обдорскѣ“ М. Ларіонова.

Из. Абрамовъ.

Изборникъ Кіевский, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ, 1905, IV + 118 + 356.

Въ русской академической жизни все болѣе и болѣе упрочивается обычай ознаменовывать юбилеи наиболѣе выдающихся дѣятелей науки особыми посвященными имъ имени сборниками. Наглядно показывая кругъ и степень духовнаго вліянія честуемаго лица, доказывая наиболѣе неопровергимымъ образомъ торжество ихъ любимыхъ идей, такие сборники приносятъ тѣмъ болѣе глубокое нравственное удовлетвореніе „виновникамъ торжества“, чѣмъ новѣе и цѣнѣе вливаемые ими въ океанъ научной литературы факты, наблюденія и выводы. А какая награда можетъ быть для научнаго и университетскаго дѣителя выше, чѣмъ возможность наблюдать еще при жизни буйный ростъ посвященныхъ имъ сѣмья?

Настояющій сборникъ носитъ имя извѣстнаго слависта, профессора Кіевскаго университета, Т. Д. Флоринскаго, отпраздновавшаго въ прошломъ году двадцатипятилѣтие своей научной и литературной дѣятельности. „Какъ научные и педагогические, такъ и другіе труды уважаемаго ученаго,—говорится въ „посвященіи“,—были постоянно согрѣваемы однимъ горячимъ чувствомъ любви къ славянству во всѣхъ его развѣтленіяхъ, въ его настоящемъ и прошломъ, включая и Византійскій міръ, которому такъ много обязаны южные и восточные славяне. Всѣ труды Т. Д. Флоринскаго одушевлялись вмѣсть съ тѣмъ одною возвышенною мыслью служенія наукѣ, посвященной изученію славянства, и преуспѣянію послѣдняго“. Вообще Т. Д. Флоринскій принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, въ трудахъ которыхъ довольно большую роль играетъ субъективный элементъ, но этотъ элементъ (если оставить въ сторонѣ такіе крайне запутан-

ные и сложные вопросы, какъ малорусскій или словацкій) никогда не вступаетъ въ конфликтъ съ научнымъ методомъ и безпристрастіемъ изложения, а лишь сообщаетъ особенную прелестъ стилю и композиціи его работъ. Любовь къ славянству, какъ къ одному великому культурному цѣлому, бѣть ключемъ даже въ такихъ капитальныхъ специальныхъ трудахъ, какъ его магистерская диссертатія „Южные славяне и Византие во второй четверти XIV в.“ (Кievъ 1888), до сихъ поръ незамѣненная въ наукѣ, или какъ его „Лекціи по славянскому языкознанію“, представляющія первую въ русской литературѣ попытку сравнительного обзора всѣхъ славянскихъ языковъ, или даже какъ многочисленныя рецензіи на книги по славяновѣдѣнію, которыхъ Флоринскій систематически даетъ на страницахъ „Кievskikhъ университетскихъ Извѣстій“, не безъ нѣкотораго самоотверженія относительно своихъ специальныхъ изслѣдованій...

Въ „Изборникѣ“ принали участіе двадцать четыре, преимущество кievskikhъ ученыхъ, давшихъ работы по всѣмъ областямъ славистики. Нѣкоторая изъ нихъ имѣютъ не одинъ только узко-специальный, но и общій интересъ. Такова прежде всего статья проф. Н. П. Дацкевича: „Нѣсколько следовъ общенія южной Руси съ юго-славянами въ литовско-польскій періодъ ея исторіи, между прочимъ, въ думахъ“, гдѣ проводится оригинальная мысль, что малорусская дума создалась въ XV в. не безъ вліянія со стороны болгарскихъ и сербскихъ пѣсенъ; даже самое слово „дума“ проф. Дацкевичъ готовъ объяснить изъ болгарского „дума“ („слово“). „Малороссійскія думы— это пѣсни тихой, но глубокой печали, которою онъ роднится съ юго-славянскими... Эта печаль—не навѣянный пріемъ вдохновенія: она выливалась непосредственно изъ самой глубины народнаго сердца какъ юго-славянъ, такъ и южно-русовъ въ вѣка народнаго горя среди страшныхъ бѣдъ ставшаго обычнымъ изъ года въ годъ увода въ неволю и постоянной борьбы для отстаивания самой личности человѣка“. Весьма интересна также статья А. М. Лободы „Польско-русскія параллели“, гдѣ авторъ указываетъ на сходство нѣкоторыхъ мотивовъ русской народной поэзіи, напр. о невѣрной женѣ, принимающей въ отсутствіе мужа любовника, съ соответствующими польской: варианты послѣдней нерѣдко связываютъ русскіе мотивы съ западноевропейскими. Проф. Радченко въ этюдѣ „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“ приводить нѣсколько вѣскихъ возраженій противъ того и теперь еще очень распространеннаго взгляда, будто богомилы для пропаганды своихъ возврѣній составляли апокрифы и переводили ихъ съ греческаго. Но не вѣра въ ихъ творческую дѣятельность въ этомъ отношеніи, проф. Радченко не отрицаетъ ихъ участія въ апокрифической литературѣ, какъ тѣнденціозныхъ комментаторовъ. Трудный вопросъ о происхожденіи византійскихъ „темъ“ (нѣчто въ родѣ военныхъ округовъ) рѣшаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій. По его мнѣнію, „тѣмный строй, какъ организація военныхъ силъ византійского государства, не былъ созданiemъ политической мудрости того или иного императора, не имѣетъ определенной хронологической даты, а былъ въ самомъ своемъ существѣ наслѣдіемъ давняго прошлаго, когда вмѣсто регулярной арміи, основанной на системѣ набора изъ всего населенія государства, въ имперіи оказалось сословіе военныхъ людей и притомъ какъ на границахъ,

такъ и внутри государства". И. П. Каманинъ сообщаетъ „Письмо черногорского владыки Василія Петровича 1757 г.“, посланное, повидимому, оренбургскому генералъ-губернатору И. И. Невлюеву по поводу предполагавшагося тогда переселенія черногорцевъ въ Оренбургскій край. Интересующіеся вопросомъ о славянской взаимности съ удовольствиемъ прочтутъ статью В. А. Францева „Казимиръ Бродзинскій и чехи“, где приведено нѣсколько подробностей о пребываніи знаменитаго польского романтика въ Прагѣ и Карлсбадѣ и напечатано два его стихотворенія. Наконецъ, А. И. Степовичъ помѣстилъ весьма удачный переводъ стихотвореній „чешскаго Гете“ Верхлицкаго „Requiescat“ и „Пѣснь о звѣздахъ“.

I. Ильинскій.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.
Спб. 1905.

Наконецъ русская наука и русское общество имѣютъ два доступныхъ изданія „Путешествія“ Радищева: одно двухрублевое, съ биографіей „врага рабства“, написанной Н. П. Сильванскимъ, изслѣдованиемъ П. Е. Щеголева о рукописи „Путешествія“ (имѣющей отличія отъ печатнаго текста книги) и многими полезными примѣчаніями; другое изданіе — шестидесятикопеечное А. С. Суворина. Оба изданія совершенно точно передаютъ текстъ первого изданія книги Радищева и годятся не только для простого чтенія, но и для научного изслѣдованія.

Въ ожиданіи такихъ изслѣдованій сдѣляемъ лишь нѣсколько замѣтокъ о томъ, что даетъ „Путешествіе“ читателю, интересующемуся этнографическими данными. Ссылаясь будемъ на первое изъ названныхъ нами изданій.

Въ главѣ „Софія“ на стр. 6—7 дается указаніе на заунывность напѣвовъ народной пѣсни и переходъ народныхъ настроений отъ задумчивости къ бурному веселью и буйству. Эти замѣчанія глубоки, вѣрны и признаны теперь всѣми.

Въ главѣ „Спасская Полѣсть“ на стр. 27 есть нѣсколько замѣчаній о русскихъ сказкахъ.

Въ главѣ „Подберезье“ упоминается о народномъ средствѣ лѣченія отъ головной боли питьемъ кофе (стр. 50).

Въ главѣ „Новгородъ“ на стр. 60 и дальше до 63 немало этнографическихъ данныхъ о бытѣ и свадебныхъ обычаяхъ купцовъ.

На стр. 65 въ главѣ „Бронницы“ сообщено преданіе о языческомъ храмѣ, бывшемъ въ древности близъ этого села.

На стр. 74 въ главѣ „Зайцево“ сдѣлано замѣчаніе о беконечной терпѣливости русского народа, которая прорвавшись обращается въ необузданную жестокость; она проявилась въ самосудѣ крестьянъ надъ помѣщикомъ, описаннымъ въ этой главѣ.

Глава „Валдай“ знакомитъ съ развратными нравами города, жительницы которого пользуются щедростью путешественниковъ „на щеть своего цѣломудрія“ (стр. 115).

Въ главѣ „Едрово“ описаны скромные сельскія красавицы, живущія на лонѣ природы, въ просторѣ сельской жизни, веселыя и здоровыя. Разсужденія о ихъ жизни, сопоставленной съ жизнью

горожанокъ, ясно указываютъ на увлеченіе идеями Руссо.—Здѣсь же на стр. 124 указывается на снохачество, имѣющее мѣсто при бракахъ малолѣтнихъ, напр. десятилѣтнихъ мальчиковъ съ взрослыми дѣвушками. И на стр. 130 говорится, что такие браки бываютъ „часто“ у крестьянъ.

Глава „Мѣдное“ только начинается съ народной пѣсни и упоминанія о бабахъ и дѣвкахъ, пляшущихъ въ хороводѣ, но далѣе не даетъ ничего этнографическаго.

Въ главѣ „Городня“ на стр. 208—209 находимъ два причитанія по рекрутѣ: матери и невѣсты. Это не настоящія народныя причитанья, но лирическія рѣчи самого автора, впрочемъ напоминающія нѣсколько народныхъ произведеній этого рода, особенно причитаніе матери.

Въ концѣ главы „Завидово“ въ стр. 223 есть указаніе на деревенскихъ колдуновъ.

Въ главѣ „Клинъ“ находятся данные о слѣпомъ нищемъ, пѣвцѣ духовныхъ стиховъ, и объ отношеніи къ такимъ пѣвцамъ народа.

Въ главѣ „Пешки“ дано описание крестьянской избы, съ ея убогой обстановкою,—„замѣчательное“ по отзыву Пушкина.

Наконецъ, въ примѣчаніяхъ къ страницамъ 216 и 222 находимъ замѣчанія „о духѣ Россіянина“ и обычай при пріѣздѣ въ Москву поѣзжать церкви (стр. 277—278).

Въ Радищевѣ политический мыслитель подавляетъ наблюдателя; его книга не есть изложеніе фактovъ, но идей и настроеній. Вотъ почему описательная ея часть не богата подробностями. Въ общирномъ сочиненіи, большая часть котораго посвящена народу, о народѣ этнографъ узнаетъ не очень много. Но и то цепкое, что есть, носить на себѣ слѣды литературной обработки.

Другое дѣло—обясненіе этнографическихъ фактovъ. Въ этомъ отношеніи книга Радищева можетъ дать цѣнныя указанія. Тому, кто прочитаетъ „Путешествіе“, станеть болѣе понятно происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей положенія и характера русскаго народа: ужасающей крестьянской бѣдности, юридической безнамѣшности, недостаточной энергіи къ улучшенію своего благосостоянія и др.

Не рѣшаемся также—вопреки нѣкоторымъ повѣрьшимъ изслѣдователямъ—признать въ Радищевѣ замѣчательного знатока народнаго быта, тѣмъ болѣе не признаемъ его знатокомъ народнаго языка. Быть народа, конечно, онъ зналъ, но подробностями его, повидимому, не интересовался, а образцомъ языка служили для него, какъ онъ самъ указываетъ и какъ еще лучше указываетъ „Путешествіе“, церковныя книги.

B. Чернышевъ.

Ермоловъ, А. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. II. Всепародная агрономія. XII—528. Спб. 1905 г. III. Животный міръ въ возрѣніяхъ народа. VII—555. Спб. 1905 г. IV. Народное погодовѣданіе. XIII—468. Спб. 1905 г.

Первый томъ обширнаго сборника г. А. Ермолова вышелъ въ 1901 г. Спустя значительный промежутокъ времени, почти одновременно, вышли сразу три тома, заканчивающіе все изданіе.

Въ послѣднихъ трехъ томахъ излагаются—почерпнутыя исключи-
тельно въ области народной мудрости,—понятія крестьянъ о сель-
скомъ хозяйствѣ—всенародная агрономія,—съ добавленіемъ нѣкото-
рыхъ чертъ, касающихся и бытовой стороны народной жизни, сельскохозяйственаго года въ его совокупности, трудового дня и
праздника, рабочей поры и времени отдохновенія и т. п. Послѣдо-
вателюю чередою проходятъ взглѣды народа на землю, мать-кор-
милицу, на земледѣліе, какъ основной промыселъ, на разные періоды
хозяйствованія: обработку почвы, посѣвъ, уборку хлѣбовъ, на условія
урожая и неурожая, на лѣсъ и лѣсные промыслы, на садовод-
ство и виноградарство. Сюда же авторъ присоединяетъ и возврѣнія
народа на окружающій его животный міръ,—на животныхъ, какъ
имѣющихъ прикосновеніе къ хозяйству, такъ и тѣхъ, съ которыми
сельской хозяинъ лишь такъ или иначе сталкивается. Заключается
вся работа изложеніемъ возврѣній народа на различныя явленія
физического міра, т. е. своего рода метеорологіей и космографіей.

Какъ и въ первомъ томѣ, авторъ старается вездѣ паремиологиче-
скій материалъ сопоставлять съ нѣкоторыми чертами быта и жизни
народной, съ народными суевѣріями, легендами и пр. Такимъ обра-
зомъ, до нѣкоторой степени дается характеристика возврѣній на-
рода на разныя стороны его хозяйственной жизни, быта и дѣятель-
ности, и на тѣ условія, среди которыхъ протекаетъ народная жизнь.
Этимъ и должно быть ограничено все значеніе сборника. Впрочемъ
и самъ г. А. Ермоловъ пишетъ, что онъ „въ своей работѣ совер-
шенно не касался лингвистической стороны дѣла, а равно не зада-
вался вопросами о происхожденіи народныхъ изречений, позаимство-
ваніи ихъ однимъ народомъ у другого, распространеніи ихъ изъ
одного общаго источника и т. п.“

Трудъ г. А. Ермолова уже вѣсколько разъ подвергался разбору
на страницахъ разныхъ журналовъ. Были и очень сочувственные¹⁾
и очень рѣзкие²⁾ отзывы. Содержаніе его было изложено очень
подробно и пространно проф. А. Погодинымъ въ „Журналѣ Мини-
стерства Народнаго Просвѣщенія“³⁾.

Поэтому здѣсь я не буду входить въ подробную оцѣнку этой
работы. Скажу лишь, что такого рода сборники однороднаго по со-
держанію материала являются очень желательными и полезными.
Ежегодно появляются цѣлые массы историко-литературного сырья,
разобраться въ которомъ одному человѣку прямо таки невозможно.
Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію той или иной
области народной словесности, необходимо произвести цѣлый рядъ
подготовительныхъ работъ. А такъ какъ у насъ, къ большому стыду
нашему, до сихъ поръ еще нѣтъ полнаго собрания хотя бы, напр.,
русскихъ пословицъ, то въ первую голову и приходится дѣлать
выборку ихъ изъ разныхъ, часто мало доступныхъ изданій,—и
группировку по содержанію. Въ этомъ смыслѣ и желательно по-
явленіе сборниковъ, подобныхъ сборникамъ гг. Иллюстрова и Ермо-

¹⁾ Вл. Б.—„Этнографическое обозрѣніе“, 1905, № 2 и 3 (двойной). М. 1906.

²⁾ „Русское богатство“. 1905, № 6, стр. 69—72.

³⁾ „Ж. М. И. П.“ 1905, № X,

лова. И, по моему мнѣнію, совсѣмъ не имѣютъ смысла придики, что тотъ или иной сборникъ захватываетъ матеріаль шире, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Чѣмъ болѣе сгруппировано по отдѣламъ матеріаловъ, тѣмъ легче будетъ работать позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Къ указаніямъ другихъ критиковъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ прибавить и то, что авторъ повидимому очень мало знакомъ и поэтому мало пользовался славянскими, литовской литературой и литературами финскихъ племенъ.

Н. Виноградовъ.

Кондаковъ, Н. П. Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Съ 6 табл. и 13 рис. въ текстѣ. Издание Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1906 г. 123+II ненум. стр.

Работа Н. П. Кондакова представляетъ собою изслѣдованіе о пяти византійскихъ миниатюрахъ, найденныхъ въ самое послѣднее время въ, такъ называемомъ, кодексѣ *Гертруды*, или рукописи Латинской Псалтири, писанной по заказу Тирского архиепископа Эгберта (977—993), и находящейся въ капитульномъ архивѣ (нынѣ королевскомъ) города Чивидале въ Ломбардіи; составилась она частью изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ авторомъ по самой рукописи, частію изъ различныхъ историко-археологическихъ справокъ, привлеченныхъ для задачъ сравнительного изслѣдованія памятника.

Авторъ раздѣлилъ свою „записку“ на четыре главы съ заключениемъ. Въ I гл. изложена исторія кодекса, вмѣстѣ съ его палеографическимъ описаніемъ, и приведены лѣтописные отрывки, подтверждающіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ изображеніями князя Ярополка Изѣславовича съ женой Ириной и матерью. Во II главѣ подробно разбирается каждая отдѣльная миниатюра. Въ III главѣ, предварительно анализа самихъ изображеній русскихъ князей, авторъ вкратцѣ обозрѣваетъ 1) прочія подобные изображенія, ставшія доселѣ извѣстными и 2) данные (по нѣкоторымъ бытовымъ пунктамъ) византійскихъ источниковъ, которыя могутъ способствовать истинно научной постановкѣ археологическихъ вопросовъ. Въ IV главѣ изслѣдуются тѣ облаченія и регалии, которыми надѣлилъ миниатюристъ князя и его семью, и дѣлается попытка решить любопытную задачу, обратившуюся въ послѣднее время въ своего рода загадку,—о шапкѣ Мономаха. Въ заключеніи Н. П. Кондаковъ, решая вопросъ: „насколько... всѣ эти матеріалы могутъ считаться обязательными или, какъ принято нынче выражаться, авторитетными въ вопросѣ о русскихъ древностяхъ кievskаго периода“, говоритъ: „...указанія стиля характера въ миниатюрахъ Тирской Псалтири слишкомъ неопределены и требуютъ совершенно особаго детальнаго сличенія съ современными памятниками, которое, однако, тоже можетъ оказаться безрезультатнымъ.“.

Н. Виноградовъ.

Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Подъ редакціей проф. А. С. Архангельского. Казань. 1904. 44 + II стр.

Небольшая брошюра посвящена памяти ординарного профессора Казанского Университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Ивана Николаевича Смирнова.

Въ рѣчахъ, посвященныхъ памяти почившаго, обрисовывается обликъ не только выдающагося ученаго, но и глубоко симпатичнаго, идеально честнаго и скромнаго человѣка.

Иванъ Николаевичъ создалъ себѣ прочное имя въ русской и заграничной наукѣ. Историкъ-соціологъ, историкъ-этнографъ, шедшій по стопамъ Спенсера, — онъ не былъ чуждъ и новѣйшей системы философіи исторіи, системы, построенной Марксомъ и Энгельсомъ. И всѣ эти системы и направленія не были лишь механически связанны въ умѣ покойнаго ученаго,—они были составными элементами самостоятельнаго цѣльнаго міросозерцанія. Его труды по исторіи и этнографії славянъ и инородцевъ финскаго племени, необширны по объему, но глубокіе и съ широкимъ размахомъ мысли, говорить о большомъ умѣ и выдающейся эрудиціи. Всѣ крупныя работы отмѣчены на западѣ и переведены на иностранные языки.

Брошюру составляютъ: рѣчи проф. Архангельского, Александрова, Андерсона, прив.-доц. Хвостова и Люперсольского, освѣщающія личность и дѣятельность покойнаго; некрологъ, составленный проф. Д. Корсаковымъ; замѣтки о трудахъ И. Н. Смирнова по славистикѣ (Н. Петровскаго) и по этнографії инородцевъ Восточной Россіи (Н. Катанова); „Памяти И. Н. Смирнова“ (статьи проф. Фирсова, Будде и Хвостова); библіографический указатель трудовъ покойнаго и др.

H. B—овъ.

Виноградовъ, Н. И. П. Сахаровъ и его „Русскія народныя загадки и притчи“. (Отд. отд. изъ Ж. М. Н. Пр. 1905 г. № 6.).

Этнографические материалы И. П. Сахарова уже давно потеряли въ научной литературѣ почти всякий кредитъ, такъ какъ ихъ обработка лишена не только всякаго научнаго метода, но даже алементарной добросовѣтности: изъ мотивовъ ли ріае fraudis, или изъ какихъ-то спекулятивныхъ цѣлей И. Н. Сахаровъ не останавливался въ своихъ изданіяхъ до сознательныхъ поддѣлокъ и даже сочиненія мнимыхъ произведеній народной словесности. Нѣкоторымъ счастливымъ исключеніемъ въ ряду другихъ этнографическихъ материаловъ Сахарова считались лишь немногіе отдѣлы I т. „Сказаній русскаго народа“, въ томъ числѣ „Загадки и притчи“. Въ настоящей статьѣ г. Н. Н. Виноградовъ уничтожаетъ и эту иллюзію. На основаніи тщательнаго анализа собраннаго И. П. Сахаровымъ материала, авторъ показалъ, что этотъ этнографъ не только произвольно мѣнялъ размѣры и риѳмы русскихъ народныхъ загадокъ, поддѣлываясь подъ народный говоръ, но и видоизмѣнялъ самый текстъ ихъ иногда до полной почти неузнаваемости.

G. И.

Марковъ, А. В. Что такое Овсень? („Этнографическое Обозрѣніе, 1904, IV.).

Въ четвертой книжкѣ московскаго журнала „Этнографическое Обозрѣніе“ (стр. 50—65) помѣщена статья *A. V. Маркова*, посвященная загадочному „Овсению“ (онъ же: усень, баусень, таусень и т. п.) русскихъ народныхъ пѣсень.

Авторъ излагаетъ взгляды на „овсения“ Веселовскаго, Потебни, Владимірова и Аничкова, привлекаетъ новыя данныя и приходитъ къ выводу: „слово „усинь“—славянское, и перешло вмѣстѣ съ обрядомъ къ латышамъ, не имѣя опредѣленнаго миѳологическаго смысла“. Слово „усиль“ г. Марковъ роднитъ съ прилагательнымъ *синій* и переводить его „синеватый“ (Стр. 59).

Къ сожалѣнію, въ статьѣ мы не находимъ указаний на то, съ какимъ удареніемъ произносится слово *авсень*. (Отмѣчено только уменьшит. Таусенько). Насколько намъ извѣстно, удареніе большею частію звучитъ на конечномъ слогѣ: *усень*. За древность такого ударенія говорить и неустойчивость начального слога: *у-*, *ав-*, *овсень*. А если такъ, то *усинь* и *усень*—разныя слова, и связь послѣдняго изъ нихъ со словомъ *синій* сомнительна.

Неустойчивость вицѣней формы интересующаго насъ слова, вмѣстѣ съ сравнительно очень ограниченнымъ распространеніемъ его, могутъ говорить въ пользу того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ заимствованнмъ словомъ. Источникъ заимствованія нужно искать или въ латышскомъ *usinš* „богъ пчелъ“ или же въ языкахъ восточныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно указать на тюркское название рѣки Уфимской губерніи *Усънъ*, а также на башкирскія слова: *үс* „рости“, *үс* „обрѣзать“.

Д. Зеленинъ.

Карскій, Е. Ф. Малорусскій Луцидарій по рукописи XVII в. Текстъ, составъ памятника и языкъ. Варшава, 1903, 8°, 57 стр.

Изданный и подробно описанный проф. Е. Ф. Карскимъ новый списокъ Луцидарія (по рукописи покойнаго проф. Варшавскаго университета А. И. Смирнова) представляетъ ипісит въ ряду другихъ его русскихъ списковъ, такъ какъ восходить не къ нѣмецкому, а къ чешскому оригиналу. Впрочемъ, по изслѣдованію проф. Карского оказывается, что текстъ XVII в. представляетъ не непосредственный переводъ съ чешскаго оригинала, а лишь малорусскую копію не дошедшаго до насъ Луцидарія, переведенного съ чешскаго какимъ-то бѣлорусомъ. Хотя чешское происхожденіе перевода доказывается не только дословною близостью текстовъ малорусскаго и чешскаго Луцидаріевъ,—послѣдній изданъ недавно въ Прагѣ г. Зибртомъ¹⁾,—но и множествомъ чехизмовъ въ нашей рукописи, однако все же въ ней встрѣчаются и отступленія отъ чешскаго оригинала, которые заставляютъ даже полагать, что оригиналъ малорусскаго (точнѣе: бѣлорусскаго) перевода послужилъ чешскій текстъ, не совсѣмъ совпадавшій съ Фюрстенбергскимъ сп.

Г. Ильинскій.

¹⁾ Staročeský Lucidář. Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498. v Praze. 1903.

Карский, Е. Ф. Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ 1903. Спб. 1905, 1—32 стр. (Отд. отт. изъ „Изв. Импер. Русск. Археол. Общ.“, т. XLI, вып. 4).

Въ 1903 г. проф. Е. Ф. Карский, по порученію тогдашнаго виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, кн. Святополкъ-Мирскаго, совершилъ этнографическую экскурсію въ съверо-западный край. Главною цѣлью этой поѣздки было опредѣленіе границъ этнографическаго распространенія бѣлоруссовъ не только относительно великороссовъ и малороссовъ, но и въ отношеніи литовцевъ и латышей. Главные результаты своихъ наблюденій авторъ уже успѣлъ изложить въ своемъ извѣстномъ капитальномъ трудѣ „Бѣлоруссы. Томъ I. Введение въ изученіе языка и народной словесности, Варшава 1903“, и настоящая брошюра является только дополненіемъ къ нему, — и дополненіемъ, весьма нелишнимъ, такъ какъ она основывается на новомъ матеріалѣ.

I. Ильинскій.

Карский, Е. Ф. Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій (Изъ „Трудовъ Археологич. Съѣзда въ Харьковѣ“), стр. 1—7.

Статья представляетъ попытку географического разграничения бѣлорусскаго нар. отъ великорусскаго и малорусскаго.

I. Ильинскій.

Чичерина, С. У приволжскихъ инородцевъ. Шутевые замѣтки. Спб. 1905. 427+210 стр.

Книга г-жи С. Чичериной даетъ въ сущности гораздо болѣе, чѣмъ можно судить по ея заглавію. Это не просто бѣглый путевыя замѣтки,—результатъ поѣздки отъ скучи, отъ нечего дѣлать, безъ опредѣленныхъ цѣлей, безъ яснаго плана. Здѣсь поѣздка является заключительнымъ актомъ внимательнаго и подробнаго изученія соотвѣтствующаго вопроса. Эта книга является блестящей и вполнѣ доказательной апологіей системы Н. И. Ильинскаго,—системы обучения инородцевъ при помощи ихъ родного языка и учителей соотвѣтствующей національности.

Такимъ образомъ работа г-жи С. Чичериной, собственно говоря, не имѣть специально этнографического характера. Но, не смотря на это, въ ней содержится очень много цѣнныхъ свѣдѣній, любопытныхъ для этнографовъ и, кромѣ того, дается общая характеристика и рисуется культурный обликъ цѣлыхъ народностей. Для этнографовъ большой интересъ представляютъ главы: 2) Крещено-татарскій міръ. 3) Отступники. 4) Вотскій міръ и 5) Чувашскій міръ. Въ каждой изъ этихъ главъ имѣются данные относительно материальной культуры, быта, нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ соотвѣтствующей національности.

Слѣдуетъ отмѣтить также живое литературное изложеніе автора, благодаря чьему книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ отъ начала до конца.

Въ книгѣ шестнадцать рисунковъ, значительная часть которыхъ представляется интересными и для этнографа.

Н. Виноградовъ.

Кузнецовъ, С. К. Общинные порядки у вотяковъ Мамадышского уѣзда Казанской губерніи. („Этнографическое Обозрѣніе“, 1904, IV, стр. 24—49).

Въ началѣ своей интересной статьи г. Кузнецовъ, извѣстный знатокъ нашихъ восточныхъ финновъ, посвящаетъ нѣсколько строкъ исторіи изученія инородческой общины въ Россіи. Первый обратилъ вниманіе на эту общину нѣмецъ Гакстгаузенъ.

Въ общинныхъ порядкахъ вотяковъ особенно замѣчательно ихъ оригинальное землемѣрное искусство. „Даже у русскихъ не встрѣчалъ я — пишетъ С. К. Кузнецовъ — стремленія къ такой точности, а математикъ навѣрное причислилъ бы такой способъ къ самымъ архаическимъ агримензорнымъ пріемамъ, которые когда-либо существовали“. (Стр. 36). Этому землемѣрному искусству вотяковъ и посвящена большая часть статьи г. Кузнецова.

Кромѣ того, въ статьѣ находимъ интересныя свѣдѣнія о ходѣ русскихъ поселеній на вотяцкихъ земляхъ, объ общинномъ пользованіи водой и мельницами.

Къ сожалѣнію, автору, видимо, осталась неизвѣстно весьма обстоятельная статья Г. Верещагина, посвященная тому же самому предмету. Статья эта, подъ заглавиемъ: „Общинное землевладѣніе у вотяковъ Сарапульского уѣзда“, напечатана въ „Памятной книжкѣ Вятской губ.“ на 1896 г. (Издание Вятского Губернского Статистического Комитета). Общинное землевладѣніе описано здѣсь весьма сходными, если только не тождественными чертами. И это сходство обычаевъ у камскихъ и вятскихъ вотяковъ могло бы дать основаніе къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ.

Д. 3.

Бушъ, Н. А. По горамъ и ущельямъ Хевсуріи и Тушетіи. Спб. 1905.

Посвященная въ большей своей части ботаническимъ изысканіямъ и напечатанная въ „Трудахъ Императорского Ботаническаго Сада“, названная статья Н. А. Буша легко можетъ пройти мимо вниманія этнографовъ. Между тѣмъ, цѣлая глава (VII-ая; стр. 57—70) этой статьи посвящена „описанію нравовъ и быта“ кавказскихъ племенъ — хевсуротовъ и тушиновъ.

Хевсурамъ, этому крайне интересному для этнографа племени, посвящена, какъ извѣстно, книга Г. И. Радде „Хевсурія и хевсуры“ (Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. О. XI, вып. 2¹).

Но сообщенія г. Буша во многихъ случаяхъ дополняютъ описание Радде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вносятъ поправки. Напримеръ, увѣреніе Радде, что „хевсуръ питается отвращеніе ко всякой домашней птицѣ“, оказывается невѣрнымъ. Хевсуры не держать обычно домашней птицы только вслѣдствіе скученности своихъ построекъ и вмѣстѣ — своей бѣдности. У болѣе зажиточныхъ хевсуровъ имѣются и куры и утки.

Въ другихъ случаяхъ обычай успѣли уже измѣниться со временемъ посвѣщенія Хевсуріи Радде (въ 1876 г.). Такъ, прежде дѣвшіеся

¹) См. также книгу графини Уваровой „Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи, Шиавія, Хевсуретія и Сванетія. Чутевые замѣтки“. М. 1904.

выдавали замужь только съ 20 лѣтъ, теперь же нерѣдко выходать замужь и 16-лѣтнія.

О Тушинахъ и Пшавахъ авторъ сообщаетъ весьма немного данныхъ (стр. 68—70), но и онѣ не безинтересны для этнографа.

Д. Зеленинъ.

Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Издание Управлѣнія Кавказскаго Учебнаго Округа. Выпускъ XXXV. Тифлисъ, 1905. III + 269 + IX + 136 + 248 стр.

Первый отдѣль XXXV выпуска „Сборника“ открывается цѣлымъ рядомъ статей *E. С. Такайшвили*, посвященныхъ археологии края. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ первая — „Зарзамскій монастырь, его реставрація и фрески“. Здѣсь авторъ даетъ весьма обстоятельное описание этого замѣчательнаго памятника церковной грузинской архитектуры, со снимками надписей и нѣкоторыхъ фресковыхъ изображеній, приводить подробное описание стѣнной росписи, остатковъ церковной утвари, вообще даетъ массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Такого же характера и слѣдующія статьи: „Сафарскій монастырь, его надписи и остатки стѣнной росписи“ и „Монастырь Дчулеби и остатки его стѣнной росписи“. Наконецъ рядъ мелкихъ замѣтокъ того же автора дополняетъ свѣдѣнія объ архитектурныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ Кобліанскаго края.

Статья *M. I. Джанашвили* „Картлисъ-Цховреба—Жизнь Грузіи“ посвящена изслѣдованию замѣчательнаго труда Вахтанга VI. Сначала авторъ сообщаетъ общія свѣдѣнія, затѣмъ разсматриваетъ источники обѣихъ его частей. Къ источникамъ отнесены также легенды и преданія, вошедшія въ Картлисъ-Цховреба; разсмотрѣнъ также и вопросъ объ языкахъ Картлисъ-Цховреба.

K. Ф. Гань въ своей статьѣ „Поѣздка къ верховьямъ Большой Ліахвы и Ксаапки (лѣтомъ 1903 г.)“ даетъ рядъ свѣдѣній о малоизслѣдованнымъ уголкѣ Кавказа, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается надъ родствомъ осетинъ съ индоевропейцами, въ частности съ германцами. Близость осетинскаго языка съ нѣмецкимъ авторъ подтверждаетъ нѣкоторыми новыми данными. Въ первомъ же отдѣль помѣщена статья *B. И. Дѣвицкаю* „Древности Посхокскаго участка“ съ замѣткой *E. С. Такайшвили*, выясняющей археологическое значеніе этой статьи.

Наиболѣе цѣлымъ и интереснымъ для этнографа является второй отдѣль „Сборника“, содержащей материалы по народной словесности различныхъ племенъ Кавказа. Первое мѣсто по справедливости занимаютъ четыре сказки, записанныя *B. Васильковымъ* въ Темиргоевскомъ аулѣ. Въ этихъ сказкахъ, крайне любопытныхъ съ этнографической точки зрѣнія, ярко отразились давно минувшія бытовыя особенности края, въ которомъ онѣ записаны: пастушескій бытъ, коневодство, какъ главное занятіе жителей, атальнчество, джигитовка, охота, набѣги для угона скота, рабство и работторговля, кровавая родовая месть, увозъ или взятие силою невѣсты, гостепріимство, вѣрность данному слову, паломничество въ Мекку и др. Каждая сказка оригинална въ своей главной фабулѣ и бытовой обстановкѣ, хотя, конечно, сюда приходятъ и нѣкоторые частные мотивы давно-

и хорошо всемъ известныя. Сказки носятъ заглавія: „о Темирбекѣ“, „о Кочербекѣ“, „объ Аизаурѣ“ и „о черепѣ“.

Совсѣмъ иной интересъ представляютъ „Татарскія дѣтскія сказки“, записанныя С. Абдурахманомъ въ г. Нухѣ. Всѣхъ ихъ семь: „Царевичъ“, „Благородный и низкій“, „Приключенія мальчика“, „Лиса и Ариуданбекъ“, „Сонъ“, „Неспособный сынъ“ и „Кого Богъ держитъ, тотъ не погибнетъ“. Оригинальностью и новизною содержанія эти сказки не отличаются¹⁾ и представляютъ собою лишь варианты уже известныхъ сказокъ, обнародованныхъ въ томъ же сборникѣ, хотя съ нѣкоторыми новыми подробностями и съ инымъ сочетаніемъ частныхъ мотивовъ. Главный интересъ этихъ сказокъ въ томъ, что онъ дѣтскія, и по нимъ можно судить о томъ, что считается пригоднымъ и полезнымъ для воспитанія дѣтей та среда, которая породила эти сказки.

Далѣе слѣдуетъ грузинская легенда „Значеніе хлѣба-соли и безсердечіе архангеловъ Михаила и Гавриила“ и двѣ грузинскихъ сказки: „Горе царя Джумджума“ и „Солочь“²⁾. Легенда является вариантомъ (съ нѣсколькою иной окраской мотива) къ армянской легенды („Сборн. материаловъ“, XXVIII, отд. II, 18) на тему, разработанную гр. Л. Толстымъ въ „Чѣмъ люди живы“. Первая изъ сказокъ есть вариантъ къ напечатаннымъ уже ранѣе въ „Сборнике“ сказкамъ; напр. „О Хагорѣ“ (в. XII, 78), „Гюль и Синейизѣ“ (в. IX, 101); въ общемъ сказка эта захватываетъ многіе сказочные мотивы. Такимъ же сборнымъ характеромъ отличается и заключительная сказка „Солочь“.

Къ II отдѣлу приложены: „Предисловіе“ А. Богоявленского и Указатели предметовъ (мотивовъ) и собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ памятникахъ народнаго творчества, напечатанныхъ во второмъ отдѣлѣ.

Третій отдѣлъ занятъ трудомъ А. М. Дирра „Грамматический очеркъ табассаранского языка“. Табассаранцы — маленькое племя, числомъ до 27.000 душъ, живущее въ восточномъ Дагестанѣ, въ бассейнѣ Рубасъ-чала. Въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи они принадлежать къ числу племенъ юринской группы. Грамматика языка, несомнѣнно, дагестанская, но лексикологической матеріалъ значительно обѣднѣлъ; говоровъ этотъ языкъ не имѣть. Въ видѣ приложенийъ помѣщены табассаранскіе тексты (сказокъ и стиха) съ переводомъ на русскій языкъ и табассаранско-русскій и русско-табассаранскій словари.

H. Виноградовъ.

¹⁾ Напр., „Приключенія мальчика“, срвн.: Сборн. в. VII, 141; в. XXVI, 44; Асанасьевъ №№ 119 и 165.

²⁾ Легенда и первая сказка записаны И. Степановымъ, а „Солочь“ М. Панишиной.

Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ VII. Вып. I. Спб. 1906. 99 стр.

Въ лежащемъ предъ нами 1-омъ выпускѣ „Трудовъ Троицкосавско-Кяхтинского Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О.“ за 1904 г., вышедшемъ въ свѣтъ въ Петербургѣ лишь въ концѣ минувшаго 1905 г., обращаетъ па себя вниманіе статья г-жи А. Д. Корнаковой: „Похороны Ханцзинъ-ламы-гелюна“ (стр. 6—31)—единственная, имѣющая этнографическій интересъ. Статья заключаетъ въ себѣ четыре главы, въ которыхъ авторъ, съ чисто женской наблюдательностью и аккуратностью, сообщаетъ мельчайшія подробности торжественныхъ похоронъ монгольскаго жреца—„гелюна“, описываетъ молебствія на другой и десятый день послѣ похоронъ и даетъ интересное описание обширной коллекціи разныхъ предметовъ, относящихся къ похоронамъ. Статья снабжена рисунками, поясняющими текстъ, и, кроме того, въ особомъ приложеніи, при каждой изъ трехъ группъ, на которыхъ распределены предметы коллекціи, нарисованы планы. Отсылая интересующихся вопросомъ читателей къ самой статьѣ, здѣсь отмѣтимъ только, что слово „гелюнъ“ въ значеніи „калмыцкій и монгольскій жрецъ“ встрѣчается не только въ „Толковомъ Словарѣ“ Даля, но и въ академическомъ „Словарѣ русскаго языка“ (т. I, 1249), но это еще не значитъ, чтобы оно пріобрѣло, какъ думаетъ авторъ, право гражданства въ русскомъ языке: этому противорѣчить хотя бы тройкое начертаніе слова—гелюнъ, гелюнъ и гелюнъ, указывающее на то, что терминъ этотъ употребляется каждымъ пишущимъ такъ, какъ онъ имъ слышится, и г-жа Корнакова могла бы съ полнымъ правомъ употреблять въ своей статьѣ слышанное ею произношеніе гелюнъ.

Въ этомъ же выпускѣ „Трудовъ“ помѣщена небольшая (73—77 стр.) замѣтка М. И. Моллесонъ: „Къ пятидесятилѣтію смерти о. Іакинфа Бичурина“, въ которой сообщаются любопытныя біографическія данные о знаменитомъ изслѣдователѣ Востока и синологѣ, перечень его многолѣтнихъ трудовъ и переводовъ и указатель важнейшихъ работъ, касающихся жизни и трудовъ о. Іакинфа. Почти всѣ его работы были удостоены Императорской Академіею Наукъ Демидовской преміи, но еще болѣе достойно заслуги о. Іакинфа въ научномъ мірѣ были оцѣнены—говорить г. Моллесонъ—иностранными учеными, изъ которыхъ со многими онъ находился въ перепискѣ, а съ нѣкоторыми (напр., съ Клапротомъ) вступалъ даже въ научные споры.

Такія сочиненія о. Бичурина, какъ „Записки о Монголіи“ (1828 г.), „Описаніе Чжуңгаріи и Восточного Тюркистана“ (1828 г.), „Описаніе Пекина“ (1828 г.), „Китай, его жители, нравы, просвѣщеніе“ (1840 г.), „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи“ (1848 г.), „Полная система китайскихъ законодательствъ“, „Описаніе религіозныхъ ученій въ Китаѣ“, „Собрание свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азии въ древнѣйшія времена“ (1851 г.) и другія не потеряли и до сихъ поръ своего значенія для изслѣдователей, посвятившихъ себя изученію Востока. Между прочимъ, интересно отметить, что книга „Китай въ гражданскомъ

и нравственномъ отношеніи", въ свое время, обратила на себя вниманіе нашего знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, помѣстившаго въ „Современникѣ“ 1848 г. (т. VII) критический разборъ этого сочиненія.

Объ остальныхъ статьяхъ, какъ не представляющихъ специально-этнографического интереса, мы здѣсь не упоминаемъ.

Эд. Пекарскій.

Науковий Збірник, присвячений професорові Михайлові Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилітньої наукової праці въ Галичині (1894—1904). Видання Комітету. У Львові. 1906.

Еще въ 1904 г.. среди бывшихъ учениковъ почтенаго профессора М. Грушевскаго зародилась мысль издать научный сборникъ, посвященный его десятилѣтней плодотворной научной работе въ австрійской украинѣ. Образовался комитетъ, въ составъ которого вошли: В. Гнатюкъ, Д. Коренецъ, И. Кревецкій, д-ръ С. Томашевскій и д-ръ Ив. Франко. Въ результатѣ дѣятельности комитета и другихъ видныхъ украинскихъ ученыхъ получился огромный, пре-восходно изданный сборникъ въ 560 стр., украшенный портретомъ проф. Грушевскаго. Сборникъ начинается перечнемъ трудовъ проф. Грушевскаго, обстоятельно составленнымъ И. Левицкимъ. Затѣмъ идутъ статьи слѣдующихъ авторовъ: В. Лесевича, И. Франко, проф. А. Крымскаго, Ю. Жатковича, д-ра М. Кордуба, Ив. Крипяневича, В. Доманицкаго, О. Чайковскаго, Д. Коренца, В. Герасимчука, д-ра С. Томашевскаго, Ф. Голійчука, И. Джиджоры, В. Гнатюка, М. Зубрицкаго, М. Тершаковца, И. Кревецкаго, М. Лозинскаго, С. Ефремова, Б. Гринченка, М. Мочульского, З. Кузели, В. Гнатюка и д-ра Хв. Вовка. Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь названий многочисленныхъ статей, названныхъ авторовъ и отсылаемъ читателя къ подлиннику.

Изъ специально-этнографическихъ работъ отмѣтимъ статьи В. Гнатюка: „Народна пожива на Бойківщині“ и Хв. Вовка: „Кавказъ и Карпаты. Деякі проби етнологічнихъ зближенъ“. Въ послѣдней статьѣ авторъ, изучавшій на мѣстѣ кавказскія племена, а также карпатскихъ гуцоловъ и бойковъ, находить чрезвычайно любопытныя аналогіи въ бытѣ и одѣждѣ названныхъ племенъ. Авторъ осторегается произвольныхъ сближеній, онъ хорошо сознаетъ, что „на Суматрѣ размалюуютъ тканину точиſенько такимъ же робом, як писанки на Україні“, онъ далекъ отъ „mirages orientaux“, и тѣмъ не менѣе факты, представляемые авторомъ говорятъ сами за себя. Московский приват-доцентъ А. А. Ивановскій въ своей работе, изданной въ 1904 г. „Объ антропологическомъ составѣ населения Россіи“ находитъ, что украинцы имѣютъ наибольшее сходство съ осетинами. Наблюденія автора статьи „Кавказъ и Карпаты“ не противорѣчатъ заключенію г. Ивановскаго. Замѣтимъ отъ себя, что намеки подобныхъ сближеній можно найти въ трудахъ извѣстнаго украинскаго этнографа М. Максимовича: „Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и беспечная лѣнъ въ мирѣ: это черты дикихъ Азіатцевъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и те-

перь, глядя на малороссиянина въ его костюмѣ, съ его привычками".
("Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичем" М. 1827).

И. А. Абрамовъ.

Ровинскій, П. А. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.
Спб. 1905. 8°, XIV + 693. (Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов.
И. А. Н. Т. LXXX, № 2).

Этотъ томъ представляетъ вторую часть второго тома капитальнаго труда П. А. Ровинскаго о Черногоріи и посвященъ "Пѣснямъ" (глава XIX) и "языку" (глава XX). Первымъ предположано довольно обширное введение, въ которомъ авторъ характеризуетъ сербскую пѣсню вообще, знакомить съ способомъ ея пѣнія и стихотворной формой, отмѣщаетъ турецкое влияніе въ пѣсняхъ черногорцевъ-магометанъ и затѣмъ характеризуетъ особо черногорскія лирическія пѣсни и эпическія. Попутно авторъ дѣлаетъ не мало существенныхъ поправокъ къ послѣднему по времени систематическому изслѣдованию сербскаго героического эпоса Асмуса Серензена "Beitrag zur Geschichte der Entwickelung der serbischen Helden dichtung" (Arch. f. slav. Phil. B. XVI, XVII, XIX, XX). Весьма обстоятельно описанъ авторомъ и языкъ черногорцевъ, котораго фонетическая и морфологическая особенности до сихъ поръ были еще такъ мало известны. Особенно цѣнна лексическая часть этого описанія, которая, кроме цѣлаго словаря, заключаетъ въ себѣ интереснѣшіе систематические перечни специальныхъ выражений относительно "явленій природы", "ѣды и питья", "привѣтствій", "войны", "животныхъ" и т. д.

Г. Ильинскій.

Беличъ, А. Дialectologicheskaya karta serbskogo jazyka (Отд. отт.
изъ "Сборника по славяновѣдѣнію". II). Спб. 1905. 59 стр.

Статья подъ вышеприведеннымъ заглавиемъ служить приложениемъ къ dialectologicheskoye karty serbskogo jazyka. Здѣсь авторъ даетъ короткое и сжатое объясненіе всего, что по его мнѣнію за-служиваетъ объясненія, и мотивированное обоснованіе той точки зренія, съ которой онъ смотрѣлъ на группировку сербскихъ говоровъ и на ихъ внутреннія отношенія вообще. Выѣтъ съ тѣмъ отмѣчается общий ходъ исторического развитія сербскихъ dialectovъ, "ибо безъ этого трудно понять ихъ настоящее состояніе, какъ оно представлено на картѣ".

При наличии очень скучного материала, какой представляетъ во многихъ случаяхъ сербская dialectologija, автору приходилось часто руководствоваться исключительно своими собственными (еще не опубликованными) материалами. Конечно, присра внимательной скучности материала, невозможно было освѣтить всѣ темные пункты сербской dialectologijи, но даже и въ такихъ случаяхъ видно стараніе поставить вопросъ надлежащимъ образомъ и, по возможности, освѣтить его тѣмъ материаломъ, который имѣлся въ наличности.

На карту занесено все то, что г. А. Беличу казалось существеннымъ и важнымъ для установления границъ сербскихъ говоровъ. Все, что представлено на картѣ, освѣщено въ статьѣ, а все, что упоминается въ статьѣ, главнымъ образомъ, представлено и на картѣ.

Грюнвальдъ, А., проф. *Bibliotheka Buddhica*. VI. Собрание буддийскихъ текстовъ, издаваемыхъ Императорской Академіей Наукъ. Т. VI. Обзоръ собранія ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. Ч. 1-я. Текстъ. Стр. II+138. Ч. 2-я. Рисунки. Стр. 33. Спб. 1905.

Во введеніи къ своему труду авторъ указываетъ, что „хотя уже въ теченіе полустолѣтія буддизмъ изучается учеными и възвуждается интересъ среди любителей“, но до сихъ поръ „изданъ лишь Палийскій канонъ священныхъ книгъ и рядъ филологическихъ и философскихъ обработокъ отдельныхъ его частей“. Что же касается археологической стороны буддизма, въ которой именно и заключается „главное его значеніе для исторіи человѣческой культуры“, то эта сторона въ литературѣ почти совершенно не затронута (стр. 3). „Ни одна религіозная литература—говорить авторъ далѣе (стр. 5)—не нуждается для полнаго ея пониманія въ такой мѣрѣ въ археологии, миѳологии и въ собраніяхъ предметовъ культа, какъ тибетско-монгольскій буддизмъ, т. е. ламаизмъ“. Настоящій трудъ имѣть свою цѣлью сдѣлать „попытку общаго обозрѣнія наиболѣе существеннаго“ въ замѣчательной коллекціи предметовъ ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго и тѣмъ отчасти пополнить указанный пробелъ въ религіозной литературѣ ламаизма.

Первая часть „обзора“, кромѣ коротень资料а предисловія и введенія (стр. 3—16), заключаетъ въ себѣ: алфавитный списокъ изображеній, два списка изображеній по номерамъ собранія (статуэтки, литья изъ металла и рѣзанныя изъ дерева или другого материала, терракоты, т. е. изображенія изъ обожженной глины, писанные образы) и „списокъ алтарныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., книгъ“. Вторая часть занята исключительно рисунками (всего 130 рисунковъ).

Эд. Пекарскій.

Handbuch des Deutschtums im Auslande. Einleitung von Prof. Dr. Fr. Paulsen. Statistische, geschichtliche und wirtschaftliche Uebersicht von F. Henoch.—Adressbuch der deutschen Auslandschulen von Prof. W. Dibelius und Prof. Dr. G. Lenz. Herausgegeben vom Allgemeinen Deutschen Schulverein zur Erhaltung des Deutschtums im Auslande. Berlin 1904. 8°, IX + 260.

Перевести по-русски заглавіе этой книги правильнѣе всего было бы „Учебникъ зарубежного германства“. Какъ ни странно звучитъ оно для нашего уха, оно весьма точно, такъ какъ книга содержитъ въ себѣ краткія, но очень отчетливыя свѣдѣнія о статистическомъ распространеніи, историческихъ судьбахъ и экономическомъ положеніи немцевъ во всѣхъ странахъ міра, кромѣ Германской имперіи. Задачи этой книги (изданной Всемѣдцкимъ Школьнымъ Союзомъ) кратко изложены въ небольшомъ „Введеніи“, подписанномъ громкимъ именемъ профессора философіи въ Берлинскомъ университѣтѣ Фридриха Паульсена. Авторъ доказываетъ здѣсь, что задачи Всемѣдцкаго Школьного Союза никаколько не угрожаютъ политическому и национальному существованію другихъ народовъ, такъ какъ онъ носить исключительно оборонительный, а не агрессивный характеръ. Мало того, проф. Паульсенъ увѣренъ даже въ томъ, что сохраненіе

нѣмецкаго элемента въ нѣмецкихъ странахъ и государствахъ соотвѣтствуетъ интересамъ ихъ самихъ, такъ какъ „служить германству значить служить человѣчеству, а нѣмецкая образованность есть человѣческая образованность“ (S. 1). Насколько шовинистично это положение, настолько нелогично умозаключеніе, посредствомъ котораго дошелъ до него берлинскій профессоръ. Прежде всего онъ указываетъ, что германскій народъ уже однимъ срединнымъ положеніемъ своей географической территории предназначенъ служить какъ-бы посредникомъ между культурами Запада и Востока. И дѣйствительно, вся исторія нѣмецкаго народа доказываетъ, по его мнѣнію, его необыкновенную восприимчивость ко всему чужому. Такъ, въ эпоху Возрожденія, произведенія итальянскаго духа нигдѣ такъ охотно не потреблялись и такъ органически не сростались съ нѣмецкою сущностью, какъ по Германіи. А съ XVII в. начинаетъ свое побѣдное шествіе въ Германіи французская цивилизациѣ, и „французскій языкъ и литература достигли въ нѣмецкомъ обществѣ почти безусловнаго господства“. Въ концѣ XVIII в. могущественное вліяніе на нѣмецкую духовную жизнь начала оказывать англійская литература и философія, отъ приосновенія съ которыми родились такие величайшіе геніи нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, Гёте. Въ настоящее время такое же вліяніе получаетъ скандинавская литература и т. д. Это постоянное чужебѣсіе не только, однако, не послужило во вредъ германской цивилизациѣ, но, наоборотъ, способствовало ея самобытности и разнообразію ея творчества, вслѣдствіе чего германскій народъ сталъ *универсалнымъ* поставщикомъ культуры для всѣхъ почти странъ и народовъ міра, а германская наука получила значеніе образца для всѣхъ культурныхъ народовъ, которые жадно стараются усвоить ея методы и результаты. Въ частности, Германія стала наиболѣе совершенной лабораторіей исторической науки. А такъ какъ послѣдняя есть не иное, какъ самосознаніе человѣчества въ его наукообразной формѣ, то отсюда и слѣдуетъ, что нѣмецкая образованность есть образованность человѣчества, — „Deutsche Bildung — Menscheitsbildung“. Этотъ эффектный выводъ, однако, очень поспѣшенъ, такъ какъ проф. Паульсенъ не обратилъ вниманія на два важныхъ обстоятельства: 1) кроме нѣмцевъ, исторія знаетъ не мало другихъ народовъ, отличавшихся необыкновенной восприимчивостью къ чужестранному, напр., древнихъ римлянъ или славянъ, и 2) нѣмецкая историческая наука совсѣмъ не составляетъ идеала объективности и безпристрастія и уже во многихъ отдельахъ (напр. славянскихъ) значительно уступаетъ туземнымъ литературамъ.

Вслѣдъ за „Введеніемъ“ начинается самый, Учебникъ. Нѣкоторые его главы (напр. посвященные австрійскимъ, турецкимъ и русскимъ нѣмцамъ) имѣютъ немаловажный интересъ для славянского читателя, не смотря на несомнѣнную тенденціозность иныхъ изъ данныхъ. Вторую часть книги составляетъ адресная книга всѣхъ зарубежныхъ (съ точки зреінія Германіи) нѣмецкихъ школъ, ихъ преподавателей и директоровъ. Обѣими частямъ предшествуетъ сводная таблица численнаго распространенія нѣмцевъ по земному шару, которую, какъ послѣднее слово статистики, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ:

Число инъюнговъ на земль.

Германская Имперія	53.000.000	Испанія	8.000
Австрія	9.400.000	Португалія	1.000
Венгрія	2.150.000	Франція	100.000
Россія	2.000.000	Бельгія	100.000
Боснія	30.000	Голландія	50.000
Румынія	50.000	Люксембургъ	225.000
Сербія	7.000	Великобританія	100.000
Болгарія	4.000	Данія	50.000
Греція	1.000	Швеція	5.000
Турція	15.000	Норвегія	2.000
Швейцарія	2.320.000		
Італія	50.000	Е в р о п а	69.663.000
Европа круглымъ счетомъ			70.000.000
Азія менѣе, чѣмъ			100.000
Африка			100.000
Съв. Америка			11.000.000
Ср. Америка			600.000
Южная Америка			
Австралия и Океанія болѣе, чѣмъ			100.000
Итого круглымъ счетомъ			82.000.000

I. Ильинскій.

«Алфавитный и систематический
== УКАЗАТЕЛЬ ЖИВОЙ СТАРИНЫ ==

за 15 лѣтъ (60 книжекъ) ея существованія*,

составленный Н. Виноградовымъ.

Указатель будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Алфавитный указатель авторовъ и ихъ статей. II. Алфавитный указатель рецензированныхъ изданий (журналовъ, книгъ и брошюрь). III. Систематическая сводка напечатанного материала: а) по народностямъ, б) по мѣстностямъ (губерніямъ, областямъ и т. д.) и в) по отдѣламъ. IV. Алфавитный указатель собственныхъ именъ.

Журнальы 1905 Г.¹⁾.

Вѣстник Европы. 1905. № 9. В. Эриксонъ. „Китайцы, какъ самостоятельная раса“. № 1. (Некрологъ А. Н. Попова). № 1. А. Н. Поповъ. „Мои замѣтки“. № 2 и 3. Евл. Л. („Изъ украинской старинѣ“ Проф. Н. Ф. Сумчоза. Харьковъ. 1905). № 8. (С. К. Булгакъ. „Очеркъ истории языкознанія въ Россіи“, т. I (XVIII—1825 г.) съ приложениемъ вмѣсто вступленія „Введение въ изученіе языка“. В. Дельброка. Спб. 1904). № 1.

Русская Старина. 1905. И. С. Бѣллесъ. „Иконы и кликуши“. № 4.

Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія. 1905. Академикъ А. И. Соловьевъ. „Какъ живеть языкъ“. № 2. А. Ефименко. „Біографія В. Б. Антоновича“ № 2. (Своебразныя формы погребенія мертвыхъ на Соломоновыхъ островахъ). № 3. В. Рудаковъ. „Біографія И. Е. Забѣлина“. № 5. (Земское изслѣдованіе о мѣстныхъ народныхъ правдникахъ). № 5. А. Е. „Что замѣняло въ древности личность“ № 7. (Ростъ карликовыхъ народовъ). № 12. П. Ю. Шмидтъ. „Островъ Сахалинъ“. № 18. П. Берлинъ. „Дѣтубийство у дикихъ и древнихъ народовъ“. № 19. А. Б. „Колесо какъ религионный символъ“. № 32. Г. Ш. (Пигмеи изъ лѣсовъ Конго). № 50.

Естествознаніе и Географія. 1905. (Происхожденіе и возрастъ языка). № 2. Поль Брокѣ. „Антропология“. Пер. А. Н. Никитина. №№ 5 и 6. Некрологъ Адольфа Бастианъ. Пер. Е. С. № 5. (Уганда и ее населеніе. Африка). № 7.

Исторический Вѣстникъ. 1905. № 1. М. С.—скій. (П. Мартыновъ. Селенія Симбирского уѣзда).

А. Х.—овъ. (Eine Sommerfahrt in dem hohen Kaukasus. Zwei Vortrage gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins, von H. Wagner. 1904).

№ 2. А. Я. (Проф. М. Грушевский. Очеркъ истории украинского народа. Спб. 1904).

А. В. С. (А. Е. Алекторовъ. Указатель книгъ, журналныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900).

А. Хахановъ. (Семитические народы и языки. Теодора Нѣльдеке. Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ инстит. восточн. языковъ. Вып. V. 1903).

Я. Аб—овъ. (А. Е. Крымский. Филология и Погодинская гипотеза. Киевъ. 1904).

№ 4. А. Я. (И. Абрамовъ. „Царь Максимилианъ“, святочная комедія. Спб. 1904).

Н. Д. (Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управ. Кавказ. учебн. округа. Тифлісъ. 1904).

А. Хахановъ. (Кавказъ. Роча, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи. Пшаветія, Хевсуретія и Сванетія. Путевые замѣтки граф. Уваровой. Часть III. М. 1904).

И. Александровъ. (Архим. Месропъ теръ-Маасесянъ. Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчмиадзина. Спб. 1904).

№ 5. С. Непейко. Изъ ствѣрныхъ преданій.

А. И. Ячимирский. (Орнаменты на памятникахъ древне-русского искусства. Изд. Н. П. Сырейщиковъ и Д. К. Тренева. Вып. I. Москва. 1904).

№ 7. А. Хах—овъ. (Ф. С. Красильниковъ. „Кавказъ и его обитатели“. Вып. I. Осетины. М. 1905).

И. Александровъ. (Соч. Чокана Чингисовича Валиханова. Изд. подъ ред. Н. И. Веселовского. Спб. 1904).

№ 8. П. Д. (Д. Зеленинъ. Народные присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи. Этнограф. и историческо-литературный очеркъ). Вятка. 1904).

А. Хах—овъ. (Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изъ управ. Кавказ. учебн. округа. Вып. XXXV. Тифлісъ. 1905 г.).

А. Б.

¹⁾ Въ скобки взяты мелкая замѣтки и рецензіи на книги.

Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію.

Абрамовъ, И.в. По Военно-Грузинской дорогѣ. (Путевой очеркъ). Отд. отт. изъ — „Всходы“. 1906 г., явн.

Бодуэн-де-Куртенэ, И. Kwestya polska w Rosji w zwiasku z innymi kwestyami kresowemi i „innoplemi-nemi“. Kraków. 1905. (ze Sw. slow.)

Бю-же. Нѣсколько случаевъ психически-морфологического уподобленія или удвоенія изображения въ терско-славянскихъ говорахъ съверо-восточной Италии. Спб. 1905. (Изъ „Извѣст. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. 1905 г.“).

Бю-же. О транскрипціи польскихъ мѣстныхъ названій. (Имп. Русск. Геогр. О-во. Картограф. Комиссія. 1905 г. Къ проток. подком. № 4) 26 стр. 7.

Виноградовъ, Н. О народномъ говорѣ Шунгенской волости, Костромского уѣзда. Спб. 1905.

Бю-же. Великорусский вертепъ. Предисловіе. Текстъ вертепной драмы. Библіографический указатель литературы по вопросу о „Вертепномъ дѣйствіи“. Спб. 1906.

Грунскій, Н. К. Пражские глаголические отрывки. Памятники старославянского языка. Т. I, вып. 4-й. Изд. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н. Спб. 1905. 27 стр.+4 табл.

Зеленикъ, Дмитрий. Троєцыплатнича. (Этнографическое изслѣдованіе). Вятка. 1906. 54 стр.

Кондаковъ, Н. П. Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Съ 6 таблицами и 13 рис. въ текстѣ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1906. 123+11 ненум. стр.

Коропчевскій, Д. А. Значеніе „географическихъ провинцій“ въ этногенетическомъ процессѣ. Диссертация на степень магистра. Спб. 1905. 225 стр.

Лаэртъ, П. А. (редакц.) Палеографические снимки съ юго-славянскихъ рукописей болгарского и сербского письма. Выпускъ I. XI—XIV в. Изд. Спб. Археологического Института. (Спб. 1906 г.) 64 табл.+2+4 стр.

Отчетъ Алтайского Подъотдѣла Западно-Сибирского Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. За 1904 годъ. Барнаулъ. 1906. 36+28 ненумерован. стр.

Отчетъ о дѣятельности Западно-

Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. За 1903 г. Омскъ. 1905. 26 стр.

Отчетъ о дѣятельности историко-филологического общества при Имп. Новороссийскомъ Университетѣ, за 1903—1904 г. Одесса. 1905. 9 стр.

Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-мат. и историко-филологическому отдѣленію, за 1905 г., составленный акад. С. Ф. Ольденбургомъ. Спб. 1905. 168+3 стр.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ, за 1905 г., составленный акад. Н. П. Кондаковымъ. Спб. 1905. 72 стр.

Отчетъ по Кавказскому музею и Тифлисской публичной библиотекѣ, за 1904 годъ. Тифлисъ. 1905. 59 стр.

Паткановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири на основаніи данныхъ переписи населения 1897 г. и другихъ источниковъ. Ч. I. Тунгусы собственно. В. 2-й. Спб. 1906. стр. 283+IV неenum. (Записки И. Р. Г. О-ва по отд. Этнографіи, т. XXXI, ч. I, в. 2).

Пермскій. Научно-Промышленный Музей. Отчетъ Пермскаго Музея за 1904 г., съ біографіею и портретомъ Ф. А. Теплоухова. Пермь. 1905.

Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Б. Сиповскаго—I. Спб. 1905.

Смирновъ, Н. А. Раскопки... въ Клинскомъ уѣзда. Спб. 1903. (Отт. изъ V тома Русск. Отд. „Записокъ И. Р. Г. О-ва“).

Станицыкъ, А. Новые свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи. (Изъ „Зап. Русск. Отд. И. Р. Арх. О-ва“, т. II). 10 стр.

Трошанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Казань. VII+63 стр.

Успенскій, А. И. Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собраний. М. 1905. 7 стр.+V табл. (Изъ сборн. „Московск. церк. старин“; т. III).

Чернышевъ, В. Одно старинное любовное письмо. Спб. 1906. (Оттискъ изъ „Сборника въ честь В. И. Ламанского“). 3 стр.

О Т Д І Л Ъ V.

С м ъ с ь.

Два слова къ вопросу о курскихъ и тульскихъ говорахъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ (1905 г. № 3, стр. 38) академикъ А. И. Соболевскій, разсматривая новую книгу проф. М. Г. Халанскаго о „народныхъ говорахъ Курской губ.“ (Спб. 1904), отмѣтилъ въ этой книгѣ „наводящую на размышленія“ фразу, записанную проф. Халанскимъ отъ кого-то изъ „горюновъ“ Путивльскаго уѣзда: „мы—однодворцы, дворянскаго рода *сцакуны*“. А. И. Соболевскій высказываетъ предположеніе: „можетъ быть, *сцакуны*—то же, что цуканы?“

Гораздо проще будетъ, на нашъ взглядъ, думать, что *сцакуны*—якающее произношеніе слова *щекуны*. Подъ этимъ послѣднимъ произвѣшемъ извѣстны однодворцы (они же „талағаи“) Воронежской губ. (Воронежск. Бесѣда, стр. 266; Воронеж. Юбилейн. Сборн. II, 269; срв. „Опытъ русской діалектологии“ проф. А. И. Соболевскаго, 22, прим. 4).

Щекунъ, женск. *щекуха* означаетъ „произносящий що вмѣсто „что“ (см. *ibidem*). Такимъ произношеніемъ этого мѣстоименія и дѣйствительно характеризуются однодворцы — соціальная группа, имѣвшая свой особенный говоръ (и при томъ сыгравшій немалую роль въ исторіи южно-великорусскихъ говоровъ, какъ то мы пытаемся доказать въ особомъ своемъ трудѣ). И въ Рязанской губ. жители „вольныхъ сель“ (respect. бывшіе однодворцы), въ виду той-же самой черты своего говора извѣстны у „барскихъ“ (помѣщичьихъ) крестьянъ подъ равнозначущимъ произвѣшемъ „щѣкалки“ (Р. Ф. Вѣстн. т. XXVII, стр. 171, ст. Будде).

Правда, горюны, судя по записямъ Халанскаго (стр. 114), говорятъ не *що*, а *што*. Мало того, самый звукъ *щ* имъ неизвѣстенъ: онъ замѣненъ двойнымъ *ши* (шишка, шие „еще“). Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ нужно объяснять и то, почему горюнь не произнесъ *щекуны*, а *сцакуны* (какъ-бы цокал), и притомъ съ какимъ-то неяснымъ звукомъ *и* (въ записи Халанскаго надъ этимъ и стоять еще буква *к*).

Но „горюны“, безспорно, не настоящіе однодворцы. Возможно, конечно, что некоторые изъ нихъ поступали въ число „служилыхъ людей“ Московскаго государства или, скорѣе, бывшіе служилые люди, обѣднѣвъ, селились на монастырскихъ земляхъ. Но это не

было сколько-нибудь общимъ явленіемъ. Исторія знаетъ „горюновъ“ въ качествѣ монастырскихъ крестьянъ. Костюмъ ихъ (равно какъ и говоръ) также не однодворческій.

Заговоривъ о книгѣ проф. Халанского, попутно укажу, что подъ „Волынью“, съ котораго переведены въ началѣ XIX в. помѣщиковъ „цуканы“ дер. Анненковой, Щигровскаго уѣзда (стр. 30), нужно разумѣть рѣку Алымъ или Олымъ, протекающую по Воронежской и Орловской губерніямъ и впадающую въ Сосну. Рѣка эта упоминается, съ тѣмъ-же именемъ, еще въ „Книгѣ Большаго Чертежа“. Произношеніе „Волынь“ говоритъ въ пользу предположенія Халанского, что анненковскіе цуканы „прежде очень слабо акали“ (стр. 32).—Предположеніе А. И. Соболевскаго (стр. 40), что цуканы эти вышли „изъ мѣстности педалекой отъ Москвы (къ югу отъ нея)“, всѣмъ сказаннымъ еще не устраивается, такъ какъ передвиженія помѣщичьихъ крестьянъ происходили иногда очень часто, и „цуканы“ могли жить на Олымѣ очень короткое время.

Еще по поводу книги проф. Халанского можно было бы замѣтить, что И. Н. Миклашевскій, книгу котораго не разъ цитируешь нашъ авторъ (стр. 37, 41), говоря о первыхъ населеніяхъ гор. Карпова, видѣть этотъ городъ не на мѣстѣ нынѣшней Карповки, Бѣлгородскаго у., а на мѣстѣ слободы Пушкарной, Грайворонскаго у. („Къ исторіи хозяйств. быта Москов. государства“, стр. 74). Но въ данномъ случаѣ ошибочнымъ нужно признать едва-ли не мнѣніе г. Миклашевскаго. Проф. Багалль (Очерки изъ исторіи колонизаціи степей окраины Моск. госуд., 198 прим.) видѣть гор. Карповъ также въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ.

По вопросу о говорахъ Тульской губ. мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать нѣсколько подобныхъ-же замѣчаній по поводу статьи проф. Е. Ф. Будде „О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ.“, напечатанной въ т. III-мъ „Извѣстій Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Н.“, кн. 3 и 4.

Въ юго-западномъ углу Богородицкаго у. проф. Будде встрѣтилъ акающій говоръ, характеризующійся присутствіемъ звементовъ съверо-великорусскихъ, каковы: смычное *и*, твердое *-тъ* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ, звукъ *ф*. Мѣстное аканье „сильнѣе московскаго“, но „не такое выдержанное и полное, какъ въ говорахъ Рязанской губ.“ (стр. 902 и 1328). Говоръ этотъ наблюдается въ пунктахъ: с. Ростово, дер. Богоявленка, с. Новгородское, и нѣк. друг.

О названныхъ селеніяхъ мы имѣемъ свидѣтельства мѣстныхъ авторовъ. И свидѣтельства эти могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію рассматриваемаго говора.

Въ книгѣ „Приходы и церкви Тульской Епархіи. Извлеченіе изъ церковно-приходскихъ лѣтописей“ (Тула. 1895) читаемъ: „крестьяне д. Богоявленки были переселенцами изъ Ярославской губ.

и принадлежали къ вѣдомству монастырскихъ крестьянъ. Это видно изъ того, что крестьяне этой деревни до послѣднаго времени, а нѣкоторые и теперь, говорятъ съ Ярославскимъ акцентомъ на о и празднують, какъ храмовой праздникъ, 29 октября, день преп. Авраамія Ростовскаго чудотворца" (стр. 126). Относительно села Ростова, въ приходѣ котораго состоитъ и дер. Богоявленка, сообщается: "По устному преданію, село Ростово образовалось будто-бы изъ переселеныхъ сюда крестьянъ изъ Ростовскаго уѣзда, Ярославск. губ., принадлежавшихъ монастырю". Соглашалась съ этимъ преданіемъ, мѣстный авторъ, въ подтвержденіе его, указываетъ на сходство имени села съ именемъ гор. Ростова, а также на церковь Преображенія Господня въ Спасскомъ монастырѣ, что на Пескахъ, близъ Ростова: храмъ въ селѣ Ростовѣ также во имя Преображенія. (Стр. 126). Наводящее на размышенія название села "Новгородское" объясняется тѣмъ, что мѣстный храмъ посвященъ памяти свв. Никиты и Иоанна Новгородскихъ чудотворцевъ. Народное преданіе—читаемъ въ той-же книгѣ (стр. 124)—объясняетъ, почему храмъ въ селѣ устроенъ во имя Новгородскихъ святыхъ. Говорить, что первые жители этого села были переселенцами изъ Новгородской губерніи и будто предки ихъ были крестьянами Новгородскихъ владыхъ". (Стр. 124).

Что до времени основанія упомянутыхъ сель, то оно относится ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ с. Ростовѣ храмъ построенъ въ 1784 г., въ с. Новгородскомъ—не позднѣе 1767 г. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ позднѣшими переселенцами изъ сѣверныхъ губерній. Большая часть ихъ переселилась, вѣроятно, послѣ освобожденія монастырскихъ крестьянъ. "Для рѣшенія вопроса о древнѣйшихъ границахъ сѣверно-великорусского племени" рассматриваемый говорѣ врядъ-ли можетъ дать хоть какія-либо данныя.

Окающіе говоры спорадически встрѣчаются и въ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ появление ихъ также объясняется позднѣшими переселеніями. Относительно села Березовки (что на р. Непрядвѣ) „среди народа до сихъ поръ твердо держится преданіе, что одинъ изъ Лапуновыхъ (мѣстныхъ помѣщиковъ) переселилъ сюда своихъ крестьянъ-крѣпостныхъ изъ Тверской губ. Это подтверждается отчасти тѣмъ, что крестьяне с. Березовки до сихъ поръ удержали окающее нарѣчіе". (Opus citat. 287) Приходъ села Черемухова, „по преданію, составился изъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Ярославской губ. Это подтверждается преобладаніемъ окающего нарѣчія мѣстныхъ жителей предъ акающимъ нарѣчиемъ жителей сосѣднихъ и другихъ приходовъ Тульской епархіи". (Стр. 311). Храмъ въ этомъ сель существуетъ съ 1734 года.

Д. Зеленинъ.

Существуютъ ли въ русскомъ языке слова: кагора и кагорщикъ?

Въ лучшемъ изъ существующихъ словарей русского языка, въ словарѣ В. И. Даля, мы находимъ, между прочими, слова: 1) *кагора*, ж. или мн. *кагоры*, «почтовая собака, олени, либо юшада». *Бхать на кагорахъ*, «бхать на почтовыхъ, на перемѣнныхъ» и 2) *кагорщикъ*, м., «проводникъ, погонщикъ, почтовый ящикъ, особенно при бѣдѣ на собакахъ». Цитирую по третьему, критическому, изданію словаря (т. II, столб. 172), гдѣ эти слова остались безъ всякихъ отмѣтокъ со стороны редакціи. Оба слова помѣчены камчатскими.

Нѣсколько ниже (II³, столб. 252) въ томъ-же словарѣ видимъ камчатскія-же (и вмѣстѣ вообще сибирскія) слова: *кагора*, *кагорщикъ*, м., «вощикъ, ямщикъ, проводникъ, кучерь при бѣдѣ на собакахъ»; *кагорить*, «править собаками въ упряжи»; *кагорный*, «относящийся къ бѣдѣ на собакахъ»; *кагорство*.

Точные (по губерніямъ) отмѣтки географическаго распространенія областныхъ словъ мы встрѣчаемъ въ словарѣ Даля почти исключительно при словахъ, взятыхъ лексикографомъ изъ письменныхъ или печатныхъ источниковъ. Что касается, въ частности, до словъ камчатскихъ, то, какъ извѣстно изъ біографіи В. И. Даля, послѣдний самъ на Камчаткѣ не былъ и, следовательно, о его личныхъ записяхъ въ данномъ случаѣ думать нельзя.

Камчатское слово *кагора* и всѣ, приведенные въ словарѣ Даля, производные отъ него извѣстны намъ и изъ другихъ источниковъ, которыми и могъ воспользоваться нашъ словарникъ, а именно, ихъ мы находимъ въ «Москвитянинѣ» 1842 г. (ч. II, кн. III, стр. 243) и въ «Опытѣ областного словаря» (взято изъ «Москвитянина»). Въ недавнее время слова эти (*кагорить*, *кагорщикъ* и *кагоръ*) отмѣчены г. Богородомъ на Колымѣ (Сборникъ Отд. русс. яз. и слов. И. А. Наука). Ясно, что и никакого сомнѣнія въ существованіи этихъ словъ быть не можетъ.

Иначе совсѣмъ обстоитъ дѣло съ словами: *кагора* и *кагорщикъ*. Этихъ словъ мы рѣшительно нигдѣ, кромѣ словаря Даля, не находимъ. А между тѣмъ полное соответствие ихъ значенія и географического распространенія къ столь близкимъ по формѣ (на письмѣ) *кагора* и *кагорщикъ* невольно вызываетъ сомнѣніе. Откуда же взяты эти слова лексикографомъ?

Наши разысканія въ этомъ отношеніи привели насъ къ выводу, что источникомъ для Даля въ данномъ случаѣ послужили записи небезызвѣстнаго путешественника начала XIX столѣтія, Вас. Мих. Головнина. Послѣдний былъ на Камчаткѣ въ 1809—1811 годахъ. Въ его запискахъ имѣется и «Собрание словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ жителями Камчатки». Мы не знаемъ, когда именно эти записи написаны, но во всякомъ случаѣ не позднѣе 1831 года (годъ смерти В. М. Головнина). Что Даль пользовался словарикомъ Головнина, въ этомъ нѣть никакого сомнѣнія. Камчатскія слова: *ко!*, *ай!*, *лача*, *ловля*, *мандара*, *оленя кожа* и нѣкоторыя другія имѣются только у Головнина и у Даля.

Словарикъ Головнина напечатанъ былъ въ 1861 году, въ книгѣ

„Материалы для истории русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго Океана“ (Приложение къ „Морскому Сборнику“ 1861 г.), вып. II. Здѣсь мы находимъ интересующія насъ слова въ такомъ видѣ (стр. 125): *каюра, каюры*, „почтовыя подводы на собакахъ или верхомъ на лошадяхъ“; *жхать на каюрахъ*, „ѣхать на почтовыхъ“; *каюрщикъ*, „проводникъ“. Все это до буквальности сходно съ тѣмъ, что мы читаемъ у Даля подъ словами: *каюра* и *каюрщикъ*; ничтожная разница лишь въ внесенныхъ Далемъ комментаріяхъ въ краткимъ поясненіемъ Головнина. Подобные комментаріи въ словарѣ Даля очень обычны.

В. И. Даль, очевидно, пользовался словарикомъ Головнина въ рукописи, причемъ и прочиталъ, ошибочно, вместо *каюра* и *каюрщикъ*—*каюра* и *каюрщикъ*, что такъ естественно, особенно при неразборчивости рукописи. Характерно, однако-же, что издатели записокъ Головнича разобрали злоуполучные слова правильно. (Быть можетъ, Даль пользовался какой-нибудь копіей?).

Ясно, что словамъ „*каюра*“ и „*каюрщикъ*“, какъ явившимся путемъ простого недоразумѣнія, въ словарѣ русскаго языка мѣста не должно быть.

Предоставляемъ знатокамъ сибирскихъ инородческихъ языковъ указать источникъ заимствованія слова *каюра*. Этимологія слова должна будеть упрочить наши выводы, добытые инымъ путемъ.

Д. 3.

Бурлаки на Днѣпрѣ.

Тяжелый бурлацкій трудъ все еще имѣеть примѣненіе и въ наше время.

Правда, въ нашъ вѣкъ пара и электричества этотъ трудъ значительно сократился, но кое где по прежнему бурлаки тянутъ свою тяжелую лямку и оглашаютъ бурлацкими пѣснями, похожими на стонъ, глухя прибрежныхъ мѣста.

Минувшимъ лѣтомъ я видѣлъ бурлakovъ на верхнемъ теченіи Днѣпра, совершившихъ свою путину отъ станціи Гусино (близъ Орши) до Смоленска.

Рядъ барокъ или лайбъ, нагруженныхъ камнемъ, тихонько подвигался противъ теченія; каждую барку тянули четыре бурлака за длинную и крѣпкую бичеву:

Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьюбою бурлаки...

И въ ихъ числѣ была одна женщина, трудившаяся также усердно. Бурлаки получаютъ отъ хозяина 16 рублей въ мѣсяцъ на хозяйственныхъ харчахъ. Отъ Гусина до Смоленска они совершаютъ свой путь, обыкновенно, въ четыре дня. На одной изъ лайбъ устроена будка и приспособленія для приготовленія пищи. Иногда нѣсколько крестьянъ (белоруссовъ) складываются вмѣстѣ, изготавливаютъ на общий счетъ барку и сами вмѣстѣ со всѣми взрослыми членами сво-

ихъ семей перевозять на баркѣ въ города дрова, фрукты, овощи и т. д.; еще чаще перевозять камень въ Смоленскъ для мостовыхъ и построекъ, камни при этомъ кладутъ „по два куба“ на каждую лайбу, и за каждый доставленный кубъ получаютъ по 30 руб.

Такъ каждое лѣто и таскаютъ бурлаки лайбы по верхнему течению Днѣпра.

Ив. Абрамовъ.

Почему въ Россіи умираетъ много дѣтей?

(Народная легенда).

Отъ одной старухи въ Тульской губерніи я слышалъ слѣдующую легенду:

... У нѣкоторой женщины умерло подрядъ трое дѣтей. Схоронила мать третьаго ребенка и пошла обливаясь слезами въ Божью церковь. Покрыла она чистымъ полотенцемъ, разноцвѣтными узорами изукрашеннымъ, образъ Матери Божьей, упала передъ нимъ на колѣни и стала слезно умолять Заступницу, чтобы не отбирала она на будущее время ея малыхъ дѣтей. Вотъ родился четвертый ребенокъ. Радуется мать, не паглядится на него, не налюбуется. Исполнился годикъ мальчику; и стало дитя хирѣть, и какъ свѣча таять. И умерло дитя... Тогда возвроптала женщина. Снова пришла она въ храмъ; стала передъ образомъ Богоматери и такъ говорила:

— Я твой образъ покрывать приходила! Какъ я умоляла, управляла тебя! Ты же, Пречистая, снова отняла моего ребеночка... Да-ромъ отдала я тебѣ свое полотенце!..

Пришла та женщина домой, дождалась вечера и спать легла. Встаётъ она по-утру,—глядѣть, лежить у нея подъ бокомъ то самое полотенце, которымъ она Матерь Божію покрывала...

Опечалилась тогда женщина и испугалась.

Взяла она то полотенце и явилась къ священнику:

— Отслужите, батюшка, молебень Божьей Матери и примите обратно мое полотенце на украшение храма...

Помолилася женщина на молебнѣ, пришла домой, дождалась вечера и легла спать.

И видѣть женщина во снѣ чудесное видѣніе: спустилась къ ея изголовью Божья Матерь, окруженнная ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. Исходили отъ нея лучи, на подобіе солнечныхъ, и золотымъ сияніемъ наполнили всю комнату.

— Не ропщи и не сѣтуй, бѣдная женщина!—сказала Божья Матерь,—велико твоє материнское горе. Вѣдь и я горько рыдала, когда распинали Моего Сына... Только все же никакъ нельзя было оставить въ живыхъ малыхъ твоихъ ребенковъ... А почему ихъ нельзя оставить въ живыхъ—ты увидишъ сейчасъ.

И вотъ предстали предъ женщиной всѣ ея дѣти, уже пришедшія въ возрастъ.

— Вотъ,—говорить Божья Матерь,—это старшій твой сынъ, онъ разбойникъ и убѣйца. Вотъ твоя дочь, она блудница, живеть по большими городамъ и торгуетъ своимъ тѣломъ. Вотъ второй

сынъ,—онъ поджигатель. Вотъ послѣдній,—онъ богоотступникъ. Жалѣючи тебя и близкихъ твоихъ, я забрала ихъ отъ тебя въ моло-дыхъ лѣтахъ. Такъ и хозяинъ хорошій не всѣхъ домашнихъ жи-вотныхъ оставляетъ на плечи, а только тѣхъ, которые стоящіе...

Такъ утѣшаютъ себя бѣдныя матери, теряющія у насть, какъ извѣстно, 300 дѣтей на тысячу ежегодно.

Иванъ Абрамовъ.

М е л о ч и

историко-литературная и этнографическая¹⁾.

V. Народная любовная письма. А. Н. Островскій въ своихъ произведеніяхъ очень часто пользовался народною словесностью, вла-гая въ уста дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствующія ихъ званію и по-ложенію мѣткія словечки, пословицы, поговорки и т. п. Было бы, конечно, очень интересно опредѣлить и выяснить, въ какой мѣрѣ вообще и какимъ материаломъ въ данномъ отношеніи пользовался великій драматургъ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что онъ, вводя иногда въ свои драмы обширныя, сравнительно, произведенія на-роднаго творчества, по большей части пользовался лишь незначи-тельными отрывками, часто однимъ—двумя стихами. Но это—ра-бота для одного человѣка непосильна; она можетъ быть произве-дена только цѣлымъ рядомъ лицъ, въ своихъ трудахъ взаимно по-полняющихъ другъ друга.

Въ „Сборникѣ въ честь В. И. Ламанского“ (СПб. 1905 г.) г. В. Чернышевъ дѣлаетъ такого рода попытку. Приведя слова свахи Красавиной (изъ комедіи „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“) о Бальзаминовѣ: „А онъ еще въ концѣ-то стихъ при-бавилъ: „Взвейся, вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ—въ объятія тому, кто милъ сердцу моему“. А на пакетѣ-то напи-салъ: „Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда“. Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ“²⁾)—онъ даетъ цѣлое письмо „одного изъ Бальзаминовыхъ нашего времени“..

Но въ этомъ письмѣ, во-первыхъ, смѣшаны въ одно цѣлое и текстъ письма, и надпись на „пакетѣ“, а во-вторыхъ, какъ сознается и самъ авторъ письма, текстъ далеко не полонъ. „Дорогая N“, пишетъ онъ, „можно было бы написать и еще больше, но, вѣдь, все это напрасный трудъ, а поэтому пока ограничимся этимъ“.

Въ моемъ собраниіи материаловъ по народной словесности и пр. имѣется цѣлый рядъ такого рода любовныхъ писемъ, писанныхъ грамотными и неграмотными (подъ ихъ диктовку) крестьянами, а также мѣщанами и лицами изъ числа, такъ называемой, сельской интеллигенціи. Большая часть подобныхъ писемъ значительно пол-нѣе приводимаго г. В. Чернышевымъ письма. Поэтому въ дальнѣй-шемъ я и приведу два наиболѣе полныхъ и типичныхъ письма:

¹⁾ См. вып. I. Смѣсь, стр. 3.

²⁾ Островскій, А. Н. Собрание сочиненій, т. III, стр. 17. Спб. 1974.

I Письмо неграмотной девушки-крестьянки къ милому.

1. Беру я перо въ руки,
Начинаю писать отъ скучи;
Перо мое золотое,
Пишу письмо дорогое:
5. Сахару медовому,
Яблочку садовому,
Меду сычёному,
Винограду зеленому,
Свѣту—пересвѣту,
10. Тайному совѣту,—
Имени тебѣ нѣту;
Про имя твое
Знаетъ сердце мое:
По тебѣ мое сердце вздыхаетъ,
15. Давно къ себѣ дожидаетъ.
Не сокрушился бы милъ за-
ично обо мнѣ,
Побывалъ бы милъ, какъ мож-
но скорѣе ко мнѣ.
Какъ корабличекъ на морѣ,—
Остаюся такъ я въ горѣ;
20. Какъ корабликъ на пескѣ,—
Остаюся по вамъ въ тоскѣ.
Цѣлую васъ
23. Несчетно разъ.

Надпись на оберткѣ:

Лети, мое письмо, взвивайся,
Никому въ руки не давайся;
Лети, мое письмо, выше лѣсу,
выше горѣ,—
Прямо къ NN на дворь.
Идѣть сіе письмо отъ NN къ
другу сердечному NN прямо въ
собственные руки. Никому его

не читать и въ руки не отда-
вать ¹⁾).

II. Письмо грамотной мѣщанки
къ милому.

1. Во первыхъ строкахъ беру я
перо въ руки
И пишу я сіе письмо отъ
скучи;
Лети, мое письмо, къ тому,
Кто милъ сердцу моему,—
5. На чужедальную сторонку
Къ расхорошему миленку:
Какъ во дальней сторонѣ
Спомни, милый, обо мнѣ;
Спомни, спомни ты меня,
10. Какъ любила я тебя.
Какъ розовъ цвѣтъ въ лѣтѣ,
Такъ ты милъ мнѣ на свѣтѣ.
Два голубя, одинъ духъ,—
Два голоса, одинъ слухъ,
15. Попѣлуй, любезный другъ.
Какъ бы я была богата,—
Подарила бы златомъ;
А ионича бѣдна,—
19. Только ленточка одна.

Надпись на оберткѣ:

Взвейся, вѣтеръ-вѣтерочекъ,
Подними ты сей листочекъ.
Лети, письмо, туда,
Гдѣ примутъ безъ труда;
Лети, письмо, къ тому,
Кто милъ сердцу моему,
Упади на бѣлу грудь
И скажи: „не позабуды“
Если-жъ будешь непрѣятно,—
Возвратись ко мнѣ обратно.

Письма мужчинъ короче, болѣе путаны и нескладны и страдаютъ нѣкоторой сочиненностью.

Здѣсь же я долженъ замѣтить, что среди крестьянъ Костромской и сосѣднихъ губерній имѣется сильное влеченіе къ писанью такого рода писемъ. Даже въ письмахъ къ солдатамъ и отъ нихъ на родину, на ряду съ формулой „Прошу (или посыпаемъ мы свое) я вашего родительского благословенія, навѣки нерушимаго,

¹⁾ Ошибки противъ правописанія исправлены и знаки препинанія разставлены.

которое по гробъ жисти сосуществовать можетъ,—жена мужу пишеть:

Свѣтику бѣлому,
Яблочку спѣлому,

Меду сыченому,
Колечку позлаченому...

А мужъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ:

Солнышку ясному,
Яблочку красному,

Сахару толченому,
Винограду зеленому...

А въ концѣ письма обычна приписка: „Цѣлую васъ несчетно разъ“.

Даже въ письмахъ учениковъ къ учащимъ встрѣчаются такого рода попытки рилемованной рѣчи: „Жаворонку полевому—учителю дорогому“... или „Еще ласточекъ полевой, учительницѣ дорогой“... и т. под.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губ. стихи, подобные вышеприведеннымъ, настолько извѣстны всѣмъ, что отрывки ихъ вставляются въ разговоръ, какъ пословицы, вышиваются на платкахъ и вытыкаются на поясахъ, предназначенныхъ въ подарокъ „шептуну“, „прихехенькѣ“.

Что же касается заключительныхъ словъ замѣтки г. В. Чернышева: „Самое письмо написано изящнымъ, оригинальнымъ размѣромъ произведеній старинной народной поэзіи. Стихи въ немъ рилемованы, что рѣдко бываетъ въ народныхъ произведеніяхъ“,—то, вполне соглашаясь съ второй половиной этой цитаты, относительно первой фразы я долженъ замѣтить, что размѣръ подобныхъ стиховъ мнѣ напоминаетъ рилемованную прозу лубочныхъ картинъ. И при томъ едва ли это размѣръ произведеній старинной народной поэзіи.

H. Виноградовъ.

Стихъ о страшномъ судѣ.

Съ западной сторонушки въ подвосточную
Идуть грѣшные христіане на престрашный судъ.
Встрѣчаетъ ихъ Небесный Царь:
„Подите, питающіе, подите, тружающіе,
Во мой прекрасный рай и въ царство небесное!
Отведите проклятыхъ въ огнь и муки вѣчныя,
И всѣмъ вамъ грѣшнымъ будуть муки разныя:
Пыняцамъ и бражницамъ—чады горькие и смрады великие;
Ворамъ и разбойникамъ—огни горячіе и смолы кипячія;
Старицамъ и блудницамъ—печи мѣдныя и затворы желѣзные;
Ростовщикамъ и процентщикамъ—мѣсто адово и пропасть глубокая;
Дѣтей душегубницамъ—змѣи изсыхающія¹⁾ и кости растирающія;
Пласунамъ и гудовщикамъ, и веселымъ волынщикамъ—
Плачь неутѣшимый, огнь неугасимый, зубное скрипѣніе и слезное
рыданіе.

Записалъ К. Е. Охотинъ въ Ничижмѣ, Пудожскаго уѣзда.

¹⁾ М. б. „изсыхающія“? Н. В.

Мордовская историческая пѣсня.

Ахъ, гдѣ горящій огонь горить?
Ахъ, гдѣ палящій огонь палитъ?
Въ дальней степи огонь пылаетъ...
Зачѣмъ въ дальней степи огонь пылаетъ?
Должность себѣ Петръ Великій просить,
Престолъ отцовскій онъ себѣ желаетъ...
„Вотъ, на службѣ отцовской тебѣ не служить,
„Вотъ, въ чинѣ отцовскомъ тебѣ не быть!“
— Почему не быть?!

— Я три года оброка не буду брать,
— Три года солдатъ не буду собирать,
— Буду на бояръ кошачій моръ я напускать;
— Я совью три веревки
— И веревки пошлю,
— Я пошлю ихъ на три стороны:
— Какъ одну я пошлю на востокъ,
— На западъ другую,
— А третью?
— А третью—туда, гдѣ самъ служить думаю...

Записана и переведена *К. Афанасьевымъ* въ д. Мурзы, Ардатовскаго у., Симбирской г., въ 1903 г.; доставлена *Н. В.—вымъ*.

Хроника.

М. С. Дриновъ (+28 февр. 1906 г.), по происхождению болгаринъ, родился въ то время, когда его родинѣ были нужны именно такие люди. На зарѣ свободы балканскихъ славянъ, когда только что начинала воскресать изъ мертвыхъ угнетенная Болгарія, появляется М. Дриновъ съ яркимъ факеломъ науки, освѣщаетъ и оживотворяетъ прошлое своего народа, чѣмъ полагаетъ краеугольный камень культурнаго развитія своихъ братьевъ.

Прежде всего его взоръ остановился на самомъ отдаленномъ прошломъ Балканскаго полуострова. Первымъ его научнымъ трудомъ былъ „Прегледъ връхъ происхождането на български народъ и началото на българската история“ (Вѣна. 1869). И сейчасъ же послѣ этого онъ занялся разсмотрѣніемъ одного изъ самыхъ главныхъ современныхъ вопросовъ въ Болгаріи—вопросомъ объ истории болгарской церкви: „Исторически прѣгледъ на българската църква отъ самото ѹ начало и до днесъ“ (Вѣна. 1869). Оба труда имѣли неоспоримое значеніе для культурнаго развитія болгарскаго народа. Остальные его труды по исторіи и филологіи въ настоящее время отчасти потеряли свое значеніе, но нужно признать серьезность и добросовѣтность его научной работы.

Свою научную подготовку М. С. Дриновъ получилъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, гдѣ въ 1873 г. имъ была защищена магистерская диссертатія—„Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ („Чт. въ О-вѣ Ист. и Древн. росс.“ 1872, кн. 4, и отд. М. 1873). Послѣ защиты диссертатії онъ былъ назначенъ проф. Славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ Университетѣ. Капитальнымъ трудомъ въ области славяно-вѣдѣнія является его докторская диссертатія—„Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“ („Чт. въ О-вѣ Ист. и Древн. росс.“ 1875, кн. 3; отд.—М. 1876).

Хотя М. С. Дриновъ все время находился въ предѣловъ Болгаріи, но онъ никогда не порывалъ связи съ своей родиной и все время принималъ участіе въ жизни своихъ братьевъ. Его благотворная работа была оцѣнена и теперь признана всѣми въ Болгаріи. М. С. Дриновъ былъ основателемъ болгарского книжевнаго дружества въ Брайлѣ. Во времена русско-турецкой войны, состоя членомъ временнаго правительства, онъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Въ Дриновѣ Болгарія потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ¹⁾.

И. III.

¹⁾ Подробнѣе о Дриновѣ—Прѣгледъ на 30-годишната научно-книжовна дѣятельностъ на професора М. С. Дринова отъ В. Н. Златарски. Софія. 1900. (Отт. изъ „Сборн. за юбилея на проф. М. С. Дриновъ“).

† Л. Х. Симонова. Въ Ташкентѣ, 12 марта, скончалась на 68 году жизни писательница Л. Х. Симонова. Она известна въ литературѣ этнографическими произведеніями изъ жизни сибириakovъ и инородцевъ, написанныхъ ею въ видѣ романовъ и очерковъ („Чертово яблоко“, „Варнакъ“, „Голодъ“, „На Уралѣ“, „Баской“, „Бѣглые“, „На Окрайѣ“, „Лаache“, „Эзѣ“, „Ортиксъ“ и т. д.), а также и цѣльнымъ рядомъ произведеній изъ жизни культурныхъ классовъ, русского купечества и крестьянства.

Помѣщала она свои произведенія въ „Еженедѣльномъ Обозрѣніи“, „Живописномъ Обозрѣніи“, „Восточномъ Обозрѣніи“, „Дѣлѣ“, „Русскомъ Богатствѣ“, „Родникѣ“ и „Историческомъ Вѣстнике“.

Дѣятельность И. Р. Г. О-ва по Отдѣленію Этнографіи. Во второй половинѣ 1905 г. Отдѣленіе Этнографіи имѣло два засѣданія—4 ноября и 23 декабря. Предметомъ первого засѣданія служили: 1) Текущія дѣла и 2) Сообщеніе Н. Н. Виноградова: „Смерть и похороненіе обитателя Ветлужскихъ лѣсовъ“.

Программа: Болѣнь. Предѣщенія смерти. Гаданіе на жизнь и на смерть. Смерть. Погребеніе. Суевѣрные обычай, обряды и примѣты. Причты. Смерть колдуна.

На второмъ засѣданіи обсуждались: 1) Текущія дѣла. 2) Избрание членовъ медальной комиссіи. 3) Избраніе 3-хъ кандидатовъ въ комиссію по обревизованію отчета за 1905-й годъ.

Кромѣ того были выслушаны сообщенія:

1) Ц. Жамчаранова: Слѣды шаманства у Агинскихъ бурятъ Забайкальской области. Программа сообщенія: Состояніе религиозного просвѣщенія въ низшихъ слояхъ бурятско-тунгускаго народа. Причины, способствующія возрожденію шаманства: недоступность тибетскаго языка, непониманіе основъ буддийскаго міровозрѣнія, экономическая условія, суевѣрія. Борьба ламаистовъ противъ кровавыхъ жертвъ и прочихъ проявленій шаманства. Недѣйствительность мѣръ принимаемыхъ противниками шаманства. Необходимость образования и религиозного просвѣщенія на народномъ языке. „Путевые впечатлѣнія“. (Была демонстрирована коллекція предметовъ шаманского культа, собранная докладчикомъ въ Забайкальѣ) и 2) Члена-сотруд. Н. Н. Виноградова: Поддѣлка этнографической и книжной старины на сѣверѣ Россіи. (Были показаны рисунки и предметы обихода, поддѣланные въ Вологодской губерніи).

Въ первой половинѣ 1906 г. Отдѣленіе Этнографіи имѣло засѣданіе 17 февраля, на которомъ членъ-сопр. Ф. К. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе: „Карпатскіе русины-Гуцулы“.

Программа сообщенія: Изслѣдованія украинскаго населенія Австро-Венгрии вообще. Экспедиціи 1903, 1904 и 1905 годовъ. Украинское населеніе Карпать—Гуцулы, Бойки и Лемки. Результаты экспедиций относящіеся къ антропологии и этнографіи Гуцоловъ—галицкихъ, буковинскихъ и угорскихъ: а) Физическая характеристика Гуцоловъ: антропологический типъ, соотношеніе его съ типомъ сѣдѣній населеній и положеніе среди другихъ славянскихъ народовъ; в) Нѣкоторыя лингвистические особенности; с) Этнографическая особенности: Характеръ мѣстности. Экономическая условія. Земледѣліе, скотоводство, лѣсные промыслы. Пища, жилища и ихъ особенности, одежда, украшения. Керамика, рѣзня изъ дерева и металлическая украшенія. Орнаментация вообще. Религиозные представления, обряды свадьбы, похороны. (Были показаны діапозитивы).

На засѣданіі 3 марта, тотъ же докладчикъ продолжилъ свой докладъ о Карпато-руссахъ, сдѣлавъ сообщеніе: „Карпатскіе русини-Бойки“.

Программа сообщенія: Общая характеристика и географическое распространение Бойковъ; Бойки въ Галиціи и въ Венгрии. Ихъ физическая особенности и антропологический типъ. Соотношеніе постѣдняго съ типомъ соседнихъ народностей. Этнографическая особенности: характеръ мѣстности. Экономическая условія. Земледѣліе, скотоводство, торговля. Особенности пищи и жилищъ. Церковная архитектура. Домашняя утварь. Одежда. Украшения. Нѣкоторыя особенности общественного быта: нравственность, свадебные и похоронные обряды. Торговые обычай. Эмиграція въ Америку и ея вліяніе. (Были показаны диапозитивы).

Во время засѣданія 21 апр. были выслушаны:

- 1) Сообщеніе г. Н. Н. Мартиновича „О поѣздкѣ въ Бруссу въ 1905 г.“
- 2) Сообщеніе г. В. А. Шанина. „По восточной Монголіи: отъ ст. Фанъ-цая-тунь до г. Синъ-минь-тинь, лѣтомъ 1905 г.“ (Были показаны диапозитивы).

5 мая выслушаны были сообщенія:

1) Члена-сотр. А. А. Макаренко: „Сибирско-руssкая народная пѣсенная старина“ (въ Енисейской губерніи). Программа. Общія замѣчанія о характерѣ сибирско-руssкой народной пѣсенной поэзіи. Отношеніе къ пѣснямъ сибиряковъ—руssкихъ. Существование пѣсенной „старины“ въ Енисейской губерніи. Фактическая сторона сбора проголосныхъ пѣсенныхъ „старин“. Заключеніе. Тексты пѣсень. (Были показаны диапозитивы). 2) Сообщеніе И. С. Абрамова: „О Курскихъ саянахъ“. Литература о саянахъ. Поѣздка къ саянамъ и личные наблюденія надъ ними. Нарѣчіе. Пѣсни. Одежда. Вопросъ о происхожденіи саяновъ.

Кромѣ того изъ докладовъ, прочитанныхъ въ Отд. Географіи Математ. и Геогр. Физич., представляли нѣкоторый (иногда и очень значительный) интересъ для этнографа, слѣдующіе:

1) Н. Я. Новомѣрскаго: „Обозрѣніе картографическихъ материаловъ Сибири, находящихся въ Геттингенской университетской библиотекѣ“ (7 февр.).

2) В. А. Дубянской—о поѣздкѣ лѣтомъ 1904 г. въ Тургайскую и Уральскую области для геоботаническихъ изслѣдований. (7 марта). Свѣдѣнія о киргизахъ.

3) А. В. Журавской: „О центральной части Большеземельской тундры въ естественно-историческомъ отношеніи. Материалы Большеземельской Экспедиціи 1904 и 1905 годовъ“. (21 марта). Свѣдѣнія о Самоѣдахъ: Вымирающія черты быта и культа. Идолопоклонство и православіе. Родовая пары и орбиты кочеванія. Могилы и мольбища. Полигамія и полигинія. О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Эксплоатация. Эпизоотія. Прирученіе дикихъ оленей; метисы. Дегенерациія утвари. Паденіе самоѣдского оленеводства и промысловъ. Экономическая проблемы.

4) Д. чл. А. И. Войкова: „Распределеніе населенія на земномъ шарѣ въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка“ (23 марта).

На общемъ собраниі членовъ И. Р. Г. О-ва (3 мая). В. Ф. Но-шицкій сдѣлавъ сообщеніе о своей поѣздкѣ по Восточной Монголіи, въ которомъ, между прочимъ, были пункты: Населеніе и его занятия. Китайская колонизация. Религіозныя вѣрованія, монастырскій быт. Административное устройство и войска.

Награды по Отдѣленію Этнографіи. Въ 1905 г. Совѣтомъ И. Р. Г. О-ва были присуждены слѣдующія почетныя награды за работу по этнографіи: 1) Большая золотая медаль—проф. Московскаго Университета А. А. Ивановскому за трудъ „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“. М. 1904. Рецензія дѣйств. чл. Б. Ф. Адлера. 2) Большая золотая медаль—дѣйств. чл. С. П. Патканову за сочиненіе „Опытъ статистики и этнографіи тунгусскихъ племенъ Сибири“. Рецензія дѣйств. чл. Н. И. Веселовскаго. 3) Малая золотая медаль—чл. сотрудн. Ст. П. Кузнецова за совокупность трудовъ по этнографіи черемисъ. Рецензія проф. Гельсингфорского Университета Гейнена. 4) Серебряная медаль—студ. Спб. Унив. Ц. Жамиарапову за сообщеніе „О возрожденіи шаманизма среди Забайкальскихъ бурятъ“ и за труды по этнографіи иркутскихъ бурятъ.

Западно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва. Извлекаемъ нѣкоторыя данные изъ только что полученного отчета Отдѣла за 1903 г. Выпущена XXX книжка „Записокъ“ Отдѣла, гдѣ, между прочимъ, помѣщены статьи—В. Попова. „Повѣдь и обычай Сургутскаго края“.—И. Неклепаева. „Слѣды христіанства въ надмогильныхъ киргизскихъ памятникахъ по р. Кокшалу въ Кашгаріи“. Въ музей поступило нѣсколько этнографическихъ предметовъ (разн. народностей) и фотографій. Украденъ кѣмъ-то изъ посѣтителей киргизской книжалъ и ворами—витрина со старыми монетами. Общихъ собраній Отдѣла было 11. На засѣданіи 8 декабря К. П. Линда сдѣлано сообщеніе: „Тибетъ по результатамъ послѣднихъ путешествій“, интересное для этнографовъ. Приходъ музея въ 1903 г.—4.304 р. 67 к., расходъ—3.744 р. 18 к. Цифровыхъ данныхъ—о количествѣ членовъ, по библиотекѣ и др.—въ отчетѣ не имѣется.

Алтайскій Подъотдѣлъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, за 1904 г. Почетн. чл.—9, членовъ-ревнит.—2, чл.-сотр. —7, дѣйств. чл.—98. Бюджетъ Подъотдѣла—972 р. 42 к.

Въ засѣданіи 1 ноября М. К. Барсовъ сдѣлалъ сообщеніе „О столкновеніи между казахскимъ и русскимъ населеніемъ въ Горномъ Алтаѣ летомъ 1904 года“, вызванномъ проповѣдью новой религіи Чета-Чалпаномъ, бѣднымъ казахомъ изъ уроцища Ябаганъ.

Интересное само по себѣ сообщеніе вызвало еще болѣе интересный обмынь мнѣній, причемъ было указано, что движение казаховъ есть показатель совершающагося въ нихъ средѣ какого-то внутренняго процесса. Въ такомъ случаѣ было бы чрезвычайно важно изслѣдовывать, въ чемъ заключается этотъ процессъ и каково это движение. Быть можетъ этимъ намѣтится путь, по которому культура проникнетъ и въ районы горныхъ казаховъ¹⁾.

¹⁾ По тому же вопросу были еще сдѣланы доклады: 1) Д. А. Клеменцомъ въ Западно-Сибирск. Отдѣлѣ И. Р. Г. О-ва (въ авг. 1904 г.). 2. С. И. Акер-Баламомъ (чиновникомъ по землеустройству) въ Юридическомъ О-вѣ при Томскомъ Университетѣ и З. Д. А. Клеменцомъ въ И. Р. Г. О-ве (12 ноябр. 1904 г.). Илложеніе—см. „Извѣстія“ И. Р. Г. О-ва. 1905, в. 1, стр. 155). О томъ же см. статью С. П. Швецова въ „Сибирск. Вѣстн.“. 1904 г., ноябр.

Библиотека Подъотдѣла состояла изъ 1610 названий, имѣются отдѣлы: 4) Этнографія. 5) Географія и путешествія. 7) Археологія. 9) Антропологія. При музей—коллекція фотографій (534 №№), представляющая значительный интересъ для этнографа.

Историко-филологическое общество при Имп. Новороссийскомъ Университетѣ въ 1903—1904 г. Къ маю 1904 г. О-во состояло изъ 6 членовъ учредителей, 2—почетныхъ, 123 дѣйствительныхъ членовъ и 34 членовъ Педагогического Отдѣла, а всего изъ 164 членовъ.

Въ отчетномъ году было 10 засѣданій (181—190), на которыхъ между прочимъ, были заслушаны и обсуждались слѣдующія сообщенія членовъ О-ва:

Вилинский, С. Г. Хронографъ редакціи 1601 года.

Истринь, В. М. Особая редакція Хронографа Московского Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (къ вопросу о древне-богарской энциклопедії).

— Можетъ ли русская литература до Петровскаго периода строиться въ хронологическомъ порядке? (По поводу взглядовъ Пыпина и Никольского).

— О статьѣ В. Н. Перетца „О нѣкоторыхъ основныхъ настроенияхъ русской литературы въ ея историческомъ развитіи“.

Лазурский, В. Ф. Научная дѣятельность проф. А. М. Кирпичникова.

Рытменко, А. В. Исторія сказанія о 12 снахъ царя Мамера въ славяно-русской литературѣ.

Кромѣ того на 185 засѣданіи *В. М. Истринь, Е. Н. Щепкинъ* и *Х. П. Ящурожинскій* сдѣлали сообщенія, посвященные „Чамати А. И. Маркевича“.

Приходъ О-ва, вмѣстѣ съ пособіемъ отъ Мин. Народн. Просв. (500 р.), составлялъ 1.434 р. 46 к. (въ томъ числѣ остатокъ—880 р. 51 к.). Израсходовано было—696 р. 26 к.

Этнографический Отдѣлъ Русскаго Музея Александра III. Въ отдѣль для будущаго Этнографического Музея недавно поступила интересная коллекція, собранная въ 1904 и 1905 годахъ *Ф. К. Волковымъ*, главнымъ образомъ, въ Гуцульщинѣ и у Бойковъ въ Восточной Галиціи. Коллекція эта обнимаетъ собой постройки, предметы домашняго обихода, сельскаго промысла, одежды и проч. Очень интересны прекрасныя модели старинныхъ деревянныхъ церквей почти не уцѣлѣвшихъ въ русской Украинѣ, оригинальныхъ хатъ и пр. Изъ предметовъ обихода особенно обращаютъ на себя вниманіе орудія для добыванія огня посредствомъ тренія, покрытыя тонкой рѣзьбой деревянныя издѣлія, часто вполнѣ художественной работы, очень большая коллекція (около 600 шт.) писанокъ, множество удивительныхъ, по роскоши, красокъ и узора вышивокъ. Въ числѣ принадлежностей одежды замѣчательны живописные костюмы Гуцоловъ и особенно коллекціи мѣдныхъ украшеній, аграфовъ, ожерелій изъ крестиковъ, орнаментированныхъ крестовъ и т. п., а также роскошныя, по затѣйливой отдѣлкѣ, топорцы, келены, полки, деревянныя съ инкрустациими и сѣфланными изъ оленыхъ роговъ.

рѣзныхъ пороховницы, оружіе, покрытыя мѣдными бляхами табівки (сумки), большое количество необыкновенно затѣйливыхъ головныхъ уборовъ и т. п.

Знаменитая коллекція Н. Л. Шабельской въ настоящее время также перешла въ собствѣнность Музея. Часть этой коллекціи—1078 №№ (324 головныхъ убора; 129 №№ русскихъ старинныхъ одеждъ: сарафаны, ферязи, шубки, душегрѣйки и пр.; и 625 №№ мелкихъ вещей: серги, пуговицы, оплечья, шитье, ларцы и пр.) была привезена въ даръ наследницами покойной. А остальная часть коллекціи—2596 №№ (1790 №№ вышивокъ, шитья, кружевъ и пр.; 132 №№ оклады образовъ, ризы, воздухи; 422 №№ образцовъ старины. золотыхъ шелковыхъ и набивныхъ тканей, и 252 №№ образцовъ старинныхъ золотыхъ галуновъ и кружевъ) приобрѣтена за 40.000 руб., причемъ эта сумма заплачена Государемъ Императоромъ. Вся коллекція будетъ помѣщена нераздѣльно подъ именемъ отдана Н. Л. Шабельской и съ ея портретомъ въ отдѣлѣ.

Фризы для Музея. Уже седьмой годъ скульпторы Богатыревъ и Харламовъ лѣпятъ фризы для строящагося этнографического музея при музѣѣ Александра III. Фризы будуть тянуться вдоль стѣнъ едва-ли не на четверть версты. Цѣлыхъ сотни крупныхъ, больше натурь, барельефныхъ фигуръ. Въ видѣ жанровыхъ композицій представлены всѣ народности нашего пестраго отечества. Всѣ эти фигуры обрабатывающіе поля украинцевъ, джигитующихъ казаковъ, сосущихъ трубочки финляндцевъ, сидящихъ вокругъ костра самойдовъ—скомпанованы весьма жизненно и безъ натяжки. Фризы Богатырева замѣтно разнятся отъ фризовъ Харламова. Лѣпка Богатырева—эскизный, декоративный и отзываетъ подражаніемъ Родену. Харламова—строже законченѣе. Длинными рядами стоять въ особомъ помѣщеніи уже готовыя, отлитыя въ гипсѣ плиты фризовъ. Для этнографического музея—это самый подходящій родъ скульптуры.

Пермскій научно-промышленный Музей. Къ 1-му янв. 1905 г. О-во имѣло 92 почетн., дѣйств. и членовъ соревнователей.

Въ отчетномъ году было—21 научн. бесѣда, лекц. и сообщен. Изъ нихъ по Этнографіи—2 (П. Н. Серебрянниковъ. „Пермяки“ этнографический очеркъ); по археологіи—1 (И. Г. Остроумовъ. „О результатахъ научной экспедиціи въ с. Сергинское, Пермского уѣзда“); по географіи—3. Былъ изданъ и разосланъ, напечатанный въ количествѣ 400 экземпляровъ 1-й выпускъ „Материаловъ по изученію Пермскаго края“.

Изъ поступлений можно отмѣтить: въ этнографической отдѣль—22 экз., въ археологической—до 40 экз. и въ исторической (съ коллекціями церковныхъ древностей и нумизматич.)—до 180 экз.

Работы по разборкѣ коллекцій и составленію каталоговъ имѣ продолжались по прежнему, но такъ какъ эти работы ведутся единолично хранителемъ музея, при помощи лишь завѣдывающаго зоологическимъ отдѣломъ С. Л. Ушакова, то понятно, что онидвигаются довольно медленно, хотя количество времени и труда, требующихся

на эти работы, совершенно не поддаются определению посторонняго глаза. Выдѣлены въ отдельные коллекціи монеты и медали съ одной стороны (нумизматическая коллекція) и древности церковныя—съ другой. Остальные же предметы, состоящіе изъ рукописей, старинныхъ книгъ, картинъ, древнихъ украшений и частей костюмовъ и многаго другого, систематизировать еще невозможно за отсутствиемъ не только витринъ, но даже и мѣста для таковыхъ, поэтому не приступлено и къ составленію каталога этого отдѣла. Въ этнографическомъ отдѣлѣ систематизация коллекцій закончена. Посѣтителей въ Музей въ теченіи 1904 г. перебывало—17.837 чел.

Къ отчету приложены портретъ и біографія Ф. А. Теплоухова, извѣстнаго изслѣдователя чудскихъ древностей, умершаго въ 1905 г., занимавшагося и вообще пермскими древностями.

Объ его статьяхъ по археологии Пермского края можно сказать, что онѣ, „по богатству материала, по стройности выводовъ и изложенію представляютъ лучшія работы по Пермскимъ древностямъ и ставятъ имя ихъ автора среди изслѣдователей этихъ древностей на первое мѣсто“. Таковъ выводъ А. А. Спицина, съ предисловіемъ котораго изданъ въ 1902 г. Императорской Археологической Комиссіею атласъ съ 1000 рисунковъ съ предметовъ коллекціи Теплоуховыхъ, заключающей въ себѣ болѣе 7000 исключительно мелкихъ мѣдныхъ предметовъ и черепковъ. Къ біографіи приложенъ списокъ напечатанныхъ работъ покойного (всего—29 №№).

Вятскій Губернскій Статистический Комитетъ предпринялъ изданіе полнаго этнографического описанія Вятского края и разослалъ мѣстнымъ интеллигентамъ особую программу (напечатана въ качествѣ особаго приложения къ газетѣ „Вятскій Вѣстникъ“ 1906 г. № 60). Главная задача описанія: 1) установка среди великорусского населения Вятского края этнографически различныхъ группъ и сравнительное изученіе бытовыхъ особенностей этихъ группъ; 2) сравненіе современного народнаго быта съ прежнимъ.

Выполненіе первой задачи должно пролить свѣтъ на этнографическую отличія древней Новгородской Руси отъ Суздальской, такъ какъ Вятской край населенъ представителями той и другой.

Вѣсти изъ экспедиціи къ Туруханскому остижанью. Извлекаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ письма В. Анутина къ А. А. Макаренко: „Вернулся изъ поѣздки въ началѣ октября (1905 г.) и теперь, впредь до новой поѣздки живу въ Красноярскѣ. Поѣздку нужно назвать удачной, материаловъ всаическихъ груды... Коллекцію собралъ порядочную, но въ этомъ отношеніи меня под്ബираетъ недожватка денегъ, думаю изобрѣсть что нибудь къ предстоящей поѣздкѣ и увезти уже все, что можно увезти. Сдѣлалъ тьму фотографій и вывезъ нѣсколько фонограммъ съ шаманскими напѣвами (есть и не шамансіе—ихъ много). Записалъ около 2.000 словъ и около 8 печатныхъ листовъ текстовъ, выработалъ азбуку, собралъ материалы для грамматики, ну и всякия записки, этнографія, антропология, миѳология, фольклоръ вообще и т. п. Таковъ мой багажъ послѣ поѣздки... (Извлеченіе сдѣлано съ разрѣшенія А. А. Макаренко).

Экспедиція на Дальний Востокъ. Въ началѣ 1906 г. Ф. П. Рибушинскій обратился въ Академію Наукъ, И. Р. Географическое О-во и Имп. О-ва Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи съ письмомъ, слѣдующаго содержанія: „Желая организовать научную экспедицию на Камчатку съ цѣлью возможно подробнаго изслѣдованія ея въ археологическомъ, антропологическомъ, этнографическомъ, геологическомъ, географическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ, честь имѣю просить... (названныя ранѣе учрежденія) взять означенную экспедицію подъ свое покровительство... Экспедицію, разсчитываемую на два года, предполагается осуществить въ началѣ 1907 года. На экспедицію ассигнуется мною по 100.000 рублей въ годъ, всего на два года 200.000. Коллекціи, которыхъ будутъ собраны экспедиціей, предполагаю предоставить музеямъ Петербурга и Москвы. Надѣюсь, что... (названныя ранѣе учрежденія) окажутъ экспедиціи свое про свѣщенное содѣйствіе, какъ разсмотрѣніемъ подробныхъ программъ, которыхъ будутъ представлены отдельными специалистами—членами экспедиціи (подысканіемъ которыхъ я занятъ въ настоящее время), такъ и необходимыми сношеніями съ администрацией“.

Другая экспедиція, инициаторомъ которой является П. Ю. Шмидтъ, находится подъ покровительствомъ Имп. О-ва судоходства и комитета помощи поморамъ русского сѣвера, ставить цѣлью изученіе рыбныхъ промысловъ Охотско-Камчатскаго края. Кроме общества судоходства эту экспедицію поддерживаютъ общество рыбоводства и рыболовства и Императорское географическое общество.

Третья экспедиція имѣть цѣлью изслѣдованія гидрографической, т. е. описание дальневосточныхъ морей и выясненіе условія плаванія въ нихъ (промѣры, съемки и т. д.). Эта экспедиція снаживается гидрографическимъ департаментомъ морского министерства.

Поѣздка къ зырянамъ. Въ срединѣ мая отправится на среднюю Печору студентъ-естествоznникъ Петербургскаго Университета С. Сергеевъ для собирания этнографическихъ коллекцій среди зырянъ. Общими границами района, въ которомъ онъ предполагаетъ работать, будуть: на востокѣ—Уральскій хребетъ, на западѣ—бассейны лѣвыхъ притоковъ Печоры, Мылвы, Сайвы и Велавы, на югѣ—селеніе Порогъ и въ сѣверѣ—Красный боръ.

Этотъ участокъ выбранъ потому, что здѣсь, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ зырянского края, должно сохраниться все характерное и цѣнное для этнографіи зырянъ. Впрочемъ, не исключается возможность уклоненія въ сторону отъ названаго района, если это окажется нужнымъ.

Этнографическая экскурсія. Отъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго, при Имп. Академіи Наукъ, для собирания этнографическихъ коллекцій среди якутовъ, командированъ въ Якутскую область В. Н. Васильевъ.

Людоѣдство въ Сибири. З декабря привезли изъ Верхне-Колымска юкагира, и на основаніи дознанія, сдѣланного засѣдателемъ Аргуновомъ, помѣстили какъ людоѣда въ мѣстный караульный

домъ. Изъ дознанія видно, что этотъ оставшійся изъ десяти человѣкъ въ живыхъ ссыль, по просьбѣ дочери, своего родного племянника, которого онъ зарѣзалъ. Продолжалъ быть и послѣ добычи одного лебедя, потому, что мясо человѣка предпочиталъ мясу послѣдняго... До этого его довелъ нестерпимый, ежегодно повторяющійся въ котыскомъ округѣ, голодъ... Родовой юкагирскій староста Долгановъ показалъ, что онъ съ однимъ сородичемъ, разыскивая эту семью еще весною сего года, нашелъ ихъ уросу, снаружи которой стояла дочь юкагира и, не замѣчая ихъ, пришедшихъ, вѣвъ вареную человѣческую голову. Увидѣвъ такую неожиданную картину, Долгановъ и спутникъ его въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать обратно...

Самоубійство цѣлаго племени чукчей. Кроме того получено извѣстіе съ верховьевъ рр. Омолона и Олой. Извѣстіе это крайне неутѣшительное. По разсказамъ принесшаго извѣстіе юкагира, чукчи, жившіе въ верховьяхъ названныхъ выше рр., два года тому назадъ, благодаря эпизоотіи, лишись всѣхъ своихъ табуновъ оленей и впали въ страшную нужду. Попробовали было проищѣять звѣрей, но ихъ, съ дѣтства не пріучившихся къ промыслу, всюду преслѣдовала неудача. Голодные, нагие и еле живые дотянули они свое существованіе до первой зелени (первыхъ чиселъ июня 1905 г.). Помощь не являлась, даѣть жить не было никакой возможности.

Ясно стало для всѣхъ, что ихъ ждетъ голодная смерть. Тогда они сдѣлали общее собраніе всего олойско-омолонского рода, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ они жили людьми богатыми. На собраніи этомъ послѣ цѣлодневнаго совѣщенія было решено: каждый глава семьи долженъ убить всю свою семью и покончить жизнь самоубійствомъ. Рѣшеніе это было принято и исполнено всѣми. Къ утру другого дня все было готово, на возвышенной площади, всѣ, вчера живые, лежали мертвыми и покойными, тѣсно сплотившись одинъ около другого. Цѣлое племя покончило съ собою, не оставивъ потомства. („Наша Жизнь“, 1906, 17 марта).

Новый бурятскій алфавитъ. Среди интеллигентіи Забайкальскихъ бурятъ въ послѣднее время серьезно возбуждается вопросъ о введеніи новаго бурятскаго алфавита.

Сообщая это извѣстіе, „Байкалъ“ пишетъ: монгольскій алфавитъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма не совершенъ, весьма не точенъ, такъ что монгольское письмо можетъ читать правильно лишь тотъ, кто хорошо знаетъ монгольскій языкъ. Затѣмъ, алфавитъ, будучи слоговымъ, а не звуковымъ, весьма сложенъ и особенно трудно дается дѣтямъ. Всѣ эти недостатки монгольского алфавита особенно стали чувствовать забайкальские буряты, стоящіе по культурности значительно выше своихъ соѣдей монголовъ. Но такимъ причинамъ и явилась среди бурятъ мысль ввести въ свой обиходъ новый, болѣе соответствующій своему назначенію алфавитъ. Эта насущная потребность бурятъ все болѣе усиливается вслѣдствіе происходящаго среди нихъ культурнаго движения; буряты въ послѣднее время начинаютъ проявлять сильное стремленіе присоединиться къ общему прогрессу. Понятно, что такое явленіе среди бурятъ посте-

пенно приводить къ тому, что одна религіозная литература уже не можетъ удовлетворить и охватить всѣхъ сторонъ духовной жизни человѣка: является потребность къ свѣтской литературѣ. Въ слѣдующемъ выпускѣ редакція предполагаетъ дать болѣе подробныя свѣдѣнія о новомъ бурятскомъ алфави.ѣ.

„Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ“ съ 1906 года будутъ выходить шесть разъ въ годъ, книжками въ 7—8 печатныхъ листовъ, in 8°.

Въ недавно вышедшей 4-й книжкѣ за 1905 г. „Этнографическаго Обозрѣнія“ помѣщены статьи: *A. Маркова*. „Изъ исторіи русскаго былаго эпоса“. *D. Зеленина*. „У оренбургскихъ казаковъ“. *B. Миллера*. „Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ“. *E. Елеонской*. „Нѣкоторыя замѣчанія о русскихъ народныхъ сказкахъ“. *A. Шиманьскаю*. „Происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ“. Смѣсь. Обширная „Критика и библіографія“ и „Хроника“.

„Костромская Старина“,—издаваемая Костромской губернской архивной комиссией, согласно заявлению комитета будетъ выходить 4 раза въ годъ. 1 вып. вышелъ въ маѣ.

17 мая утвержденъ уставъ армянского этнографического общества въ Тифлисѣ (Телеграммы П. А.).

„Археологическая Лѣтопись Южной Россіи“, прекратила свое существование.

Энциклопедія славянской филологии „мало по малу двигается; по крайней мѣрѣ первый, лингвистический отдѣлъ энциклопедіи представляется мнѣ—пишетъ акад. И. В. Ягичъ—теперь уже въ опредѣленномъ видѣ. Большинство приводимыхъ въ проспектѣ сотрудниковъ подаютъ большія надежды, что они исполнять возложенную на нихъ задачу, что представлять статьи къ сроку. Итакъ по моему расчету можно бы надѣяться, что самое позднее лѣтомъ 1906 года мы приступимъ къ печатанію энциклопедіи“...

Премія имени П. Н. Батюшкова. Къ сроку (31 дек. 1905 г.) на соисканіе преміи имени П. Н. Батюшкова представлена лишь одна работа *M. Довнаръ-Запольского*. „Очерки по организаціи западно-русского крестьянства въ XVI вѣкѣ“. Кіевъ. 1905. Для разсмотрѣнія этой работы образована комиссія изъ академиковъ: *E. E. Голубинскаго*, *M. A. Дьяконова*, *B. И. Ламанскаго*, *A. C. Лаппо-Данилевскаго*, *A. A. Шахматова* и *I. I. Янжула*.

XIV Археологический Съездъ соберется въ 1908 году въ городѣ Черниговѣ. Программа предварительныхъ работъ и правила будущаго Съезда были выработаны депутатами ученыхъ о—въ Москвѣ 7-го февраля 1906 г. при Имп. Московскомъ Археологическомъ О-вѣ.

Русскія археологическія коллекціи за границей. Недавно вернулись въ Россію археологическія коллекціи, принадлежащія князю П. А. Путятину и художнику-археологу Н. К. Рериху, находившимся на международномъ археологическомъ конгрессѣ, состоявшемся на югѣ Франціи въ Périgueux (Dordogne). Это былъ первый опыт демонстраціи предметовъ относящихся къ каменному вѣку, добытыхъ въ Россії, передъ представителями всего міра. Одинъ Рерихъ послалъ 1 $\frac{1}{2}$ т. номеровъ, которые крайне заинтересовали такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Мортилье, Капитенъ, Риверье и др.

Въ защиту русской старины. Профессоръ и ректоръ Императорской академіи художествъ Л. Н. Бенуа вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующимъ заявлениемъ: „Недавно узналъ изъ достовѣрнаго источника о томъ, что инженерное вѣдомство предполагаетъ построить новое зданіе для инженерного училища, избравъ мѣстомъ для него площадь передъ замкомъ. Зданіе это образуетъ полуокругъ съ памятникомъ Петру I въ центрѣ. Въ виду выдающагося архитектурного значенія инженерного замка, какъ одного изъ лучшихъ памятниковъ зодчества, считаю необходимымъ, чтобы вопросъ этотъ былъ представленъ на обсужденіе академіи. Надо сдѣлать отъ насъ все зависящее, чтобы сберечь эту историческую площадь, иначе мы навлечемъ на себя справедливое нареканіе всего образованнаго міра“. Совѣтъ академіи единогласно присоединился къ мнѣнію профессора Бенуа.

Древній храмъ Артемиды найденъ на-дняхъ на берегу рѣки Ефрата, близъ границъ дневнѣй Спарты, директоромъ британской археологической школы въ Ассирии. Въ руинахъ открыто множество статуэтокъ богини и реликвій: золотыхъ, серебряныхъ и изъ слоновой кости, а также интереснѣйшихъ орнаментовъ. Счастливый археологъ получилъ отъ англійского короля Эдуарда телеграфное пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ. На храмъ Артемиды наткнулись, какъ всегда бываетъ, совершенно случайно, при раскопкахъ на мѣстѣ древней Спарты.

Открытие римскаго водопровода. Уже въ прошломъ году были найдены въ Вѣнѣ первые слѣды римскаго водопровода. Инспектору римскихъ раскопокъ въ Вѣнѣ удалось за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ откопать этотъ водопроводъ на разстояніи 700 метровъ. Водопроводъ, прекрасно сохранившійся, состоитъ изъ канала, прикрытаго тяжелыми каменными плитами и выложенного камнемъ; ширина его равняется 50 сантиметрамъ, а глубина отъ 50 до 70 сант. Обѣ боковыя каменные стѣнки толщиною въ 30 сант. Внутренность этого канала залита цементнымъ растворомъ и такъ хорошо сохранилась, что даже теперь, послѣ 1700 лѣтъ, водопроводъ этотъ еще можетъ быть употребленъ въ дѣло. Интересенъ тотъ фактъ, что въ этомъ каналѣ на извѣстныхъ разстояніяхъ устроены углубленія въ 30 сант. глубины и въ 70 сант. длины, служившія для осадка различныхъ нечистотъ. Дно канала постепенно расширяется по направлению къ Вѣнѣ. Въ настоящее время

производится дальнѣйшее изслѣдованіе этого водопроводнаго канала, чтобы убѣдиться въ томъ, откуда древніе римляне проводили воду.

Путешественница Изабелла Масье награждена правителъствомъ республики орденомъ почетнаго легиона; она объѣхала и подробно описала Анти-Ливанъ, островъ Яву, Кашмиръ, Тибетъ, Ладакъ, поднялась на Чангъ-Ла (5.700 метровъ высоты) и спустилась въ устья Химисъ и Варданъ.

Изабелла Масье—членъ географического общества въ Парижѣ, членъ совѣта коммерческой географіи, членъ комитета французской Азіи. Ею составленъ словарь индостанскаго языка, ею, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, составленъ путеводитель по Индокитаю, Сіаму, Камбоджѣ, Бирманіи, Ирравади и горной странѣ Ай-Лао, откуда она проникла въ Китай по рѣкѣ Янъ-Цзы, прошла затѣмъ пустыню Гоби и Монголію. Черезъ Сибирь она возвратилась въ Парижъ. Французская академія премировала ея научные труды, Фердинандъ Брюнетъ открылъ ей страницы „*Revue des deux Mondes*“.

Векрытіе саркофага Карла Великаго. Аахенъ, 4-го іюля. Въ здѣшнемъ соборѣ, въ присуствіи представителей администраціи и духовенства, былъ вскрытъ саркофагъ императора Карла Великаго. При этомъ извлечены двѣ драгоценныя ткани, имѣющія большое художественно-историческое значеніе; ткани эти отправляются на врема въ Берлинъ, гдѣ съ нихъ будетъ снята фотографія.

Хроника составлена Н. Виноградовыи.

Въ видахъ достижения возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно просить гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присыпать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

„Політическая Энциклопедія“

подъ редакцієй Л. З. Слонимского.

Вышодъ выпускъ II.

Въ этомъ выпускѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Антисемитизмъ, В. Водовозова, Н. Рейнгардта и Л. Слонимского; Арбитражъ, бар. Б. Нольде; Арендныя отношенія, А. Дядиченко и Л. Чермака; Арестъ судебный и полицейскій, проф. кн. С. Друцкаю; Армія, проф. А. Добровольскаю; Арсеньевъ К. К., А. Ф. Кони; Артели, Ф. Щербины; Архангельская губернія, Д. Рихтера; Афганистанъ, З. Авалова, Африка, бар. Б. Нольде; Африкандеры, Баварія, Баденъ, Базель, В. Водовозова; Багдадская желѣзная дорога, бар. Б. Нольде; Балканскій полуостровъ, бар. Б. Нольде и П. Калинкова; Бальфуръ, С. Рапопорта; Банкеты, В. Водовозова; Банъ хорватскій, С. Радича; Баррикады, В. Рейнгардта; Батраки, Ф. Щербины; Башкиры и башкирскія земли, А. Дядиченко; Бебель, В. Водовозова; Бездомовые, Ф. Щербины; Бездѣйствіе власти, проф. кн. С. Друцкаю; Безземельные крестьяне, Ф. Щербины; Безобразовъ М. А., В. Рейнгардта; Безопасность, С. Шумакова; Безпаспортные, Ф. Щербины; Безработица, В. Святловскаю; Берлинскій трактатъ, бар. Б. Нольде; Берлинъ, Р. Стрѣльцова; Бернштейнъ, Эд., Б. Водовозова; Библіотеки, В. Рейнгардта; Бирмингемъ, С. Рапопорта; Благонадежность, Благонамѣренность, Благополучіе, В. Рейнгардта; Благотворительность, Г. Чернявскаю; Блокада, бар. Б. Нольде; Бобыли, Ф. Щербины; Богатство, Г. Чернявскаю; Бойкотъ, В. Водовозова; Болгарія, П. Калинкова; Болгарская конституція, П. Милюкова; Босфоръ и Дарданеллы, бар. Б. Нольде; Бразилія, В. Водовозова. Съ 11 портретами и иллюстраціями, 3 страниц картограммъ и 17 страниц географическихъ картъ. Подписная цѣна за всѣ 15 выпусковъ—9 рублей, съ разсрочкой платежа по 1 р. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ изданіемъ, всѣмъ желающимъ высылается первый выпускъ съ обязательствомъ возвратить его, если подписка не состоится. Главная Контора: Спб., Невскій, 88. Подписка принимается также въ иногороднихъ отдѣленіяхъ и у представителей Главной Конторы.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Критика и библиография.

1. Научные труды. А. А. Спицына <i>Д. К. Зеленина</i>	15—18
2. Рецензии на: Русский Филологический Вестник. Г. Ильинского.—Ежегодник Русской Антропологии. И. Абрамова.—Изборник киевский. Г. Ильинского.—Радищевъ, А. Н. Путешествие из Петербурга въ Москву. В. Чернышева.—Ермоловъ, А. Народная с.-хоз. мудрость, т. т. II—IV. Н. Виноградова.—Кондаковъ, Н. П. Изображение русской княжеской семьи. Н. Виноградова.—Памяти проф. И. Н. Смирнова. Н. Виноградова.—Виноградовъ, Н. И. П. Сахаровъ и его „Русск. народн. загадки и притчи“. Г. И.—Марковъ, А. В. Что такое Овсень? Д. Зеленина.—Карский, Е. Ф. Малорусский Нуцидарий. Г. Ильинского.—Карский, Е. Ф. Отчет о поездкѣ въ Бѣлоруссию. Г. Ильинского.—Карский, Е. Ф. Къ вопросу о разграничении русск. нарѣчий. Г. Ильинского.—Чичерина, С. У приволжскихъ инородцевъ. Н. Виноградова.—Кузнецовъ, С. К. Общин. порядки у вотяковъ. Д. З.—Бушъ, Н. А. По горамъ и ущельямъ Хевсурин и Тушетии. Д. Зеленина.—Сборник. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Н. Виноградова.—Труды Троицко-Савск.-Кяхт. Отд. Э. Пекарского.—Науковый Збирникъ. И. Абрамова.—Ровинский, П. А. Черногорія. Г. Ильинского.—Белицъ, А. Диалектологич. карта сербск. яз. Н. В.—ва.—Грюнведель, А. Bibliotheca Buddhica. Э. Пекарского.—Handbuch des Deutschtums im Auslande. Г. Ильинского	19—37
3. Журналы 1905 г.	38
4. Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію	39

О Т Д Ъ Л Ъ V.

С м ъ с ь.

1. Два слова къ вопросу о курскихъ и тульскихъ говорахъ. Д. К. Зеленина.	31
2. Существуютъ ли въ русскомъ языке слова кагора и кагорщикъ? Д. К. Зеленина	34
3. Бурлаки на Днѣпрѣ. И. С. Абрамова.	35
4. Почему въ Россіи умираетъ много дѣтей (народная легенда). И. С. Абрамова.	36
5. Мелочи историко-литературн. и этнографическія. V. Н. Н. Виноградова	37
6. Стихъ о страшномъ судѣ. Запись К. Е. Охотина . . .	39
7. Мордовская историч. пѣсня. Запись К. Афанасьевъ. . .	40
8. Хроника (36 замѣтокъ). Сост. Н. Виноградовъ.	41

Объявленія.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XV

годъ изданія.

1906

XV

годъ изданія.

1906

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФІИ

ІМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакцію Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанского, секретаря Отдѣленія Ф. И. Щербатскаго и чл.-сotr. Н. Н. Виноградова, въ XV году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе вышеупомянутыхъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критической и библіографической обзоръ литературы народовъ земли.

Вступая въ XV годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжестъ отдѣла критики и библіографіи. При послѣднемъ выпускѣ, въ видѣ приложения — отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (80 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ — 5 р. съ доставкою, для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ: 1) Рукописи, присланные въ редакцію для помещения въ журналѣ, въ случаѣ надобности подлежать сокращенію и исправленію. 2) Авторы, желающие читать корректуру своихъ статей, благоволять дѣлать на рукописи соответствующую помѣтку и указывать свой точный адресъ.

Редакція.